

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

СИБИРСКИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Я сам себе не поверил, когда мне это взбрело в голову: Россия – изначально! – от Тихого океана до Атлантического. Изначально. В божьем помысле, в божественном замысле, в небесной идее России.

Вовсе не по Ломоносову – России «прирастать» Сибирью и Сибирской Арктикой. Не прирастать. Азиатская Сибирь – Азиатская Россия изначально. Восточная Россия. Западная – Московское Царство, прежде: Киевская Русь. Они – Запад и Восток России – не отдельно – они сразу – вместе, единое целое, будущая Российская Империя.

Никаких механических прирастаний. Ментально – в божьем промысле.

Я сам понимал, что это – мозговые заморочки, умствования на запоздалое неприятие расхожего: Сибирь – как колония.

Чего-то не хватало. Зияющие пустоты в голословных размышлениях.

И тут мне помог, пришел на выручку Александр Невский. Уже в его время, в XIII веке Сибирь и русские княжества в Европе существовали в едином государстве.

Путешествие Александра Невского в Каракорум. «Русский Улус», «Славянский Улус»

Великой Империи, где не просто ментально, а фактически существовало общее государство.

Со столицей – Каракорум.

Мы воспитаны в каноне: татаро-монгольское иго – беда Руси. Однозначно. Подлинная сложная достоверность – крамола. Ересь. Довлеет.

Но кто усомнится в святом и благоверном?

Александр Невский. Безусловное и безусловное «лицо России». Главный национальный герой. Родоначалник современной России. Русский лидер безупречной репутации. Неоспоримо. Государственный муж. Государственный мудрец.

Конечно, я помнил, что великий князь Новгородский Александр добирался и до моей родной Сибири, совершил государственное путешествие аж до самого Каракорума.

Но это мельком, мимоходом – советские историки ни своё, ни моё внимание не заостряли, и на азиатских маршрутах Александра Невского не акцентировались.

Зачем на другой край света в 1247 году ехал молодой победитель беспощадных тевтонов Александр?

№ 3 (133), 2021

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Подписано в печать 21 июня 2021 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 495к-21

СОДЕРЖАНИЕ

Слава и гордость России

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Сибирский путь Александра Невского..... 1

Мы – один мир

Надя ФЕНИНА

Верьте лопарям, и мир изменится..... 5

Люди мира

Валерий ГАНСКИЙ

Без борьбы нет жизни..... 13

Зажгите костры в океане

Вячеслав ОГРЫЗКО

«Ловил» платформу Берингию..... 18

Из наследия великого романтика

Олег КУВАЕВ

Теневиль. Рассказ 31

Советская классика

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Пятьдесят оттенков золота..... 37

Поэтический альбом

Татьяна ЯРЫШКИНА

Сердце есть, а без Бога пусто..... 40

Повесть

Леонид БАБАНИН

По дороге к родному чуму..... 43

Вернисаж

Виктор КОШЕЛЕВ

Колотил бочки на сельдяной путине..... 80

Он же не просто немецких псов-рыцарей разбил: европейскую агрессивную орду. А едет в Каракорум – столицу мировой Орды Чингиз-Хана и его наследников. Князь только что похоронил отца, нашедшего свою смерть в Золотой Орде. И вернётся ли сам живым из Каракорума – и никому не ведомо.

Но чтобы править на родине – в Новгороде Великом – он должен получить «небесный ярлык» в Каракоруме.

С лишком три года будет длиться этот азиатский маршрут будущего великого князя. Александр получит «небесный ярлык» на княжение. Да, это не вполне европейские традиции – это геополитические восточные премудрости и благословение азиатского Неба на власть.

Что демонстрирует этот дальновидный, но трудный шаг Невского? Неизбежность? Покорность? Смирение? Слабость?

Я хочу понять его логику, вникнуть в его размышление. Его собственную прозорливую, дальновидную, перспективную логику. Летописцы и историки, пожалуй, простят великому государственному мужу эту вынужденную покорность. Интерпретаторы простят, но не примут. Негоже русскому государю унижаться даже перед Владыкой Вселенной ради мандата Неба. Лучше забыть, запомнить, представить мелкой случайностью, временной слабостью великого лидера.

Но сам-то Александр Невский? Он что – топтал собственную гордость? Великую русскую гордость? Княжеское достоинство?

Но если понять логику князя Александра – рано или поздно поймёшь и логику стратегии России.

Александр получал азиатский мандат на власть в Новгороде Великом. Но не только. Русь, становясь азиатской

страной, в будущем получала мандат на Российскую Империю на двух континентах – в Европе и Азии. Дальновидно и через века смотрел на судьбу своей родины этот молодой ещё человек. Мудрость выше гордыни. Мудрость – высшая гордость.

Я – азиат в первом поколении, но на судьбу своей страны смотрю именно из Азии – Российской Азии.

Государственный подвиг – это мудрость.

Русь с Сибирью, Сибирь с Русью началась именно при Александре Невском, в далёком XIII веке, после его трансконтинентального путешествия – государственного визита за «небесным ярлыком».

А царь Иван Грозный, присовокупив к Московскому царству ханства Казанское, Астраханское и, добровольно примкнувшее, Сибирское, продолжит традицию великих азиатских империй, – дарованную по «небесному мандату» власть.

Я ещё сам не привык к собственной мысли: Россия ментально, в божественном замысле изначально и сразу замысливалась как единое целое трёх океанов – от Великого до Атлантики и океана Северного Полюса. Творец – не учитель географии и, пожалуй, не знал имён континентов, ни Европы, ни Азии. Россию он замыслил как единый континент; это

уже потом дотошные административные географы начнут рисовать границы.

И для нас сейчас совершенно ясно: Провиденье вело под уздцы коня всадника Александра – с него исторически начинается Россия в Сибири. Он шёл проторенной дорогой, и туда и обратно, Сарай-Бату – Каракорум, Каракорум – Сарай-Бату. Как, впрочем, и Владимир – Сарай-Бату.

Страстный путь. Крестный путь.

Русское солнце взошло над Тихим океаном. Восходит. Великий русский всадник, стремящийся к солнцу Русского Востока.

Не страшно ли мне самому в своём размышлении? По правде – страшновато. Александр Невский и для меня – пример державной гордости. А это же надо усомниться во всех его достоинствах. На поклон – к врагу, к захватчику, нечестивому.

Скажем, Александр I на коленях ползёт к Наполеону, посыпав голову пеплом горящей Москвы...

Так нас учили...

Где ж она, гордость первых великороссов?

Но если войти в логику молодого русского князя, осознаётся, не сразу, но осознаётся: не учили, а придумывали. Изобретали. Визит в Каракорум совсем уж не замалчивался, а пропускался – досадная

мелочь. Если не простить – то не заметить.

Русские летописи, умеренно восхвалявшие все деяния досточтимого князя, обошлись лаконично острожным:

– ходи Св. Александр в Канович.

(Канович – в церковно-славянском огласовке Каракорум – ставка великого каана (Кхана)).

И это – всё: об этапном событии, может быть – главном событии изначальной единой, евроазиатской истории России.

О Божьем замысле России. Было? Было. Тем хуже для этого «было».

Поздняя советская энциклопедия – Большая! – скрипя сердце признавала:

«Умелой политикой А.Н. ослабил тяготы монголо-татарского ига».

Помнится, мой добрый знакомец великий академик сибирской археологии Анатолий Деревянко кого-то из популярных коллег – приговорил:

– Врёт как летописец.

ВЗГЛЯД АЗИАТА: ЗАМЫСЕЛ РОССИЯ

История России – взгляд с востока. Восточный взгляд. Может ли у восточного рос-

сиянина быть свой взгляд на историю родной страны? Взгляд русского азиата. Взгляд с востока – по солнцу.

Что мне даёт право считать, что Сибирь – ментально – первоначальная Россия. Если смотреть не из Москвы, а мне, азиату – из Сибири.

Мне в поддержку национальный русский герой – великий Александр Невский. Империя Россия начинается с него. Восточная Россия.

Россия – Восточная Европа (считай: второстепенная Европа). А у России есть своя – Восточная Россия.

Запад есть Запад. Восток есть Восток. Неужели он бесконечно прав, этот высокомерный британский колонизатор:

– И им никогда не сойтись? Даже России в России?

Визит в Каракорум...

Понятно, ничего хорошего, ничего приятного для нашего Александра Гордого и русского достоинства. Но велико княжеская миссия исполнена именно – с достоинством.

Достоинство – это преодоление унижения и покорности. А мудрость – высшая государственная гордость. Наш Александр Великий не нуждается в наших оправданиях, ибо вёл себя как Александр Мудрый.

Дальновидный мудрец Александр Невский не выби-

рал: Европа? Азия? Он, очень молодой человек, через века понимал – это единое пространство, и судьба будущей России – это судьбоноснообщая Евразия. Руси без Азии – не быть.

Геополитический термин «Сибирь» тогда ещё неведом, но это, империя Чингисхана – уже Восточная, Монгольская, Сибирская Империя, со столицей в северо-монгольской, юго-сибирской ханской ставке – КароКоруме.

Хочешь-не хочешь, как к этому ни относишься... XIII век, 1247 год, великий князь Александр Ярославович Невский получает ярлык на власть в Новгороде Великом в ... Сибири. Каракорум – северная Монголия. Сибирь. Будущая Сибирь. Под властью Александра – великие княжества Владимирское и Киевское – часть обширного азиатскоевропейского государства. Новгород – в одной империи с Сибирью.

Последний русский летописец Михайло Ломоносов не позадумается:

– Россия Сибирью прирастать будет.

Но к тому времени у Сибири с Россией уже пятивековая общая история.

Ух ты, как же не ценят в Европе свои азиатские владения! Богатства любят, а историю, общее прошлое не переваривают.

Но.

Спасибо, Александр Ярославович! Спасибо, Александр Мудрый.

Тысячелетняя Россия. Тысячелетняя российская Сибирь.

Русь с Сибирью, Сибирь с Русью началась именно при Александре Русском, в далёком тринадцатом веке после его трансконтинентального путешествия – хождения в Дальнюю Сибирь Александра Невского.

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

г. ТЮМЕНЬ

Надя ФЕНИНА

ВЕРЬТЕ ЛОПАРЯМ, И МИР ИЗМЕНИТСЯ

Предсказания саамской шаманки

- О нас, саамах, рассказывали всякую глупость, – печалится моя собеседница Надя Фенина (она считает себя шаманкой). – Я сейчас такой посланец мира: езжу, рассказываю о культуре своего народа.

Но прежде чем послушать предсказательницу саамов, дадим короткую справку.

Древний народ саами тысячелетиями живет в Лапландии. Раньше их называли лапландцами, лопарями. Нынешняя территория проживания саами поделена между четырьмя странами: Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией (Кольский полуостров). Саами – малочисленный этнос: в мире их насчитывается всего около 80 000 человек. А в России – меньше двух тысяч.

Однако, несмотря на свою малочисленность, этот коренной народ с древности хорошо известен в Европе. Первое упоминание саамов встречается в конце XII века у датского летописца Саксона Грамматика.

Когда-то лопари жили исключительно оленеводством, охотой и рыболовством, почитали духов-хозяев традиционных промыслов или явлений природы, поклонялись священным камням-сейдам.

С далекого прошлого и до XVI-XVII вв. предки Кольских саамов занимали значительно большую территорию, населяя земли современной Карелии. С продвижением карелов на север лопари были постепенно вытеснены с этих земель.

Появились переселенцы, началось промышленное освоение Севера. А в 20 веке пришла советская власть, насильственная коллективизация, репрессии, безработица, экологические проблемы.

Теперь представлю собеседницу. Надя Фенина (Надежда Ляшенко) – человек, который соединяет в себе традиции и далекое прошлое её народа с относительно недавними страницами истории. Родившись в семье репрессированных оленеводов-саамов, уже многие годы

она является практикующим нойдом, хранительницей традиций и культуры этой этнической группы. Надежда живёт в посёлке Шонгуй, недалеко от Мурманска, помогает людям, проводит обучение северным шаманским практикам, пишет картины, рассказывает сказки о Севере, изготавливает бубны и погремушки.

ЧАСТЬ 1. ХРАНИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ИСТОРИИ

Расстрелянная семья

— Надя, расскажи, пожалуйста о себе. Твоя фамилия по паспорту Ляшенко, а Фенина — псевдоним. Как он появился?

— У меня была двоюродная сестра тоже Надя. Девять дней у нас была разница. Моя мама была Феня, а её мама была Дора. То есть она была Надя Дорина, а я Надя Фенина. Так я Надей Фениной и осталась. И когда стала писать и печататься, стала издаваться, то мне не захотелось носить чужую мне фамилию: Ляшенко — это не моя фамилия, а моего мужа. Поэтому я решила, что буду просто мамина дочка.

— То есть это матчество? Как отчество, только по матери.

— Да. А Надя... Почему я не хочу называться Надеждой? Надежда — это всё-таки имя очень громкое. “Надеяться”. А Надя — это так, ещё маленькое. То есть я себя ощущаю все ещё той самой девочкой, которая все еще пытается чему-то научиться. В душе от силы пятнадцать. То есть совершеннолетие еще не наступило (смеётся). Ну это в душе. А так, понятно, зеркало говорит: “Остановись, старушка!” Мне 66 лет. У меня уже правнучка есть. Две дочери, пять внуков и уже одна правнучка.

— Тебя называют хранительницей традиционной культуры народа саами. С чего всё началось?

— Мне всегда была интересна история. В

школе на уроках краеведения о нас, саамах, рассказывали всякие глупости. Мама меня родила в 33 года. И в 10 лет я в учебнике прочитала, что саамы жили не больше сорока лет. То есть маме моей тогда было, соответственно, уже 43 года. Я пришла домой в слезах. Мама говорит: “Ты чего плачешь?” — “Вот сказали, что саамы...” Я действительно так думала: сорок и все, дальше жизни нет. А она: “Что за глупости? У нас прабабушка 119 лет жила!”

В том же учебнике было написано, что саамы вязали из оленьей шерсти. Я делала уроки, повторяла, чтобы в школе отвечать. Мама проверяла. Услышала и говорит: “Чего? Из оленьей шерсти?!

Подожди, — стала читать. — Какой дурак это написал? Как можно из оленьей шерсти что-то вообще связать? Ее прясть невозможно! Что за глупости!” — говорит.

В общем, было очень много глупостей по отношению к коренному населению. Мне было, конечно же, очень интересно, как оно на самом деле. Хотелось изучить. Поэтому появилась книга “Расстрелянная семья”.

Эта книга рассказывает о репрессиях 1937 года и расстреле саамских мужчин Мотовского погоста, о насильственном выселении в 1940 году жителей Большой Западной Лицы. Сборник состоит из статей краеведов и журналистов по истории Кольского Се-

вера и политических репрессий в Мурманской области, из воспоминаний бабушек — свидетелей того времени. А также большого количества семейных снимков, редких документов Госархива Мурманской области, родовых «древ» саамов Мотовского погоста и пр.)

— К сожалению, в XX веке саами был причинен значительный урон. И в том числе была потеряна часть культурного наследия. И твои родные были в самой гуще этих тяжелых событий.

— Они прожили, конечно, очень тяжёлую жизнь. На сколько мы помним те исторические факты, когда начались репрессии. То есть они пережили эти репрессии, гонения, уничтожение, осквернение. Это всё касается как раз именно моей семьи. Всё это было. Стирание, уничтожение исторических фактов, принижение культуры.

— ...И расовая дискриминация.

— Наших детей вылавливали из тундры на вертолётах и загоняли их в интернаты. Это исторический факт. В интернате наши дети-лопары были всегда даже третьесортными, потому что они были не такие. Они и языка-то толком не знали.

Я тоже прошла интернат и это унижение детей, особенно по национальному признаку. А на самом деле еще травля детей детьми. Все же из семей. Я помню очень хорошо... Мы ходили ещё в национальной одежде. Я тоже ходила какое-то время. Были бурки такие из оленьей кожи. Я пришла в школу, мы пошли на физкультуру и переоделись. А мне нассали в них. Надо идти домой, а я... Дети вообще жестоки. Они просто как лакмусовая бумажка — всё, что в семье, ребенок обязательно вынесет. Потом плевали в меня сколько. Это было, потому что “да вы там грязные лопары”.

Лучше нас называть “саами”, а не “лопари”, а то люди наши обижаются, когда их так называют. Это сейчас обидное слово, как “хохлы”.

— И язык тоже был под запретом?

— Моя бабушка плохо говорила по-русски. Когда она со своими говорила, я маленькая подбегала к ней: “Не говори так! Дяденька милиционер придет и заберёт тебя!” Я помню, — очень хорошо моя память сохранилась, — она заплакала, села и говорит: “Ну вот, дожиди, даже дома говорить на своем языке не могу”.

Ведь я же не знала тогда, что были репрессии, гонения, переселения и так далее. Лишение их пастбищ, оленей и даже всего домашнего хозяйства. Потом война прошла. Семья моя пережила все это, начиная с репрессий, гонений, переселений. Потом фронт.

— То есть книга “Расстрелянная семья” в каком-то смысле является признанием нанесённого ущерба? Я знаю, что она в значительно степени появилась именно благодаря тебе. Как это было?

— Я инициировала расследование. Мне была интересна история репрессий, которая затронула и мою семью. Книга вышла на основе наших семейных историй, в частности. Я практически десять лет “болела” тем, чтобы вышла эта книга.

Я нашла человека, который по моим просьбам работал в архивах. Документы мы все нашли. Подтянулись люди, журналисты. В том числе и деньги нашлись. Вышла не только книга, но и фильм. Он прошел по всем каналам. Там как раз ещё все мои родственники живы. Сейчас, конечно, многих уже нет.

— Твоя семья и в Великой Отечественной войне воевала.

— Попали на фронт все,

начиная с бабушки. Она на оленях перевозила снаряды. Потому что в этом месте как раз — Западная Лица — были ожесточённейшие бои...

...А так как она умела управлять оленями и очень хорошо знала территорию, то вывела людей, которые не смогли попасть на пристань... Она их всех с детьми по тундре вывела из прифронтового действия, довела до города Мурманска. И только один-единственный ребенок погиб. Потому что он оказался без родителей в этой суматохе... Грудной ребенок, его кормить было нечем. Это в книге тоже всё есть. Даже есть те, кто потерял этого ребенка. Они его искали, оказывается, всю жизнь.

— Вот это история!

— Во время войны мама попала в сотый пограничный батальон, был такой на Кольском полуострове. Достаточно известный. Симонов туда приезжал, о нём писал. В том числе о девушках, которые там были. Она в этой части была. Она и её сестры совсем молоденькими девочками попали на фронт — 16-18 лет. Тетушка до Киркенеса дошла,

старшая сестра вообще до Будапешта дошла. С войсками дошли.

Я на этих историях выросла. И все эти истории для книги ещё успели рассказать очевидцы тех событий.

Для меня это не просто книга, для меня это Библия. Этот фильм и эта книга, про историю моей семьи.

Вот с этого всё и началось. Моя заинтересованность в культуре моего народа.

Саамские языки

— Ежегодно 22 мая в Мурманской области празднуется День саамского слова. Специалисты насчитывают около десятка диалектов саамского языка. Некоторые учёные даже считают их разными языками — настолько сильно они друг от друга отличаются. Обладая столькими диалектами, как вы находите общий язык?

— Я уже не могу себя назвать носителем языка. Но, тем не менее, я выросла в этой среде. У нас действительно очень большая диалектность. Причем каждый диалект уже как отдельно взятый язык. Как русский, белорусский или украинский. Вот у нас такая же огромная разница между языками. Мама говорила на нотозерском диалекте и, приезжая в Ловоозеро, где говорят на кильдинском, она их не понимала.

— А как же саамы находят общий язык?

— Так и находили. Особенно в чуме, под костерок. (смеется) У нас не чум назывался. У нас назывался “куокса”. “Ковас”, “ковакса” — опять-таки на разных диалектах. “Лаво” — это на северо-саамском.

— Ты же ездешь к саамам в другие страны. Как вы там взаимодействуете?

— Ну, в основном, конечно, есть переводчики. С русского

на саамский или норвежский, финский.

— То есть действительно саамы могут не понимать друг друга?

— Реально. Например, женщина у нас вышла замуж за норвежского саама, сидит и говорит: “Ой, сипсинге” — “мизинец чешется”. А они как засмеются: “Как у тебя может чесаться то, чего у тебя нет?”

— К сожалению, в России, в отличие от Финляндии, Норвегии и Швеции, саамские языки официального статуса не имеют. Что делается для улучшения этой ситуации?

— Естественно, не имеют. Ну да, у них там уже это получше немножко. А у нас дела обстоят также печально.

— Ничего не поменялось?

— Язык умирает. Носителей становится всё меньше.

— Нет никакой программы по восстановлению?

— Ну, она вроде как есть, но тем не менее... Старички уходят, говорить некому. Молодёжь уже больше в интернете. Обучения как такового нет. Моё поколение... я уже не знаю язык. Естественно, чему я могу научить? Ничему уже. Дочки мои пытались пойти на курс. Походили-походили — то лень, то некогда, то не с кем. Потому что это все отдалённо, надо туда ездить. Это, естественно, время, средства.

— А онлайн-обучение?

— Ну сейчас вот начинают. Но это только кильдинский диалект. Мы-то нотозерские.

— В этом году состоится Всероссийская перепись населения. По данным предыдущей переписи 2010 года, было зафиксировано всего 353 человека, знающих саамские языки. Активных же носителей языка (кто использует язык в повседневной жизни) было отмечено и того

меньше, около ста человек. Как думаешь, за 11 лет произошли какие-то изменения к лучшему? Что делается для сохранения саамских языков?

— В этом году, наверно, печальнее будет с языком. Носителей становится всё меньше. И сфера общения в основном идет на русском языке. В тундре раньше говорили по-саамски, сейчас уже и в тундре больше русский язык.

— Ну хоть что-то меняется к лучшему?

— Сейчас все вдруг вспомнили, что надо вспомнить свои традиции. Какой-то пик возрождения. И у людей появился огромный интерес к Лапландии, к культуре саамов.

Я сейчас такой посланец мира, получается так по большому счёту. Езжу, рассказываю о культуре своего народа. Несу в массы (смеётся).

ЧАСТЬ 2. НОЙД: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

Историческая справка:

Традиционный образ северного шамана, распространённый в Европе, — это образ именно лапландского шамана. В европейских странах лопари издревле зарабо-

тали репутацию сильных практиков волшебства и магии — нойдов.

В конце XII века датский летописец Саксон Грамматик называет лопарей магами и предсказателями. А в XVI-XVII веках о могущественных лапландских чародеях было известно далеко за пределами Лапландии. Напоминания об этом сохранились в пословицах, присказках и легендах почти всюду в Европе.

Некоторые историки упоминают, что правители разных государств обращались к лопарским колдунам за помощью в войнах. Например, в Швеции ходили слухи, что во время Тридцатилетней войны 1618-1648 годов лапландские шаманы активно использовались для обеспечения побед шведской армии.

Английская литература изобилует ссылками на лапландских ведьм, которые занимались продажей ветров и бурь в завязанных узлами веревках. Даже Шекспир увековечил этот народ в «Комедии ошибок»: «Заехал я в страну воображенья? Иль город здесь лапландских колдунов?»

По одной из легенд, колдуны-лопари даже предсказали смерть Ивана Грозного. В ней говорится о том, что в 1584 году царь призвал к себе 60 чародеев из Лапландии для объяснения явления кометы в небе. Единодушно лопарские ведуны пришли к заключению, что государь скоро покинет сей мир, и случится это 18 марта. Иван Грозный, не поверив, что жить ему осталось так мало, пришёл в ярость и повелел за столь наглое вранье именно 18 марта сжечь всех колдунов. Утром назначенной даты лапландцам было велено готовиться к казни, но шаманы ответили: “ещё не вечер”. И оказались правы: вечером этого же дня

Иван Грозный внезапно упал в обморок и к ночи скончался.

Встречаются упоминания того, что саамские нойды даже мёртвых могли воскресить. В самой же Лапландии слава наиболее могущественных колдунов принадлежала саамам Кольского полуострова.

— Надя, как ты стала нойдом? С чего все началось?

— Когда я была маленькая, мне несколько раз снился страшный сон, что на меня нападают медведжата. Я однажды проснулась, видимо кричала. Бабушка спрашивает: “Ты что кричишь?” Я говорю: “Да на меня медведи нападают”. А она: “О, с тобой всё ясно. Ты их не бойся, они тебе будут помогать”. Я ребёнком была, я помню этот фрагмент, потому что мне было очень страшно. Как меня бабушка успокоила. И потом, когда я уже стала заниматься шаманизмом, узнала, что так духи-помощники начинают к человеку стучаться и с ним работать. Они же не могут прийти в реальности, а во сне они, конечно же, приходят. И когда я только стала с ними общаться, танцевать... Есть такой танец с духами, так называемый. Когда я с ними стала всё-таки танцевать и общаться, призывать их на помощь — всё! Они перестали мне сниться, они перестали на меня нападать. Один из показателей, что к вам идут духи — они начинают на вас во сне нападать. Это значит, что у вас есть уже дух-помощник.

— Довольно пугающие.

— А непосредственно изучением шаманизма я занялась где-то в 1989 году. Когда у меня появился интерес к изучению наших национальных традиций.

Я выросла, конечно же, в этой среде, впитала бережное отношение народа к при-

роде. Я помню, как бабушка ходила по лесу, она всегда разговаривала со всеми. Ну, я думала, она мне сказки рассказывает. Сейчас-то я понимаю, что она не мне сказки рассказывала. В лесу я себя веду, как меня учила бабушка, как меня учила мама. То есть я не беру больше, чем мне надо, после себя стараюсь ничего не оставлять. Даже бывает иногда, что и чужой мусор уносим.

Но о шаманизме как таковом у нас никогда не говорилось — у нас не было шаманов, были нойды. Шаман — это эвенкийское слово.

Нойд — это человек, к которому обращались за помощью. У нас в языке нет родов, это слово применяют и к

мужчинам и к женщинам. И в “нойдизме” у нас не было такого особого разграничения по полу. Причём считалось, что женщины были иногда даже мощнее, сильнее мужчин. Это исторический факт. Всегда считалось, что именно на Кольском полуострове нойды-женщины были очень сильными.

А заинтересовалась я традиционной духовной культурой своего народа, когда захотела написать сказку. Я её и написала. (Примечание: Надя Фенина “Сказка о Севере”, Мурманск, 2007). Если мы подходим к описанию чего-то, мы должны написать это правдиво. Пусть это будет сказка, но она должна быть правдивой. И сначала

меня понесло в Тарту. При Тартусском университете есть музей саамских бубнов...

– Ты уже несколько раз упоминала свою бабушку. Она тоже была нойдом?

– Тогда же нельзя было об этом говорить. Гонения были на религию, не говоря уже тем более о каких-то вот таких моментах. Ну да, у неё был мешочек, она куда-то там уходила. Я её как-то спросила: “Куда ты пошла?” – “Не твоё дело”.

В семье нельзя было за столом ругаться. Вообще. Бабушка всегда говорила: пища всё слышит. Она говорила: “Так люди сами себя убивают тем, что они ругаются за столом. А потом это все едят. Они убивают пищу, а пища потом их убивает”. Позже, это, конечно, ко мне уже пришло: это миропонимание, отношение даже к собственному слову, что нельзя что-то говорить за столом, действительно.

– То есть бабушка тебя специально не учила?

– Такого не было. Просто мы жили в этой среде. Естественное обучение происходит. Ценность семьи в чём? В том, что идёт естественная передача знаний. Всё это передаётся — генетический код, поведение, отношение к другим людям, отношение к природе. Отношение ко всему. А природа это же все — вода, ветер, деревья... Нельзя было просто так взять и пойти наловить рыбы больше, чем тебе надо. А зачем? Куда ты её денешь?

– То есть, у тебя была такая хорошая семейная подготовка к тому, чтобы стать нойдом.

– Скорее всего, да. Я с детства считала, что все так могут. Например, легко увидеть, что у человека перелом. Я помню это, мне говорили: “Надя, иди посмотри, там есть перелом или нету?” – “Ну да, сломал. А что, не видно что ли?” (смеётся)

– Ну, если открытый перелом, то это всем видно.

– Открытый — это понятно. А когда закрытый всё равно же видно. Даже трещину видно. Разрыв связок.

– Что ты делаешь как нойд? С чем к тебе обращаются?

– Ко мне часто обращаются с обычными человеческими проблемами, которые люди не могут сами разобрать.

Когда я работаю с кем-то, естественно, я слышу. Попадаешь в некий энерго-информационный слой конкретно для этого человека. И для человека находишь информацию, которая может либо помочь, либо остановить его от совершения каких-то глупостей. Это не гадание и не предсказание, а именно информация, которая предназначена для конкретного человека. Её можно использовать для своей жизни.

Причины болезней, проблем очень индивидуальны у каждого. Нет каких-то универсальных объяснений. Все люди разные. Я просматриваю, прослушиваю с помощью инструментов. Смотрю, что мне духи скажут. Я ничего не знаю, честно признаюсь. А вот мои духи всё знают. Духов можно только просить и

по их совету что-то делать. Им нельзя ни приказывать, ни доказывать им свою правоту, ни пытаться приручить. Мы всё равно глупее.

Есть так называемая энергетическая заноза, которая сидит в человеке. Она вызывает то или иное заболевание, проблему. Психозомоциональные прежде всего. Шаман вытаскивает эту энергетическую занозу. Это основа нашей работы. Мы эту энергетическую занозу с отрицательной на положительную. Организм умеет восстанавливаться. Он умеет подстраиваться и регулироваться. Только ему нужно дать волшебный пинок.

В первую очередь основу надо понять: почему произошло то или иное. Нужно в первую очередь устранить причину, а не лечить последствия. Например, выкинуть что-то чужое из дома. Энергия заболевания присутствует в доме, это давно известно. Ты приди дом-то почисти свой. Как у меня бабушка говорила, дома не должно быть чужих вещей. А если подарок, то он должен быть от чистого сердца. В доме должно быть чисто энергетически.

– Кто-то из твоих детей и внуков идёт по твоим стопам, интересуется шаманскими практиками?

– Думаю, они способные все. Моя старшая внучка до 18 лет ездила с нами на всякие шаманские посиделки. Взрослые очень любили с ней работать, потому что она им выдавала чёткую информацию. У неё свои духи-помощники есть. А в 18 лет где-то она мне заявила: “Всё, я завязываю с этим шаманизмом”. Сейчас у неё другие занятия. Но я думаю, что это умение — как на велосипеде ездить. Это всегда есть и проявляется по необходимости, когда есть какой-то толчок. Я же тоже не собиралась этим заниматься. И другие мои внуч-

ки такие же: когда с нами едут, участвуют во всех наших мероприятиях.

— Есть распространенное мнение, что инструмент шамана — это в первую очередь бубен. Но у тебя, я знаю, немало и других. Чем ты пользуешься?

— Бабушка когда-то сказала: шаман — это не тот, кто по бубну стучит, а тот, кто и без бубна всё может. Задача — научиться общаться с духами. Это можно сделать без всяких инструментов.

С первым шаманским инструментом — шуввой — я познакомилась как раз благодаря бабушке. “Шувва” по нашему “ветерок”, “шум ветра”. Ветерок чисто саамский инструмент. Когда мы были маленькие, бабушка нам делала такой. Ножом просто вырезала дырочки в палочке, на ниточку и пела нам песни. Мы засыпали под ее рассказы, сказки. Она очень хорошо пела.

Это уже сейчас я знаю, когда работаю с этим инструментом, что, с одной стороны, благодаря ему у ребенка вырабатывается моторика, а с другой стороны, этот жужжащий звук очень хорошо влияет на психику.

С его помощью можно посмотреть, что в организме внутри у человека, какие проблемы. И когда мы накладываем сюда голос... Наложение частот так называемое, если кто-то физику помнит. То мы можем с помощью голоса изменить векторное направление. Это один из древнейших шаманских инструментов. Очень легкий, очень удобный. Это один из мощнейших инструментов, хотя и очень маленький. Одна физика, ничего сверхъестественного.

Вот такие инструменты звуковые, вибрационные — бубен или еще что-то — они действительно считают

информацию. Её можно увидеть.

Другие шаманские инструменты пришли ко мне позже, когда я уже стала специально заниматься, интересоваться. Пришли именно саамские инструменты, потому что они отличаются от инструментов других народов. Погремушки и бубны у нас были своеобразные. Саамские бубны имеют неровную форму. Кажется, нойд наносил на бубен свой рисунок.

Я сейчас свою погремушку разработала. Большие никто так не делает: я использую кожу рыбы, олений рог. Кожа рыбы это Нижний мир, олений рог — Средний мир, а перья — Верхний мир.

— На своих открытых уроках и семинарах ты очень часто повторяешь законы нойдов в работе с людьми.

— Первый самый важный закон: невмешательство в жизнь другого человека, если он не просит. Мало ли как я к нему отношусь. Я не имею права. Вообще.

Приезжает как-то женщина и говорит: “Помоги мне развести сына с невесткой. Мне она не нравится. Она такая-сякая”. Что значит помощи сына развести с невесткой?! Во-первых, это отдельные личности, уже взрослые — у них там и дети, как выясняется. А ты приходишь и говоришь: “Мне не нравится невестка, я хочу, чтобы ты сына развела. Я же мать, я лучше знаю, что для него...”. Я не хочу и не буду такого делать.

Нельзя работать с родными, любимыми, друзьями. Потому что вы заинтересованное лицо. Поэтому работать с людьми, которые вам не знакомы — самый лучший вариант.

— А какой второй закон?

— Второй закон. Если мы с человеком поработали, “не навреди” То есть человек от меня должен уйти либо та-

кой же как пришёл, “недовольный своей жизнью”, либо ему становится лучше.

Когда мы начинаем работать, то говорим, что духи советуют то-то то-то сделать, человек любой должен в своей жизни всё-таки участвовать сам. Он не просто пришёл ко мне, и я за него все сделаю. Я там говорю: что-то нужно сделать. Может быть, на первый взгляд, какие-то незначительные вещи. Что-то покрасить или попрыгать. Но для нашей доброй Вселенной энергетическая составляющая вот этого попрыгивания, может быть, будет даже и лучше. Я помню, когда я сорвала спину себе, и духи мне сказали, надо было перекувырнуться по сырой траве несколько раз, и грыжа уйдет. У меня там грыжа вышла. А потом когда я уже разговаривала с врачами, с травматологом, он говорит: да, есть такое специальное упражнение, чтобы грыжу убрать. Я тогда ещё не знала этого, а духи мне уже сказали, что вот так надо сделать. Я так сделала, и грыжа ушла. Безоперационно, без ничего. У меня остались снимки. Её нету сейчас.

— Ну и ну! А третий закон?

— Третий закон какой: неразглашение. Никто не должен знать, кто ко мне приходил, с какими проблемами. Это выносить нельзя.

Когда человек говорит, кто к нему приходил, ставит диагнозы, тут же излечивает — человек безответственно к этому относится. Я сразу понимаю, что это не шаман. Этому человеку нельзя доверять.

Есть ещё масса этических норм, которые нужно соблюдать. Кто занимается этим, все это знают.

Я почему и говорю, что никогда не буду нарушать эти законы, потому что есть внуки, правнуки. Я ответственна за них. Чернушная работа

всёравно на мне останется. Мне за неё придется платить. Я, может быть, сегодня не отвечу за это, но это может перейти к моим детям и внукам. А мне это не нужно. Я хочу, чтобы у них всёбыло хорошо.

— К вопросу об ответственности и чернухе. Со времен Чумака и Кашпировского то и дело появляются самопровозглашенные специалисты в разных областях эзотерики, магии и так далее. Они активно пишут книги, собирают людей на семинары, обучающие программы. Как ты, представитель традиционного шаманизма, относишься к этой тенденции делать сакральное знание общедоступным? Нет ли в этом вреда?

— Сейчас очень модно быть шаманами. Потому что на этом легко заработать. Это так кажется, что легко зарабатывать. Но за каждый рубль придется отвечать. Люди считают, что они тут пассы руками поводили и могут, выражаясь современным языком, бабла насобирать. Вот и зарабатывают кто во что горазд. Но нельзя в основу такой деятельности ставить задачу заработать денег. Потому что отвечать придется за всё. За каждый твой жест и слово сказанное. И хорошо ещё, если деньгами отвечать. А если чем-то другим? Состоянием здоровья прежде всего. Отношениями в семье и так далее.

Люди, безответственно стучащие по бубнам и кричащие, что они шаманы — это часто либо те, кто желает хорошо заработать, какой-то имидж себе приписать, либо психические отклонения.

Очень много людей, расположенных к тому, чтобы на них воздействовали. Они хотят быть об-

манутыми. Люди доверчивые. И очень многие этим пользуются. Чернушников, к сожалению, у нас развелось много.

— Я встречала информацию, что даже у вас в Мурманской области чуть ли не шаманские аниматоры появились с китайскими поделками. Они одевают костюмы, что-то изображают, играют как актеры в театре.

— Печальная сейчас картинка. Сейчас иногда смотришь, в интернете выкладывают. И у нас на Севере часто эта бодяга случается. Прискакивают какие-то тётки непонятные, наряженные, с чужими бубнами — не саамскими. И иностранным туристам представляют это как саамских шаманов. Я прекрасно понимаю, что люди хотят денег заработать. Но немножко надо быть, конечно, корректнее.

Я их называю “петрушки”. Причём рядятся абы во что и представляются туристам саамскими шаманами. Мы долго смеёмся над этим, потому что наряжают мужиков в девичьи костюмы. У нас есть костюмы не только мужские и женские. Есть костюм девичий, вдовий. И когда стоит мужик бородатый в девичьем костюме, в девичьей шапке, то это и смешно и печально становится. Мы уже просили людей: если вы делаете что-то, используйте нашу терминологию: “сейды”, “нойды”, — пожалуйста, делайте это хотя бы с толикой грамотности. Или уже тогда не называйте себя так. Потому что мало того, что не красиво. Люди же приезжают посмотреть культуру. Вот если я поеду, например, в тот же самый Китай, я хочу, чтобы мне показали не японскую, а именно китайскую культуру. А если там

будет Ванька наш прыгать в китайском костюме, понятно, что китайцы тоже будут возмущаться. Точно так же и мы возмущаемся. Ребята, ну если вы делаете, то не позорьте себя.

— Ну и пара вопросов для завершения. Примерно с XV века началась христианизация саамов. Искоренение традиционных религиозных представлений и жизненного уклада. Как сейчас у вас сочетаются христианство с шаманизмом?

— У нас как раз традиции сохранились дохристианские. Если говорить о христианстве... я не хочу никого обидеть, но христианство основано на шаманизме. Если изучать этот вопрос, Христос был очень сильным шаманом.

— Пожалуй, самым известным жителем Лапландии — родины саамов — является сказочный Санта-Клаус. Как думаешь, судя по чудесам, которые он творит в Рождество, его тоже можно назвать нойдом?

— Знаешь, как возникла легенда, что Санта залезает через дымоход? Лопари приехали в Америку и стали рассказывать, как раньше жили. Спускаться в жилище через дымоход было обыденной вещью, потому что когда всё заносило снегом, только так можно было внутрь попасть. Только и видно дырочку от дымохода. И дым из неё. А ушлые американцы сделали из этого Санта-Клауса. Все лезли через дымоход. Потому что реально заносило снегом до такой степени. По-другому невозможно было зайти. Там специальная лестница была. И вылезали через дымоход также. Вылезали, откапывались. Это реальный факт, не анекдот.

Беседу вела Вероника ВОРОБЬЁВА

МУРМАНСК - МОСКВА

Валерий ГАНСКИЙ

Без борьбы нет жизни

Я хотел бы побывать в Арктике, потому что там побывал Фритъоф Нансен.

Фритъоф Ведел-Ларисберг Нансен – норвежский полярный исследователь, учёный-зоолог, основатель физической океанографии, политический деятель, гуманист, филантроп.

Смертельный голод в Поволжье. Богиня смерти Хель. Её чертог – несчастье, её блюдо – голод, её нож – жажда, её постель – печаль. С этой богиней Нансен не раз встречался в жизни, и, наверное, поэтому он назвал свою дочь Лив – Жизнь. Но главной богиней Нансена была романтика, которая вдохновляет людей к познанию, ведёт вперёд.

«Викинг» через «Арктическую Сахару» – «Вперёд»

Норвежец Нансен ходил широким, свободным шагом спортсмена, ведь недаром в 17 лет он стал чемпионом Норвегии и мира по конькам и лыжам. Он привык ходить в гору и против ветра – этому научила его родная земля Христиания, нынешний Осло и древний род Нансенов. «Ты, суровый сосновый лес... От тебя я научился понимать глубочайшие звуки природы. Ты дал тон всей моей жизни. Один в глубине леса, возле тлеющих угольев костра, на краю мрачного болота, под хмурым ночным небом. Как я был счастлив тогда, наслаждаясь великой гармонией природы», – вспоминал в 1894 году путешественник. А прапрадед Фритъофа Ганс Нансен выучил русский язык, пешком прошёл от Кольского полуострова через всю Московию. Датский король Христиан IV назначил 21-летнего Ганса начальником экспедиции за пушным зверем на Печору. Русский царь Михаил Фёдорович поручил ему обследовать побережье Белого моря. В семье Нансенов ложь считалась самым великим

грехом. И когда Фритъоф, студент Христианийского университета отправился в свой первый морской поход на корабле «Викинг», мать благоговела сына стать полярным исследователем. Многому он научился у старших товарищей мореходов – охотников и рыбаков.

И Нансен решил покорить «Арктическую Сахару» – Гренландию – преодолеть этот ледовый каменный панцирь на лыжах. Он соорудил свои сани-нарты из упругого ясеня, части их не сколачивались, а связывались, что придавало саням гибкость. Сзади полозьев дуга вроде спинки стула, помогающая управлению санями. Они как лыжи скользили, не увязая в снегу. Норвежские газеты иронизировали над молодым путешественником: «В июне 1888 года хранителем музея Нансеном будет дано представление – бег на лыжах со скачками на материковом льду Гренландии. Места для публики – в трещинах. Обратных билетов можно не брать». Воистину, нет пророка в своём отечестве. За геройство, железную волю, смелый ум и открытое сердце Лондонское географическое общество присудило Нансену свою высшую награду – медаль «Виктория», а

шведское общество антропологии и географии – медаль «Вега», корабля, проложившего Северный морской путь в Ледовитом океане. А богиня Романтика влекла его дальше на Север к полюсу. План Нансена встретил в России самое благожелательное отношение: исследователю были высланы карты северных морей и сведения о населённых пунктах и режимах воды в районах Берингова моря. Охотник А.И. Тронхейм вёз собак с Урала через всю тундру, за что Нансен вручил ему Большую золотую медаль. В экспедиции к Северному полюсу намечалось использование лодки, комбинированной с санями в собачьей упряжке. И вот «чёртова дюжина» людей отправилась на специально сконструированном корабле «Фрам» («Вперёд») от берегов Норвегии вглубь Арктики. Во льдах Арктики отметил Нансен своё 33-летие «Полярным шампанским 83 градусов» на 83 градусе северной широты. «Без лишения – нет борьбы, без борьбы – нет жизни», – записывал в дневнике полярный исследователь. Фрамовцы доказали, что прогресс завоёвывается не силой оружия, а духовной мощью людей. Трудолюбие, честность и мужество, тая-

щиеся в народе, в какой-то момент истории выражаются в великом человеческом деянии. Мирская пресса писала о Нансене: «Париж лежит у его ног, Берлин стоит во фронт, Петербург празднует, Лондон аплодирует, Нью-Йорк бурлит».

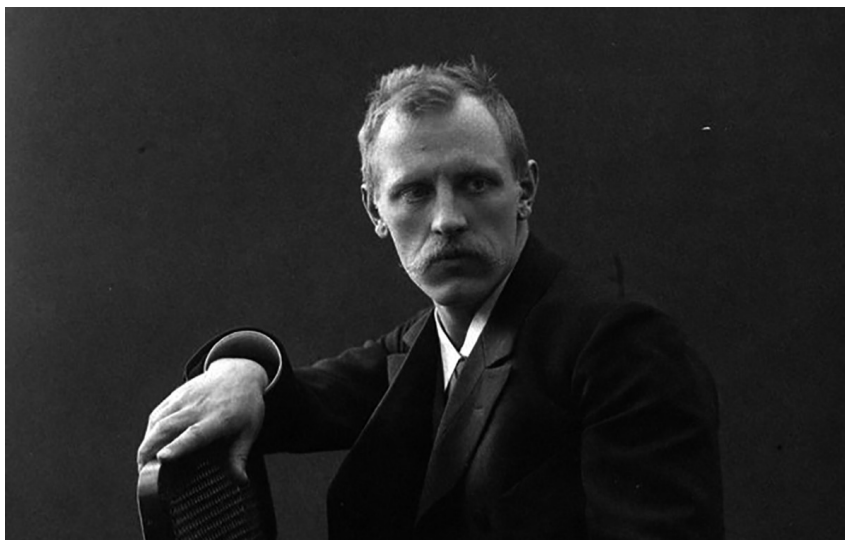
Костлявые руки голода

С первых дней весны 1921 года появились грозные признаки небывалой засухи в Поволжье. Волга не вышла из берегов. Листья, едва распустившись, ссыхались и облетали. Всходы сгорели. Чёрные, мёртвые поля окружали деревни. Дым пожаров стлался над землёй. Спасаясь от лютой беды, крестьяне заколачивали избы и покидали деревни. На пристанях и вокзалах скапливались толпы голодных. Максим Горький отбирал в музеях антикварные вещи, не представляющие собой художественной ценности, на продажу за границу, чтобы купить хлеб. Писатель просил комитет «Помощи Нансена» послать немного сушёной трески для спасения голодающих Поволжья. «Известия Саратовского Совета рабочих и красноармейских депутатов» № 179 от 9 декабря 1921 года сообщали: «Отчаянное положение в Вольске. В Белогородненской волости употребляют в пищу сухую капусту, дубовые листья, опилки, коlob, кожуру тыквы и картофеля. В некоторых семьях съели всех лошадей, есть случаи употребления дохлых лошадей». Сообщается о случаях людоедства. Из Хвалынского уезда, село Старая Кулатка. Гр-ка Шкандыкова употребила в пищу своего отца Юсупа Шкандыкова. Село Нордон Хворостовской волости Пугачёвского уезда. Гр-ка Метельнина зарезала свою дочь и вместе с другими оставшимися живыми деть-

ми употребила в пищу. Село Малая Глушица. Крестьянин Семён Федулов вместе с женой съели трупы двоих своих детей. В селе Бекетовка Анна Ивановна Стафеева родила ребёнка и в припадке голодного помешательства начала его грызть...» Лев Толстой писал, что «спасает людей от всяких бедствий, в том числе от голода, только любовь». С такой любовью к русскому народу, о большой будущности которого он писал, Нансен 28 ноября 1921 года прибыл в Саратов. Саратов встретил метелью. К паровозу с двумя прицепными вагонами, в которых размещались Нансен и доктор Феррер, шли со знамёнами люди, скорее тени – бледные бескровные лица. Нансен разместился на вокзале в железнодорожном вагоне. К нему приходили дети из 13-го детского дома. Сам он посетил столовые для голодающих детей в городе. В Саратовской губернии «Фонд Нансена» распространялся на Вольский, Камышинский уезды и Немкоммуну. 250 столовых кормили 57 000 человек. Стационарные столовые находились при заводах, детских домах, школах, больницах. В Саратове было открыто 106 столовых и 20 в Саратовском уезде. Накормлено 40 000 детей. Столовый паёк состоял из пол литра супа и j фунта (113 грамм) белого хлеба в день и столько же мыла в месяц. 20 человек персонала приходилось на 1000 детей. Множество международных благотворительных организаций привлёк Ф. Нансен: английский международный союз помощи детям (МСПД), общество друзей (квакеров), Красный Крест, организацию Папы Римского, бабтистскую религиозную организацию, Европейский союз студентов. В «Фонд Нансена» поступило 40 миллионов франков. За счёт «Фонда Нансена» в Поволжье поступило сотни тысяч пудов различного продовольствия.

Саратов в марте 1922 года получил 275600 пудов продовольствия, в мае – 651809 пудов. Чтобы привлечь всё это богатство, Нансен вместе с кинематографистом Аугустом Керном снимал документальный фильм о голодающем Поволжье и демонстрировал его в Европе. Вот эти документальные кадры: «Нансен в старом автомобиле, кузов которого прострелен пулями, едет за Волгу в столицу голода Новоузенск, закутавшись в тулуп от степного ветра. Метёт позёмка. Машина застревает в сугробах. Внезапно шофёр затормозил. Впереди лежит что-то, полузанесённое снегом. То был труп женщины. Деревня, куда добрались в сумерки, оказалась брошенной. На багровом фоне заката чернеют оголённые стропила. «Съели солому с крыш», – говорит шофёр. В первой избе чадит лучина. На лавке под одеялом из цветных лоскутков лежит старик. Женщина с чёрными обмороженными щеками стирает что-то в каменной ступе. Нансен подошёл ближе. В ступе – солома, дубовая кора и глина. И ещё мука из старых лошадиных костей. Подмешивают к соломе и едят. Во второй избе холодно, как на улице. На полу два трупа со скрещёнными на груди костлявыми руками. Нансен посещает детские дома. Опухшие животы, отёкшие ноги, бессильные тонкие руки, изгрызанные с голоду. Половина жителей лежит в беспомощности. Тёмные провалы окон смотрят на мёртвые улицы. Трупы сносили на кладбище, но у людей не было силы долбить мёрзлую землю. Мёртвые лежат прямо на снегу меж старых могил. Нансен заходит в избы, где бредят тифозные больные. При нём вынимают из петли женщину, которая чтобы не видеть мук своего ребёнка, бросила его в колодезь, а потом удавилась сама на вожжах, перекинутых через ворота».

29 ноября Нансен был в Ртищево, где создал распределительную продовольственную базу помощи голодающим рабочим и крестьянам. Проверил, как кормят в столовых детей-сирот, побывал на пунктах выдачи пайков, волостных сёлах. Кладовщица продовольственных складов в Ртищеве, бывшая разведчица 25-й Чапаевской дивизии Мария Шайкина вспоминала: «Мы ехали от Пугачёва до Ртищева 107 дней, воюя с белогвардейцами, голодом и тифом. В Ртищеве нас сняли с поезда еле живых. Опухшие от голода, оказались в железнодорожной больнице, где на моих глазах умерли мои четверо детей и мать». Мария Шайкина продолжила свой рассказ: «Осенью 1921 года Сёмина позвала меня на вокзал. На втором этаже нас встретили мужчина и женщина, приветливые, вежливые, располагающие к себе. Предложили горячего чая с галетами. Приезжий оказался иностранцем Фритъофом Нансеном. Он неплохо говорил по-русски, только изредка путал смысл слов. Так фразу «Я всё понял и хорошо всё взвесил» Нансен произносил: «Я вас понял и хорошо вас повесил». Мы смеялись. Нансен вручил связку ключей. Так я стала кладовщицей. Четверо суток провёл Нансен в Ртищеве. Мы спрашивали учёного, не страшно ли ему разъезжать по голодному и тифозному Поволжью? Он отвечал: «Было в моей жизни ещё страшнее. А здесь хороший народ тяжело страдает». Нансен, человек большого физического и душевного здоровья, непреклонно стойкий был повержен и сломлен годами борьбы против равнодушия, мелкого национального эгоизма, косности. Но он обладал норвежским характером – упорством, терпением, настойчивостью, мужеством человека, живущего на севе-

ре. В 1922 году за благотворительную деятельность ему была присуждена Нобелевская премия мира. Из полученной Нобелевской премии он выделил 2 миллиона рублей на создание показательных сельскохозяйственных станций. Нансен обязался вложить в каждое хозяйство не менее 10 тысяч фунтов стерлингов. И вот совхоз № 33, часть бывшего имения Раевских в селе Росташа Балашовского уезда в 10 верстах от железнодорожной станции Аркадак, стал таким нансеновским проектом. Росташа раскинулись живописно между долинами рек Хопёр, Аркадак, Ольшанка. 10 тысяч Нансен вносит не наличными, а тракторами, автомобилями, запчастями. В Росташе пришло 22 трактора, тогда как во всей Саратовской губернии их было 24, из них на ходу – всего 2. Старожилы Росташа и Аркадака М. Перфилов и М. Галкин вспоминали своё детство на улице Вокзальной, как разгружались трактора, молотилки, вагончики, автомашины. В доме Буйлова функционировала столовая, где детям готовили бесплатные завтраки с какао и булочками, устраивали ёлки с подарками и другие праздники. В народе Россташа стали называть Нансен. Человек, изъездивший Россию вдоль и поперёк, от

Балтики до берегов Тихого океана, исколесивший Сибирь, Урал и Поволжье сумел понять душу русского народа и написать книгу «Россия и мир».

Благодарные потомки

Нансен был предан земле в национальный день Норвегии – 17 мая 1930 года. В Осло имеются две улицы Нансена. На одной сохранился белый дом, где он жил с родителями, состоящий из двух сомкнутых строений, напоминающих раскрытую книгу или тетрадь для рисования. А на другой улице Нансена, 17 – его музей. В СССР «Фонд Нансена» был создан в 1995 году после спитакского землетрясения по инициативе Председателя Совета Министров Николая Рыжкова. В Спитаке была сооружена больница имени Нансена, на открытии которой присутствовал внук Эйгиль Нансен, известный архитектор. В Спитаке стоит памятник спасителю армян. С 2002 года «Фонд Нансена» переместился в Армению. Президент фонда Феликс Бахчинян. Имя Нансена носит детский дом в Гюмри, школы в Дилижане, Ереване, Спитаке, Степанаване. В 2010 году вышел 8-митомник про-

изведений Нансена «На лоне природы» на армянском языке. К 150-летию гуманиста установлен памятник ему и открыт дом-музей в Гюмри, отчеканены памятные медали и монеты.

Известный скульптор Владимир Цигаль в 2001 году изготовил 3-х метровую бронзовую фигуру Нансена с девочкой, прижимающей к себе краюху хлеба. Этот памятник, подаренный общественными организациями «Обществом друзей Норвегии» и «Союзом армян России» как символ Милосердия, Самопожертвования и Бескорыстия, стоит в Москве у здания российского Красного Креста. В Москве школа № 1145 носит имя Ф. Нансена. А в Саратове в сентябре 1921 года Борис Соколов создал музей голода, который просуществовал до 1937 года. В Росташах имелся школьный краеведческий музей. Заместитель директора по воспитательной работе Зинаида Милешкина рассказывала: «Собирали старые вещи, оформляли стенды с фотографиями. Когда в совхоз был прислан первый трактор, люди кричали: «Чудовище привезли!». В 1948 году совхозу присвоили имя Нансена, а через 8 лет это решение отменили». На Нижне-Волжской студии кинохроники Юрием Чибряковым был снят документальный фильм «Нансен в России» в благодарность за спасение мате-

ри автора фильма от голода в 20-х годах. Чибряков был в Москве в посольстве Норвегии, где посол Стенсен показывал ему автопортрет Нансена, подаренный первому советскому послу в Норвегии легендарной Колонтай, и рассказывал, что Нансена и Колонтай связывало нечто большее, чем дружба. «Стыдно за Россию, за Саратов, – считал автор фильма, – что не сумели саратовцы сохранить могилы норвежских медсестёр из нансеновской миссии, умерших от тифа». К слову, и доктор Феррер, который был вместе с Нансеном в Саратове, умер в Москве от тифа. В 2008 году Вячеслав Мальцев обратился в администрацию Саратова с просьбой поставить памятник Фритьюфу Нансену. «Этот великий гуманист спас миллионы жителей Поволжья от голода 1921 года. Одна из первоочередных наших задач – увековечивание памяти Нансена на Саратовской земле», – говорил Мальцев. Художник-любитель из Энгельса Казаков-Клинцовский написал портрет «Нансен в Саратове», изобразив героя своего произведения похожим на доброго Деда Мороза. А Саратову остаётся довольствоваться письмом М. Калинина от 25 декабря 1921 года: «IX Всероссийский Съезд Советов, ознакомившись с вашими благородными усилиями спасти гибнущих крестьян Поволжья, выражает вам глибо-

чайшую признательность от имени миллионов трудящихся населения РСФСР. Русский народ сохранит в своей памяти имя великого учёного, исследователя и гражданина Ф. Нансена, героически пробивавшего путь через вечные льды мёртвого Севера...»

Читатели этого очерка, опубликованного в интернете, откликнулись эмоционально («Мороз по коже от прочитанного») и восторженно («Да, какие были люди в то время, не то, что нынешнее племя воров и жуликов...») А выпускница Росташовской средней школы 1971 года, председатель Совета «Общества друзей Радищевского музея» Юлия Викторовна Ярославкина (Смыслова) с гордостью поделилась своими воспоминаниями: «Редко у кого из моих сельчан осталось свидетельство в личных документах, что они рождены в совхозе имени Нансена Саратовской области. Я очень горда этой отметкой в моём паспорте. От лица благодарных потомков Фритьюфу Нансену мне хочется поделиться воспоминаниями детства, прошедшего в селе Росташа, Аркадакского района. Мои родители, по окончании Алексинского сельско-хозяйственного техникума, по направлению приехали в совхоз имени Нансена в 1949 году. Начало их трудовой деятельности было связано с агрометеорологической станцией. Ещё в дошкольном возрасте, в конце 50-х, мне помнится машинно-тракторная станция (МТС), где стояли трактора и различные прицепные вспомогательные устройства: сеялки, косилки и пр. Нас, детей, очень привлекали эти грандиозные стальные конструкции, с отшлифованными до блеска сидениями. Несмотря на то, что нас постоянно гоняли сторожа, особой гордостью было добраться до огромного руля сеялки. А о том, как работал

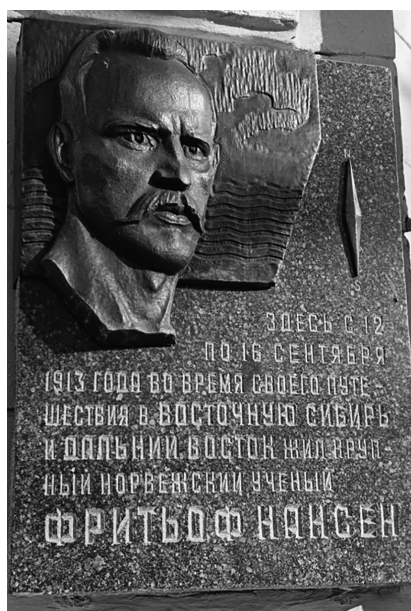
механизированный ток, где огромными валами лежало спелое зерно, сложно забыть. Потрясали своей работой сортировочные машины, горы струящегося зерна, женщины в белых платках, которые деревянными лопатами перелопачивали зерно. Мы забирались в прохладные склады для хранения зерна, иногда, в сортировочные барабаны комбайнов... Агрометеорологическая станция занималась интереснейшей работой: помимо констатации погодных явлений в этом регионе, постоянно велись наблюдения в полях Опытной станции, заложенной Фритьофом Нансеном. Помнится, как мои родители брали лошадь с телегой, сажали и меня для поездки в поля, где колосилось зерно или росла кукуруза. В глубине этих полей устраивались пункты замера необходимых агрометеорологических параметров: температуры, влажности, брали образцы почв и т.п. До сих пор сохранились в памяти запахи этих полей, потрясающая высота кукурузы и подсолнечника, где я неоднократно терялась. Долгие дороги по полям Опытной станции сопровождались песнями. Иногда, по просьбе коллег моих родителей, меня ставили на рабочий стол метеостанции, с просьбой петь песню «Ой, ты рожь...» Позднее нас школьников привлекали для работы на опытных полях зерновых культур. Взявшись за руки, организованными цепями мы шли по полям пшеницы и вырывали редко попадающие колосья ржи, добываясь чистоты опытного поля. А в это время наши родители занимались проблемами глубины вспашки почв, сортами зерновых культур, адаптированных к засушливым климатическим условиям. К этому времени мой отец стал старшим научным сотрудником отдела земледелия, а мать – сотруд-

ником отдела кормопроизводства Опытной станции. На въезде в наше село до сих пор сохранилась стела с названием «Аркадакская Сельскохозяйственная Опытная Станция», выполненная по эскизу моего отца. Это было время, когда земледелие встало на научную основу в нашем регионе, когда из Тимирязевской Академии и института Юго-Востока стали направлять специалистов на сельскохозяйственную практику. Некоторые из них добивались значимых результатов, защищали диссертации. В шестидесятых годах купленные во Франции элитные породы крупного рогатого скота и свиней для выращивания в нашей Опытной станции на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках получали высокие награды. Славился наш «хряк-производитель» весом более 640 кг и коровы породы «Шеврале». Ещё сохранились в Росташовской средней школе редкие фото и документальные свидетельства того периода. Мой выпускной класс достиг максимального числа учащихся, видимо, и потому, что в этот период сельскохозяйственная Опытная станция славилась своими достижениями, привлекая не только специали-

стов сельского хозяйства. Хотелось бы разместить в нашем селе Памятное свидетельство, связанное с именем замечательного человека Фритьофа Нансена – основоположника сельскохозяйственной Опытной станции».

В день рождения Нансена на Саратовской земле в городе Марксе, бывшем Маркштадте, административном центре автономной области немцев Поволжья, на высоком берегу Волги, на площади перед бывшей пристанью, ныне ставшей сквером Нансена, был открыт памятник знаменитому норвежцу, внесшему неоценимый вклад в спасение голодающих Поволжья. Автор идеи Александр Камаев, известный меценат. Автор памятника Нансену скульптор Владимир Пальмин, известный по скульптурам «Одноклассников» на набережной Саратова, памятников «Официантке» в Энгельсе и «Саратовской гармошке» на проспекте Кирова. Памятник Нансену аналогичен московскому, только Нансен снял шляпу и держит её в руке, а на девочке головной платок. В тожественном мероприятии, посвящённом открытию памятника, приняли участие: министр, советник Посольства Королевства Норвегии в Р. Ф. Олаф Нильс Туе, председатель комитета общественных связей и национальной политики Сергей Зюзин, глава Марковского муниципального района Дмитрий Романов, глава Энгельсского Стрелюхин. В реконструированном ныне здании пристани в скором времени будет открыт музей Нансена. Музей будет своеобразным. Там, в атмосфере советских реалий, можно будет посидеть с друзьями, выпить чаю, пообщаться... А вокруг будет экспозиция, посвящённая Фритьофу Нансену.

г. САРАТОВ

Вячеслав ОГРЫЗКО

«Ловил» платформу Берингию

Весной 1962 года Олег Куваев, переживая в подмосковном Костине в комнате родной сестры нелучшую полосу в своей жизни, вновь сильно затосковал по Северу. Ему всё чаще приходила мысль вернуться в Магадан. Но куда? О возвращении на прежнее место работы в Северо-Восточное геологическое управление (СВГУ) и речи быть не могло. И не только потому, что тамошнее начальство в своё время не поддержало его проекты по изучению острова Врангеля. Чтобы вновь устроиться в СВГУ, он должен был низко поклониться в ножки начальнику управления Израилу Дабкин, а для молодого геофизика это было неприемлемо. Оставались два варианта. Первый подразумевал обращение в созданный двумя годами ранее Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт (СВКНИИ), куда уже перекочевали многие геологи, с которыми Куваев раньше работал в Певеке и в СВГУ. Второй: жить за счёт поездок по Северу от московского журнала «Вокруг света» и как-то устраивать свою литературную судьбу.

В конце мая 1962 года Куваев без особой надежды обратился к директору института Николаю Шило.

«Прошу, – писал он, – дать предварительное решение вопроса о возможности зачисления меня в число сотрудников руководимого Вами института. В настоящее время я нахожусь в отпуске, полученном мною от Северо-Восточного геологического управления. Отпуск получен с выездом в центральные районы страны с последующим увольнением. Прибыть для работы в институте могу в конце декабря – начале января месяца. Желательным профилем работы является гравиметрия, в течение последнего года я работал в качестве старшего специалиста СВГУ по гравиметрии. Необходимые документы прилагаю».

Это заявление в 1998 году обнаружил в архиве СВКНИИ и опубликовал Владислав Иванов, обучавшийся тогда в аспирантуре бывшего Магаданского пединститута.

Ответил Куваеву заместитель директора СВКНИИ Лев Фирсов, который тоже, как и Шило, специализировался в области геологии. 9 июня 1962 года он от-

бил в Москву на главпочтамт до востребования телеграмму:

«СВКНИИ предлагает вам работу <по> специальности <в> должности младшего научного сотрудника. Тчк. Выезжайте проезд <на> общих основаниях <.> Фирсов».

Эту телеграмму летом 2021 года я нашёл в хранищемся в подмосковном Болшеве архиве Куваева.

Естественно, Куваев тут же отменил все запланированные поездки и стал собираться в Магадан.

«Я, – сообщил он в Нальчик своей подруге Ольге Кожуховой, – собирался уже улететь в командировку от журнала «Вокруг света», всё оформил, осталось только получить пиастры. А для пиастров нужен паспорт. А его я с собой не таскаю. Поехал я <из Москвы> домой <в Костино>, потом сел писать письма, потом читал, потом заснул. Так прошли пара суток. Поехал я за денежками <в редакцию>, а чёрт меня дёрнул забрести на почту. А на почте лежит вызов в Магадан на работу. И вот укладываю шмучочки, собираюсь на эту забытую богом и людьми землю. Решил кинуть ещё пару лет под ноги науке».

Уже 2 июля 1962 года Фирсов заключил с Куваевым в Магадане трудовой договор сроком на пять лет. Этим документом новому сотруднику СВКНИИ устанавливался оклад в размере 170 рублей с условием начисления после года отработки десятипроцентной северной надбавки (к слову, на пятый год работы Куваев мог рассчитывать к своим 170 рублям ежемесячного дополнительно получать ещё 85 рублей).

В СВКНИИ Куваев был определён в лабораторию региональной геофизики, которую возглавлял Виль Якупов (под его началом Куваев в свой первый полевой сезон на Чаун-Чукотке в 1958 году проверял эффективность нового метода геофизических исследований – вертикального электрического зондирования). Начальство тут же подключило его к плановой теме института по изучению тектоники Чукотки. В течение одной – максимум двух недель он должен был предложить подробную программу проведения маршрутных гравиметрических исследований на оставшуюся часть сезона.

Но тут в планы Куваева попробовала вмешаться редакция столичного журнала «Вокруг света», которая с января 1962 года стала чуть ли не в каждом номере давать его рассказы и очерки (как раз в Москве только-только вышел свежий номер «Искателя» – это литературное приложение к «Вокруг света» – с повестью молодого автора «Зажгите костры в океане»). Москвичам срочно понадобились зарисовки о море и рыбаках.

Сотрудник журнала Валерий Симаков срочно направила Куваеву в Магадан слезную просьбу.

«Олег! – писал он. – «Искатели» [это приложение к журналу «Вокруг света», в третьем номере которого за 1962 год была напечатана приключенческая повесть Куваева «Зажгите костры в океане». – В.О.] появились только сегодня... Пользуясь okazji, пишу тебе о срочной нашей просьбе.

В 10-й номер (сдаётся он 25 июля) обязательно нужен материал о молодых рыбаках. Признаться, на Гуссаковскую [молодая магаданская писательница, работавшая в ту пору редактором в местном книжном издательстве. – В.О.] надежды уже нет. Да и не только в надежде дело. Её фамилия, увы, стала известна в ЦК комсомола. Был в Магадане представитель оттуда и привёз нам неприятные новости. Гуссаковская где надо и где не надо козыряет нашим поручением и бумажкой, которую ей выслали. Если в твоей власти прекратить это – то, пожалуйста, сделай это.

Но дело бросать нельзя. У тебя есть блестящий шанс: за пять-шесть дней провернуть небольшой бизнес. Нужен небольшой (10–12 страничек) живой очерк о молодых рыбаках. Даже не обязательно о каком-то ЧП – просто будничной рейс. Не обязательно дальний – можно ближний. Нужно ближний, потому что время не ждёт. 10-й номер будет специально морской, сделать надо так, чтобы числу к 20 он уже был в Москве. Рубрика – наша обычная: «Романтики наших дней». Люди – первым планом, их характеры, поведение. Аромат моря, брызги, ветра, сети, запах рыбы, «майна» и «вира», солёные ругательства и морская лирика.

Лучше всего – сам бы сходил с сейнером и написал. Задержка – на неделю – будет учтена и оплачена. Если же сам никак не сможешь, то – от нашего имени – организуй у «местных» писак...

Всё ясно?

Как только получишь письмо и тебе станет ясно, кто и когда это сделает – телеграфируй. Например: «Через час выхожу в море очерк будет десять дней Москве». Это, сам понимаешь, оптимальный вариант.

Короче – дай знать, как с этим делом, чтобы мы могли точнее планировать номер 10-й.

Хоп!

Как дела твои и успехи?»

Но Куваева интересовало другое: заслали ли в журнале в набор его рассказ «С тех пор как плавал

старый Ной». 10 июля ему в Магадан пришла телеграмма:

«Рассказ сдали. Ждём обещанных исправлений и рыбный репортаж. Прохорова, заведующая редакцией «Вокруг света»».

Но когда Куваеву было братья за репортаж для журнала?! Его уже успели по уши загрузить на основной работе в СВКНИИ. Повторю, надо было срочно представить руководству института предложения по гравиметрическим съёмкам.

Я нашёл составленный Куваевым план.

«Программируемые на сезон 1962 года исследования, – отметил в преамбуле новый сотрудник СВКНИИ, – составляют часть работ по вопросам тектоники Чукотского полуострова в свете геофизических данных. В серию намеченных для этого геофизических профилей входит профиль протяжённостью около тысячи километров вдоль северного побережья Чукотского полуострова. Профиль должен пересечь такие крупные тектонические структуры полуострова как Северо-Чукотский антиклинорий, Куульское поднятие, Колочинскую впадину и выступ докембрийского фундамента к востоку от Колочинской губы. В сезон 1962 года вполне реальным является выполнение съёмки западной половины этого профиля в районе Северо-Чукотского антиклинория и Куульского поднятия. Для этого необходимо проведение маршрутной гравиметрической съёмки на 400-километровом участке побережья, заключённом между посёлком Певек, мысом Шелагским, губой Нольде, мысом Биллингса и становищем Пильгикай. Второй, попутной задачей работ этого года является пересечение гравиметрическим маршрутом Валькумейского интрузивного массива; это важно с точки зрения накопления геофизической информации по рудоносным интрузивам Чукотки».

Далее Куваев в своём плане сообщил о предполагаемых методах работы.

«Установившаяся в производственных организациях практика проведения подобных работ (речь

идёт об основном профиле), – отметил он, – требует организации на всём протяжении маршрута жёсткой сети опорных пунктов не ниже III класса точности. Однако, ограниченность имеющихся в нашем распоряжении средств и аппаратуры заставляют использовать для проведения работы следующую методику.

Для начального обоснования съёмки предполагается разбить так называемую координационную сеть пунктов путём однократного вертолётного рейса. В дальнейшем эти пункты, находящиеся друг от друга на расстоянии 50–70 км [километров] будут использоваться как «опорные», при окончательной же обработке – как пункты с большим весом. Кроме того, рядовую сеть предполагается заполнить и обработать по так называемой методике узловой сети, разработанной для приблизительно аналогичных случаев. Для этого, кроме прямого прохождения маршрута с использованием координационных точек в качестве опорных, необходимо провести возвратный независимый рейс, который будет иметь с прямым ходом около 30% общих точек. Часть пунктов возвратного рейса предполагается вынести вглубь тундры для создания подобия параллельного маршрута. Все координационные точки при возвратном рейсе повторяются полностью. В результате получится комплекс из двух взаимно независимых рейсов, который можно обработать по двум методикам: обычной «опорной» методике с 30% контролем и по методике узловой сети с использованием всех повторяющихся точек в качестве узловых с последующим уравниванием их по способу наименьших квадратов».

Исходным гравиметрическим пунктом должен был стать пункт I класса точности «Апальхино» (там же находился и аэропорт Певека).

«При дальнейшем продолжении маршрута, – писал Куваев, – он будет связан с пунктом I класса «мыс Шмидта»».

Здесь надо сказать, на Мысе Шмидта тогда размещались наши военная авиабаза и аэродром подскока для самолётов дальней авиации.

Для осуществления запланированных работ Куваев предлагал задействовать вертолёт (он рассчитывал как минимум на семь лётных часов), а также моторную лодку или шлюпку. Вертолёт ему нужен был для изучения профиля в районе Валькумейского массива, а вельбот планировался для изучения основного профиля.

«Работа на основном профиле, – проектировал Куваев, – будет проводиться вдоль берега моря на вельботе, или моторной шлюпке с густотой рядовой сети в 1,3 пункта на 10 погонных километров».

Всего с 20 июля по 1 октября 1962 года предполагалось сделать съёмку 450 погонных километров. Эту задачу должны были осуществить два человека: сам Куваев и порекомендованный кадровиками техник Евгений Шуйский.

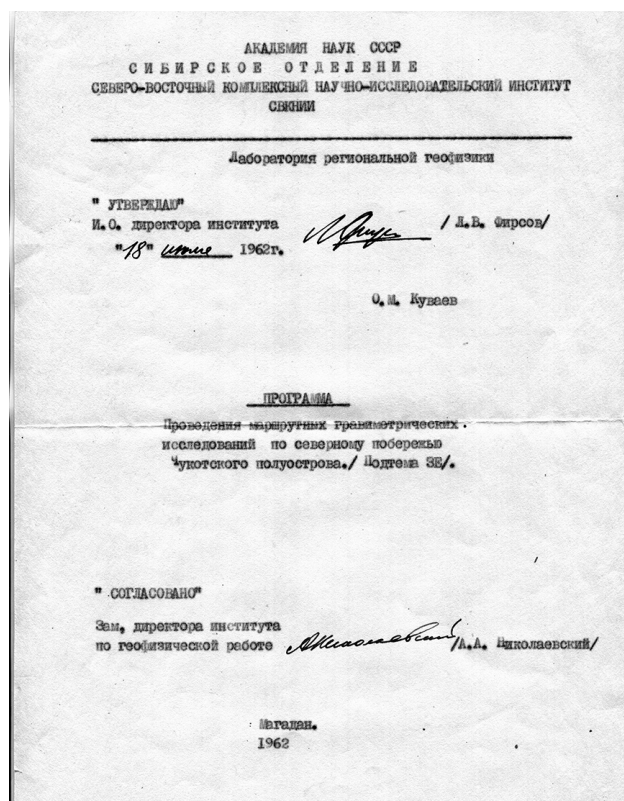
«Фамилия у него [у техника. – В.О.], – рассказывал Куваев в повести «Дневник прибрежного плавания», – была одна из самых древних славянских, и весь он по облику был иконописный славянин. Я напираю на это славянство потому, что в работе он вёл себя, как испанец, если, конечно, по испанцам судить из прочитанных книг, из книг, в которые веришь...».

18 июля 1962 года разработанную Куваевым программу согласовал заместитель директора СВКНИИ по геофизике Андрей Николаевский и утвердил и.о. директора института Лев Фирсов. После этого новый сотрудник СВКНИИ собрался в Певек.

Ещё до вылета Куваев попросил знакомых певекчан – бывшего армейского старшину Николая Семенникова и журналиста Владимира Курбатова (а с ними он сдружился ещё в 1959 году) найти так необходимую ему для плавания к мысу Биллингса шлюпку.

У плавания были две цели: одна чисто научная, нужная для понимания строения планеты, а вторая – историко-познавательная.

«С точки зрения науки, – писал Куваев впоследствии в одной из повестей, – было необходимо провести геофизическое исследование Куульского антиклинария, попросту пересечь его маршрутом гравиметрической съёмки. С точки зрения эмоциональной оно оправдывалось тем, что проходило по

следам последней экспедиции славного морехода Никиты Шалаурова, загадка гибели которого интесировала меня всё время работы на Севере...»

Но необходимых шлюпок не оказалось.

«Мы, – вспоминал в 1985 году Курбатов, – на перебой предложили несколько лодок-самодёлок. Встрял со своим предложением и Николай Семенников. Где-то на морской свалке он откопал скелет судовой шлюпки-двойки, кое-как привёл её в божеский вид. Олега прельстили истинно морские обводы этого обшитого фанерой рыдвана. Переживать и горько каяться он начал уже потом, по ходу дела. Николай поначалу долго искал и наконец нашёл соответствующий судну мотор. Затем ещё дольше устанавливал его на лодке. В воздухе густо висели всякие спецслова, но ни вал с дейдвудом, ни винт никак не хотели устанавливаться на лодке в нужном положении. Тесно населявшие берег Чаунской губы лодковладельцы и любопытные прохожие уже в открытую ехидно ухмылялись и градом сыпали советы. Олег маялся и зеленел: прошёл июнь, заканчивался июль – лучший, самый спокойный месяц для плавания вдоль побережья Ледовитого океана, а работу отряд ещё не начинал. Однако взять другую лодку Олег упорно отказывался – он не любил менять принятое решение, да и вятское упрямство, наверное, делало своё дело» («Уральский следопыт». 1985. № 10. С.69).

Пока шлюпку приводили в божеский вид, ушло благоприятное время. Море стало штормить. Но Куваева это не остановило. Из Певекского порта он вместе с Шуйским отчалил 10 августа.

«Десятого августа в ранний утренний час, когда посёлок спал, спал и капитан порта, поклявшийся, что не выпустит нас в море на этой дырявой посуде, спали остроумные береговые комментаторы, – рассказывал потом Куваев в документальной повести «Дневник прибрежного плавания», – в этот ранний час мы столкнули лодку на воду. Было холодно. Моторчик от водяной помпы, приспособленный для благоприятных температур, никак не желал заводиться. Мы по очереди лягали заводной рычаг, похожий на рычаг мотоцикла, с той только разницей, что, сорвавшись с рычага мотоцикла, нога била о надёжную земную твердь, а не в хрупкий фанерный борт. В конце концов пришлось прибегнуть к запретному способу: вывинтить свечу и влить в цилиндр немного бензина».

Первую остановку Куваев с Шуйским сделал на полярной станции Валькаркай. Принимавший путешественников Борис Викторов попросил магаданцев взять с собой в дорогу Евгения Максимова, которого очень ждали на другой полярной станции – на острове Шалаурова. Куваев не возражал. К тому же новый спутник пообещал переключить на себя все вопросы с работой мотора.

Самым сложным оказался участок от острова Шалаурова до мыса Шалаурова Изба. Он занимал семьдесят километров. На их преодоление у исследователей ушло четырнадцать дней. Куваев вспоминал:

«...началась полоса ледяных осенних штормов, когда северо-западный ветер несёт с собой дождь, мокрые снежные хлопья, а в море можно соваться только если у шлюпки есть хороший морской киль и есть чем закрыть её от потоков забортной воды...»

Однажды глубокой ночью ветер стих, стало холодно, и мы тут же отправились к мысу Шалаурова Изба, желая увидеть каменистый без ила и песка берег пуще, чем близкого человека.

Где-то к полуночи море утихло совсем... Мы сидели скрючившись на обледенелом дне лодки и проклинали судьбу и свою работу, которая запросто швыряет тебя из двадцатого века в какие-то биологические времена... На приборных термометрах температура стояла минус два, значит ночью было не меньше трёх градусов ниже нуля, и вода была тяжёлой, из какого-то тяжёлого липкого сплава.

Вынырнуло громадное, невероятной красноты солнце... Впереди показалась прибрежная сопка, и мы возликовали – это был мыс Шалаурова Изба. Осталось мечтать, чтобы у мыса жил какой-нибудь охотник, добрый человек с чайником и железной печкой, которую можно накалить докрасна, а потом прижать к ней руки и босые ноги, а может, просто лечь на красный горячий металл самому. А может, у того охотника есть табак, потому что свой мы докурили позавчера, и это ещё больше толкало нас плыть как можно быстрее...»

Обратный путь оказался не легче. В самый неподходящий момент окончательно заглох мотор. Куваев вынужден был оставить шлюпку у полярной станции Валькаркай и до Певека добираться уже не морем, а на случайном вездеходе.

Слухи об опасных манёврах Куваева дошли до Магадана. 21 августа остававшийся за директора СВКНИИ Лев Фирсов дал радиোগрамму:

«Биллингс МГД Востребования Куваеву Постарайтесь самостоятельно договориться вертолёт Певек Тчк Сейсмопункты обрабатывайте челночными способами как договаривались Тчк Будьте осторожны Желаю успеха Тчк Фирсов»

Чуть позже Куваев из поля послал весточку о себе в Москву родителям своего однокурсника Виктора Леженко, которые беспокоились за него, как за родного сына. 11 сентября 1962 года Мария Фёдоровна и Василий Ильич Леженко написали ему:

«Здравствуйте, Олег! Как быстро мчится время. Вот уже 3 месяца как Вы отсутствуете, а нам всё кажется, что Олег где-то здесь недалеко и нет, нет, да и забежит к нам побалагурить, ну и, не без того, заварить кофейку. Но увы – на кухне пусто и не

чувствуется запаха кофе. Ваше письмо нам создало хорошее настроение. Мы очень рады, что работа пришлась по душе и так хочется, чтобы это было не только на первых порах. Олег, воспринимайте жизнь как она есть и чувствуйте себя частицей её и тогда всё проще получается, не стройте радужных иллюзий. Все изменения в жизни заметны на протяжении большого отрезка времени, а жизнь человека слишком коротка, чтобы это осознать. Короче, хочется встретить Вас с таким же бодрым настроением, какое было у Вас при отъезде. Олег, а все эти километры, неужели Вы будете осваивать только вдвоём с «негром»? Ведь это невысказано – опасно, страшно и вообще одиноко. Почему не группа людей как полагается в экспедиции?»

Чего добился Куваев за проведённые на Чукотке два с половиной месяца? Не так уж и мало. С тремя гравиметрами он пересёк по берегу моря Куульское поднятие, создав опорную сеть наблюдений. Его измерения позволили существенно уточнить представления о тектонических структурах восточной Арктики.

А вообще, в августе-сентябре 1962 года Куваев с Шуйским только закинули, по словам Куваева, «пробный камешек в большой огород». Впереди намечалось существенное увеличение охвата территории. Но какими силами этого можно было добиться? Магаданские учёные решили попробовать задействовать авиацию.

«...возникла идея о том, – писал впоследствии Куваев в документальной повести «Два цвета земли между двух океанов, – что исследование структур дна Ледовитого океана можно провести, если посадить геофизиков на маленький самолёт Ан-2, которому легко выбрать посадочную площадку <...> Но для Ан-2 это было новое дело, и прежде потому, что этот маленький самолёт отнюдь не предназначен для дальних полётов в необитаемые места. Радиус действия его ограничен, навигационное оборудование несовершенно, кроме того, у него всего один мотор. Лётные инструкции категорически запрещают полёты на одномоторных самолётах над открытой водой».

Но лётчики проявили смекалку. Они согласились дополнить самолёт бензиновой выносной помпой, которая могла позволить осуществить дополнительную заправку на льду, взять на борт навигационную аппаратуру, применявшуюся на тяжёлых самолётах, и увеличить экипаж с двух до пяти человек.

Уже в сентябре 1962 года Андрей Николаевский закинул авиаторам удочку.

«Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт, – сообщил он начальнику 248-го Нижнеколымского авиаотряда Валерию Кузьмину, – рассчитывает провести в конце 1962 года ряд геофизических работ с применением

авиатранспорта на территории, входящей в сферу действия руководимого Вами авиаотряда. Работы предполагается выполнить на самолёте Ан-2, необходимое количество лётного времени составит около 40 лётных часов».

Территория работ делится на два участка.

I. Северное побережье Чукотки и о. Врангеля. Необходимо сделать рейсы:

а) Певек – мыс Биллингса – Певек с 5–10 посадками на прибрежной линии моря и на льду тундровых озёр,

б) Мыс Шмидта – мыс Биллингса – мыс Шмидта. Работа аналогична предыдущей,

в) Мыс Шмидта – о. Врангеля – мыс Шмидта. Кратковременный перелёт без промежуточных посадок,

г) несколько посадок на побережье о. Врангеля и, при возможности, на морской лёд с максимально возможным удалением от о. Врангеля, не более 100 км. Для этих работ самолёту необходимо базироваться на о. Врангеля.

II. Около 2000 погонных км маршрутов в Нижне-Колымской низменности с посадками на лёд озёр примерно через 50–100 км. Отправной базой для работ могут служить Зарянка и Нижние Кресты.

Во всех случаях груз будет состоять из 2–3 человек и 50 кг аппаратуры. Время стоянки на посадках не более 15 минут.

Желательным является, чтобы работы проводились на одном самолёте, специально выделенном экспедиции на время работ.

По соображениям финансового порядка необходимо, чтобы работы были начаты не позже чем в первых числах октября. После заключения договора часть из них может быть перенесена на 1963 год».

Я пока так и не выяснил, смог ли Куваев осенью 1962 года сделать хотя бы несколько полётов на Ан-2 хотя бы до мыса Биллингса или нет. Знаю только одно, что, вернувшись после окончания полевого сезона в Магадан, он написал письмо в Певек одному своему старому знакомому Гешке Видмиденко и попросил прислать ему фотографии. Но приятель откликнулся с запозданием. 1 декабря он написал Куваеву из Певека:

«Олег, дружище, здравствуй!

Прежде всего, извини за долгое моё молчание. В чём дело? Объясняю. Сначала я не мог достать бумаги, хотя бы простой для пробных карточек. На это дело ушло у меня недели две-три. Но, наконец, добыл бумаги и засел за печатанье карточек. Первая плёнка шла всё время отлично, да ты и сам это заметишь по глянцевавшимся карточкам. А дальше чёрт знает что началось. Вроде бы и плёнки нормальные, а вот ничего не получается. Но, я думаю, что с них можно сделать нормальные карточки. Делал я их на матовой бумаге, и, быть может, поэтому ничего не

Смету в сумме 2952 рублей
" УТВЕРЖДАЮ "

И. О. директора института / Л. В. Шаров /

Смета

На полевые экспедиционные работы отряда по подгоне ЗЕ.
Работы проводятся за Полярным кругом с 20 июля по 1-е окт.
/ 2,3 месяца /

1. Состав отряда

М. Н. С.	О. М. Куваев
ст. лаборант	Е. А. Шуйский

2. Полевое довольствие

М. Н. С. из расчёта 90р. + 50%	135р x 2,3 = 310р.
ст. лаборант из расчёта 90р. + 50%	135 x 2,3 = 310р.
	итого 620р.

3. Транспортные расходы

Переезд самолётом двух человек Магалад-Певек и обратно	280р.
Груз 150 кг. Магалад-Певек и обратно	100р.
Вертолёт 7 лётных часов по 220 р. за час	1540
Аренда моторной лодки на 2,3 месяца	300р.
Горюче-смазочные материалы: бензин 400кг. масло 30кг.	67р.
	Итого транспорт 2287р.

4. Предвиденные расходы

	45р.
--	------

Общая сметная стоимость работ 2952 рубля.
Из них по фонду 300р.

Смету составил / О. М. Куваев /
Смету проверила / Л. В. Шаров /

получилось нормального. Сделал я пока четыре плёнки, две ещё не проявлены, но к третьему они будут обработаны и на неделе их сделаю. Видишь ли, Олег. Мне кажется, что удачных кадров очень мало, а может быть, и вовсе нет их. Снимки делались без цели, просто щёлкал, что попадалось под руку и, возможно, вот результат. До нового года я поеду на Валькаркай к Жеке недели на две. Там постараюсь сделать кое-какие снимки. Что требуется от тебя: хотя бы в общей форме подкажи их сюжеты, чтобы я знал, что мне искать и где искать, конечно, без позирования. Только это надо сделать по возможности быстрее. Бумаги сейчас в Певеке нет никакой, но у меня пока для пробных есть кое-что. Если из этих снимков тебе что-нибудь подойдёт, сообщи в темпе. Бумагу в основном надо 3, 4 номер, желательно «унибром». Кадры печатал такие, какие они и есть, без кадрирования. Кадрировку кадров, их формат и прочее ты сообщи. Карточки высылаю отдельным пакетом вместе с письмом. Надеюсь на лучшее.

У меня всё идёт нормально. После «жисти взаимности» на острове «провожу курс размагничивания».

Вот, собственно, и всё. Передавай привет Жене. Как его самочувствие? Пиши, жду. Привет от валькаркайцев. ДО СВИДАНИЯ. ЖМУ ТВОЮ МУЖЕСТВЕННУЮ РУКУ. ГБ СК ДО ЩСО. МОИ 73,С!

P.S. Глянцевать надо кадры?

С приветом Гешка».

Я так понимаю, что первый после возвращения на Север полевой сезон 1962 года Куваева отчасти

разочаровал. Он ждал чего-то другого, а что-то пошло не так. У него даже возникла мысль, а не махнуть ли на всё и вновь возвратиться в Подмоскowie.

«Единственное, – написал он в середине ноября 1962 года в Нальчик своей знакомой Ольге Кожуховой, – что мне сейчас здесь <на Севере> держит – это остров Врангеля. Подвёрстывается с весны что-то экзотическое: на собаках поработать вокруг Врангеля и по острову и в общем, куда только смогу пробраться. Жаль упускать такую возможность...»

В январе 1963 года дирекция СВКНИИ сроком на один год заключила договор с Центральной комплексной геолого-геофизической экспедицией СВГУ.

«Институт, – отмечалось в договоре, – принимает на себя выполнение рекогносцировочной гравиметрической съёмки в районе «острова» Врангеля и северного побережья Чукотского полуострова, а также постановку опытных магнито-теллургических зондирований на территории Анадырской впадины (р. Великая)».

Для выполнения этого договора в СВКНИИ был сформирован съёмный отряд в составе начальника Олега Куваева, лаборанта Альберта Максимова и рабочего Сергея Скворцова.

Поскольку вся Чукотка являлась тогда погранзоной, нужны были пропуска. Директор института Николай Шило обратился в соответствующие службы. Он писал:

«Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт проводит в 1963 г. геофизические исследования в районе восточной Чукотки и на о. Врангеля. В состав отряда входят: младший научный сотрудник Куваев Олег Михайлович, старший лаборант Максимов Альберт Ефимович, лаборант института Скворцов Сергей Николаевич. Институт просит выдать указанным товарищам разрешения на въезд и пребывание в пограничной зоне сроком с 1 февраля по 1 сентября 1963 года. Основные пункты перемещения отряда: м. Шмидта, о. Врангеля, Ванкарем, Эгвекинот, Анадырь, Уэлен, Нешкан, Лаврентия, Провидения. Порядок перемещения и сроки остановки в пунктах определяются в ходе проведения работ...»

Из всего отряда Куваев лучше всех знал Скворцова. С ним он летом 1959 года прошёл не один десяток километров по Чаунской тундре. Позже к отряду обещал примкнуть певекский журналист Владимир Курбатов. Он даже под поездку на Врангеля собирался взять на работе отпуск. Но Куваев с вызовом приятеля почему-то не торопился.

«А вообще-то, – попенял ему в начале 1963 года Курбатов, – ты делаешь всё для того, чтобы не иметь меня своим спутником в этом великом

байдарочном заплыве Шмидт–Уэлен с чукчами и аппаратурой в качестве балласта: до сих пор ни хрена мне не сообщил, хотя обещал ещё 8 ноября доложить о ходе снаряжения порученной тебе экспедиции. В связи с этим я не поехал на зимнюю сессию и теперь не знаю, как быть с летней».

Незадолго до начала полевого сезона пришли не совсем приятные вести от авиаторов. Начальник Нижнеколымского авиаотряда Кузьмин, когда узнал, что геофизики высказали пожелания часть полётов совершить на удалении 250–300 километров от берега и сделать более пятидесяти посадок на дрейфующие льды, потребовал серьёзной доплаты. 18 января 1963 года он телеграфировал заместителю директора СВК-НИИ Ивану Темченко:

«Прибытием Вашего представителя уточним характер работы, которые договором не оговорены».

Своим представителем дирекция института назначила Альберта Максимова. Ему предстояло по пути в Певек сделать посадку в Нижних Крестах.

«Во время командировки, – указал ему заведующий лабораторией региональной геофизики СВК-НИИ Виль Якупов, – Вам надлежит выяснить путём переговоров с руководителем авиаотряда Полярной авиации следующие вопросы, необходимые для конкретной организации полевых работ 1963 года:

1. Конкретные сроки начала и окончания авиаработ, обусловленных договором с авиаотрядом.
2. Уточнить распределение намеченных рейсов по базовым аэродромам. Важно знать предельные продолжительности рейсов и вопрос организации дополнительных площадок на мысе Биллингса и в пос. Ванкарем.
3. Возможное число посадок на лёд в одном рейсе, допустимые удаления от берега.
4. Вопросы привязки точек наблюдения, выполняемых на льду.
5. Вопросы получения самолётов. Будет ли вся работа выполняться с одним экипажем, полученным в Нижних Крестах, или работа будет выполняться различными экипажами авиаотряда.

Главное внимание при этом обратить на предельные длины рейсов, максимальное возможное число посадок и на вопросы привязок».

Наконец 5 февраля 1963 года Куваев вылетел в Певек.

«Сегодня прилетели в Апапельхино, – записал он в полевую книжку. – В Магадане было -2°C , шёл снег, и в аэропорту толпа северных пассажиров толкались в шубах нараспашку и без шапок. В Сеймчане было уже холоднее, в Зырянке холодно, в Крестах мороз и в Певеке совсем мороз. Мороз. Ночь.

Мы прилетели в десять ночи. Самолёт приняли

только потому что с нами летел Попов – главный штурман Магаданской авиагруппы ГВФ.

Такой кряжистый кожаный старикан. Он летел в пилотской рубке, частенько выходил к пассажирам потрепаться. Особенно с детишками, видно, здорово любит детишек.

Летел он расследовать гибель певекского самолёта. Ли-2 шёл в Магадан с грузом оленьих шкур. Шли на высоте ходом, боковой ветер сбил курс на 15° . Вместо трассы попали в сопки. Самолёт струёй воздуха сбросило на пятьсот метров вниз и ударило в сопки».

В Певеке Куваев и Скворцов должны были дожидаться Максимова с выделенным для гравиметрических съёмов Ан-2. Но тут подул «оужак». Все полёты были приостановлены. И где застрял Максимов, никто не знал.

«Послал Сергея <Скворцова>, – отметил Куваев в полевой книжке, – в Апапельхино [там располагался Певекский аэропорт. – В.О.]. Он вернулся с отмороженным пальцем. Нет ни телеграмм, ни ответов на телеграммы».

Ан-2 с Максимовым на борту объявился в Певеке лишь 13 февраля. После этого магаданские геофизики взяли курс на Мыс Шмидта.

Трасса оказалась непростой.

«Остров Шалаурова забит снегом, – записал Куваев в полевую книжку. – Всё море по дороге исполосовано полыньями.

Воздушная яма около мыса Шелагского. Там погибло уже два самолёта. Мы обошли мыс морем, потом на малой высоте пошли на Валькаркай.

Видел ребят полярников на М-Б и Валькаркае».

От мыса Шмидта до острова Врангеля было уже рукой подать. Но там, как оказалось, геофизиков никто не ждал. Свободного жилья на острове не имелось. Помещения для хранения аппаратуры также отсутствовали.

Уже после окончания полевого сезона Куваев вынужден был подать директору СВКНИИ Николаю Шило рапорт и рассказать, с чем столкнулся его отряд по прибытии на Врангеля.

«При проведении зимних съёмов на о. Врангеля, – писал он, – гравиметрический отряд геофизической лаборатории института столкнулся с трудной проблемой организации жилой базы для сотрудников (включая каюров собачьих упряжек) и организации помещения для камеральной обработки и настройки аппаратуры. По условиям работы база могла находиться только в аэропорту бухты Сомнительная, где был расположен исходный пункт силы тяжести. Маленькая гостиница аэропорта была перегружена составом ледовых и высокоширотных экспедиций ГУСМП, да и вообще, в силу гости-

ничной специфики, не могла быть нами арендована. Жить в палатках в феврале-марте практически невозможно».

Уточню: начальник аэропорта, размещавшегося в бухте Сомнительная, Соколовский после долгих уговоров согласился выделить геофизикам одну комнату площадью двадцать квадратных метров для хранения аппаратуры, но потребовал за аренду плату 25 рублей в месяц. Куваев вынужден был отдать деньги из своего кармана и потом предъявил в бухгалтерию института квитанции на возмещение ему ста рублей, а бухгалтерия посчитала его действия и требования незаконными.

На первую съёмку геофизики вылетели 14 февраля. После трёх дней работы Куваев записал в полевую книжку:

«Мыс Шмидта. Холод. Реактивные самолёты. Уютная деревянная гостиница с коврами. Аэропорт. Построили новый дом, и тут же старый забило выше крыши.

12 февраля замёрз тракторист в семи километрах от посёлка.

На сей раз с нами летит уже двое проверяющих.

Пролив Лонга. Лёд восторошен, между белыми многоугольниками старого льда синие пятна льда молодого.

В какой-то степени структура морского льда напоминает образование структуры земной коры.

Во время посадки нас предупредили смотреть за лыжами, не покажется ли вода. В случае воды надо громко кричать «Вал!» От толчка самолёта льдину развернуло. Всего сделали шесть посадок. На одной из посадок льдина под самолётом треснула.

Очень трудно замерять, так как лёд «дышит». Вот, кстати, и ответ на мой вопрос: куда деваются приливы и отливы в замёрзшем море».

А вот подробности о другом полёте.

«Летали на двести километров к северу, – рассказывал Куваев. – Сделали восемь посадок на дрейфующий лёд. Лёд весь передроблен. Одну посадку выбирали сорок минут. Чтобы узнать ветер, на лёд кидаются дымовые шашки.

Бортинженер встаёт у приоткрытой двери, шашка готова. Его предупреждают: первый сигнал – приготовиться, второй – сброс.

Первый сигнал – приготовиться, второй – сброс. И так много раз. Дым коричнево-чёрный стелется по льду. Самолёт грохочет и, подпрыгивая, заворачивает.

«Ну его к лешему, летать на ледовых. Сто часов в воздухе. Ванкаремы, океаны, материка...».

Всего же Куваев с 14 по 23 февраля 1963 года совершил на Ан-2 62 посадки на дрейфующие льды Восточно-Сибирского и Чукотского морей.

«Летать кончил, – написал он потом сестре в Терскол. – 62 посадки на дрейфующий лёд сделали благополучно. Теперь базируюсь на острове Врангеля. Адрес на конверте. Готовлюсь к санной поездке вокруг острова. Ем, сплю, топлю печку и набиваю чайник снегом, чтобы сварить чайку. Живу как животное, ибо для мыслей в голове как-то не хватает места. Заела Куваева работа и опрошенчество. То, что при такой жизни писателя из меня не выйдет – это точно. Ну бог с ним. Авось осенью удеру в Москву».

Обходы острова оказались не такими уж простыми.

«Ходили 12 марта на горы Минева, – записал Куваев в полевую книжку. – Забраться наверх можно только с помощью ножа или приклада карабина. Обратное с плато спускались ночью. Склон был заснеженный и крут. Ноги скользили. Спускались, тормозя прикладом карабина.

Алик Максимов сорвался, и его всё быстрее понесло вниз, раскручивая и подкидывая. Если человек не сумеет остановиться, то прыжки и броски становятся всё сильнее, и тогда затрещат рёбра, позвоночный столб. Он раскинул руки и остановился в подвернувшемся пятне рыхлого снега за пару метров до камней, торчащих из-под снега. Мы с Сергеем <Скворцовым> тоже пару раз срывались, но карабин помогал затормозить.

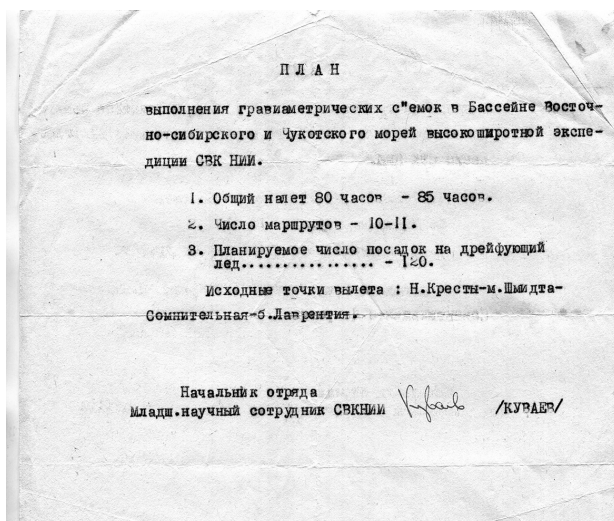
Ночью у берега трещит и скрипит лёд».

Правда, в письмах знакомым Куваев бодрился, делая упор в основном на экзотику. Посмотрите, с каким юмором он повествовал о своей жизни на Врангеля однокашникам по Московскому геологоразведочному институту Елизавете Успенской и Игорю Архипову:

«...А пишу я вам, ребята, с острова Врангеля. Занесла-таки нелёгкая. Южный берег, бухта Сомнительная. Ночь. Хибара. Печка топится. И, конечно, Северное сияние. Ей-богу! Я пять минут тому назад выходил кое-зачем. Большая Медведица, знаете, собаки воют, и шёпот звёзд... Очень хорошо сидеть возле свечки в меховых штанах, в зубах трубка, на стене карабин, на роже щетина.

Сейчас обрабатываю материалы и готовлюсь к санной поездке вокруг острова. Поеду в первых числах апреля на 2–3 нартах. Одной нартой, естественно, буду править сам... Ух, экзотики полные штаны! Мыс Эванс, мыс Флоренс, лагуна Дрем-Хед, река Двух Скелетов, долина Хищников. Не верите – возьмите карту Врангеля и посмотрите. И везде уже у меня выставлены пирамиды с медными табличками. Единственный пока след Куваева в Арктике. Кроме, конечно, маленьких коренастых эскимосиков и чукченят.

Ну, в общем, хватит врать. Братишки, чтой-то я сегодня вспомнил про уютный свет вашего торшера и про то, как мы с Игорем вкусно так трепались «за жизнь». Если удастся проехать на собаках к острову

Геральда – пришло вам кусок травы с настоящего необитаемого острова...».

В апреле 1963 года на Врангеля наконец прилетел Курбатов. В аэропорту его встретил Скворцов. Он сразу огорошил гостя новостью: Куваев заболел.

«Олегу, – рассказывал впоследствии Курбатов, – действительно явно нездоровилось, а через пару дней он стал вовсе плох – и вид был не тот, и настроение, чувствовалось, паршивое. Когда мы ему чуть не насильно сунули под мышку экспедиционный термометр в силу отсутствия медицинского, он ехидно похмыкивал – болеть он не любил и сейчас не очень-то верил, что с ним всерьёз неладно».

Несколько дней у Куваева держалась температура тридцать девять, а потом и вовсе полезла к сорока. Скворцов с Курбатовым повезли его в столицу острова – посёлок Ушаковский, где была какая-никакая «больничка».

В себя Куваев пришёл уже после майских праздников. Надо было навёрстывать упущенное. Геофизики стали спешить и за это чуть не заплатились.

«Вы правы, – писал он летом 1963 года после возвращения из одного похода по острову своему старшему товарищу Андрею Попову, – Север действительно требует уважения. Дней шесть назад я получил от него хороший щелчок по носу. Нам осталось заделать кое-какие дырки в карте. Я взял у эскимоса собак и сделал в конце мая за сутки стокилометровый маршрут от бухты Сомнительной на реку Мамонтовую, в верховья реки Гусиной и т.д. После этого остался небольшой участок в центре острова. Я как раз планировал его к весеннему ходу гусей. Стоял нерушимый снег, было холодно, проталины только на южной стороне гор. Нас забросили туда на вездеходе. Груза было довольно много. Мы взяли с собой лыжи, торбаза, рукавицы и т.д. Работа рассчитывалась на пять дней. Через два дня после ухода вездехода всё раскисло. Снег стал жидкой

кашей, вскрылись верховья ручьёв. Мы ходили в маршруты по пояс в жидкой снежной каше в торбазах, которые конечно моментально полопались от этого и их приходилось связывать ремешками, чтобы они как-то держались на ноге. Канадский гусь шёл густо. Жирён до невероятия, до того, что от одного гуся в кастрюле плавает слой сала толщиной в 1,5 см (без преувеличения). У одного парня были кирзовые сапоги. На пятый день я отправил его на базу, нагрузив вялеными гусями. Он должен был пригнать вездеход, а нам двоим ещё оставалось сделать один маршрут. Вездеход не пришёл к концу вторых суток – это значило, что надо выходить самим. До базы было 30 км. Вышли в туман. Главная неприятность очень тяжёлые рюкзаки и совершенно расплывшаяся обувь. Так и шлёпали в тумане через снег, ручьи и долинки. Я заблудился. Выяснили, когда сделали петлю километров в 10. Да ещё убил дорогой последними патронами 4-х гусей. Есть там такой ручей Совиный. После него уже был главный перевал, и там можно было спуститься домой прямо по долине. Но этот проклятый ручей был забит километровым полем снега. Мы шли в воде и снегу по пояс часа два, пока одолели этот километр. Очевидно, голова стала уже не в порядке, так как снова вышли не на тот перевал, а на приток реки Мамонтовой и пошли, удаляясь перпендикулярно к дороге на базу. В общем, в этот день сделали километров 50, пока не убедились, что влипли. Поставили на ружьях палатку. В примусе имелось с кружку керосина. В общем, погрели в воде сырого гуся, да так его и съели. Иного топлива здесь не найти. Проспали ровно 26 часов, встали, сориентировались и поняли, что снова в 30 км от базы. Но тут уже через десяток километров вышли на берег моря и до осатанения наелись и согрели душу чаем, ибо на море есть плавничок. Пришкандыбали на третьи сутки тонкие, звонкие и прозрачные. Никто даже не чихнул от простуды. Вот это дело! Гусь здесь есть, но уже пуглив. Но мы себя кормим неплохо, и даже однажды удалось выменять водочки у залётных пилотов. А так водки на всём острове, как и на всей Чукотке, сейчас не найти. Сейчас безуспешно пытаемся вылететь в Эгвекино, чтобы плыть вниз по Амгуэме. Рейсовый самолёт будет только 13 июля. Вся надежда на случайные борты, которые иногда приходят, но никогда не берут. Между делом выделал сам себе раннее добытую медвежью шкуру. Прошёл, в общем, и этот курс полярных наук по обезжириванию, заквашиванию и т.д. Хорошо, чёрт побери. Ей-богу, чувствуешь себя человеком во время простых работ. Хорошая усталость, хорошее настроение и наглядный плод усилий – умка».

Перед отъездом с Врангеля Куваев получил письмо из Магадана. Родной институт сообщил ему, что в план издания включили его монографию «Тектоника Чукотского полуострова и гравиметрия», которую ещё только предстояло написать.

«Постараюсь, – рассказал он о своих планах в письме Попову, – сделать её так же и как кандидатскую. Во всяком случае, это нелишнее».

После Врангеля Куваев перелетел на Шмидта и уже в июле отправился по реке Амгуэме. Потом были Уэлен, Лаврентия, Провидения...

В середине августа геофизики добрались до Уэлена. Там Куваева ждала телеграмма от Альберта Мифтахутдинова, который тогда сидел в качестве собкора газеты «Советская Чукотка» в Заливе Креста.

«Уэлен МГД Куваеву Олегу

Редакция поздравляет благополучным прибытием экспедиции в стольный град Уэлен и вселением в новую гостиницу тчк ждём Анадыре. Привет ребятам. Привет Левиной. Альберт».

В Уэлене Куваев вспомнил просьбу начальства. И.о. директора СВКНИИ Лев Фирсов хотел, чтобы его подчинённые взяли на краю земли образцы нефелиновых сиенитов Дежневского массива. По этим образцам учёный надеялся определить возраст найденных на краю океана ценных пород. Оказалось, сиенитам было больше ста миллионов лет.

Вернувшись в Магадан, Куваев по материалам своей экспедиции подготовил на пятидесяти трёх страницах «Отчёт по гравиметрическим работам на Чукотском полуострове, острове Врангеля и по Восточно-Сибирскому морю за 1962–1963 годы» (сейчас этот отчёт хранится в архиве СВКНИИ под инвентарным номером 1860).

А потом по итогам года заведующий лабораторией региональной геофизики Виль Якупов подготовил на своего сотрудника характеристику.

«...в СВКНИИ О.М. Куваев, – написал он, – поступил в июле 1962 года. Большую часть времени работы в институте он провёл в поле и выполнил весьма трудные в организационном отношении маршрутные гравиметрические работы на о. Врангеля, на льду Восточно-Сибирского моря и на протяжении 1000 км северного побережья Чукотки. В результате этих исследований получены интересные материалы о геологическом строении указанной территории, по которым О.М. Куваев представил отчёт и статью. По своей подготовке, характеру и качеству выполненных работ Олег Михайлович Куваев вполне заслуживает звания младшего научного сотрудника».

Вскоре Куваев должен был продолжить работы на Чукотке. Заведующий лабораторией Якупов заранее стал хлопотать о снаряжении.

«В 1964 году лаборатория региональной геофизики будет проводить зимние и летние гравиметрические работы в районе о. Врангеля и Новосибирских островов, – сообщил он заместителю директора института Темченко. – Для нормального проведения работ с соблюдением техники безопас-

ности необходимо следующее снаряжение (при составе отряда в 6 человек)».

В это снаряжение Якупов включил костюмы меховые, унты, рукавицы меховые, лыжи, сапоги резиновые высокие, куртки спецпошива, штормовые костюмы, спальные мешки пуховые, а также фонарики и различную хозяйственную утварь. Но по ходу дела выяснилось, что в отряде будет не шесть человек, а меньше. Из первоначального состава оставались Куваев и Максимов. Дальше вливался Борис Ильинский. И на одном из этапов к геофизикам подключалась ещё Марина Гольинко.

Ильинского предложил включить сам Куваев. Они уже несколько месяцев как жили в Магадане в одном доме и неплохо узнали друг друга.

«Я, – вспоминал писатель в начале 70-х годов, – писал тогда свою первую более или менее «настоящую» повесть «Чудаки живут на востоке». С диалогом у меня никогда не ладилось, не ладится и сейчас. Борис поднимался ко мне на четвёртый этаж, и я от великого смятения чувств и неудачи просил: «Боря, дай импровизацию». Борис свойственным только ему одному жестом отводил в сторону ладонь с непомерно длинными пальцами. «О чём речь?» Я давал ситуацию. Борис грыз искривлённый, сломанный на Кольском полуострове мизинец, и вдруг сообщал мне, о чём и какими словами толкуют мои беспутные герои».

Ильинский сразу получил от Куваева задание вылететь для очередных переговоров с авиаторами в Нижние Кресты. Ему было поручено:

«1. Обсудить реальность выполнения работ по намеченному нами <в СВКНИИ> плану маршрутов. Особое внимание обратить на возможность базирования на СП-3 [дрейфующей станции Северный полюс-13. – В.О.] и на о. Жохова <...>

2. Договориться на месте об аренде вездехода для проведения наземной съёмки на Новосибирских островах.

3. Задача повышения точности привязки и контроль работы штурмана самолёта для нас по-прежнему остаётся нерешённым <...>

4. Выяснить возможности самолёта Ли-2 на облётах <...>

7. Ориентироваться на работу с одним самолётом Ан-2 примерно с 15 февраля».

Но в Нижних Крестах выяснилось, что у магаданских геофизиков появились, скажем так, конкуренты. В Восточном секторе Арктики собиралась развернуть большие работы также экспедиция ленинградского НИИ геологии. Авиаторы сомневались, что могли одновременно помочь и магаданцам, и ленинградцам. Под вопросом оказалось размещение баз магаданских геофизиков на СП-13 и на острове Жохова (неясно было, кто и как забросит туда дополнительные объёмы горючего).

Куваев попытался из Певека координировать усилия своих сотрудников.

29 января он телеграфировал в Магадан заведующему лабораторией региональной геофизики Вилю Якупову:

«Договор авиацией заключён на сумму 13700 10 часов по 110. Повторяю по 110 и 70 по 180. Аренда вездехода и заброска в Уэлен принципиально решены. Самолёт экипаж готовы. Оформление разрешения полётов оформляет авиация. Начало работ третьего февраля. Требуется Максимов. Срочно подготовьте сметы аппаратуры. Командировку Певек сокращён Куваев».

Уточню: Максимов застрял на Сахалине, где никак не мог получить обещанный магаданцам гравиметр.

К облётам магаданские геофизики приступили 12 февраля.

В архиве писателя я весной 2021 года нашёл акт, датированный 24-м февраля 1964 года. В этом документе говорилось:

«С 12 февраля по 22 февраля 1964 года на Ан-2 производились полёты на гравиметрическую съёмку в районе Восточно-Сибирского и Чукотского морей с посадками на дрейфующие льды.

Общая продолжительность полёта 81 час 35 минут, в том числе:

подлёт 4 часа 15 минут,

съёмка 77 часов 20 минут.

Произведено посадок 112, в том числе на дрейфующий лёд – 101».

От геофизиков в полётах участвовали О.Куваев, А.Максимов, Б.Ильинский и М.Гольинко.

Акт подписали Куваев и командир второй эскадрильи Нижнеколымского авиаотряда А.Ф. Осипов.

Кроме этого документа, я нашёл в архиве другие справки о совершённых рейсах с указанием цели и краткими описаниями полётов. Из этих справок видно, что исследования на Врангеля продолжались вплоть до начала весны 1964 года. А потом геофизики переместились на Нижнеколымскую низменность. В частности, с 5 по 6 марта на Ан-2 они совершили вылеты в район Медвежьих островов, во время которых лётчики по их просьбе сделали 18 посадок на дрейфующие льды.

Сохранилась часть журнала с характеристиками совершённых лётчиками вместе с геофизиками трёх маршрутов (правда, без указания дат).

Итак, маршрут № 11 Н<ижние> Кресты – Чокурдах.

«Вылетели при нормальной погоде (высота облачности – 1,5 км, 5–6 баллов, видимость 10 км).

Через 1,5 часа погода резко ухудшилась. Над р. Алязэн туман. Видимость плохая 1,5 км, облачность 10 баллов, высота облачности 200–250 м.

Условия посадки крайне затруднены. Лёд на

озёрах покрыт плотными застругами. Через 5 часов после вылета из Н.Крестов, Чокурдах закрылся (облачность 10 баллов, высота облачности 90 м, видимость 1 км).

Вернулись в Нижние Кресты.

Общий полёт 850 км – 7 часов 10 минут.

Число посадок – 8».

Далее листок с отчётом о маршруте 12 Н.Кресты – Медвежьих островов – Н.Кресты.

«Весь маршрут проходил при нормальных условиях полёта (облачность до 4–5 баллов, видимость 10–15 км, ветер до 10 км/сек).

За Медвежьими островами весь маршрут пролегал над Великой Сибирской полярной пустыней.

Условия посадки крайне затруднены: лёд тонкий, сильно битый. Подобрать площадку достаточных размеров трудно. В результате приходилось постоянно растягивать расстояние между точками. На подбор площадок уходило много времени. В результате от последней посадки, севернее Медвежьих островов, до Н.Крестов пришлось лететь в полной темноте.

Условия замеров были относительно нормальными.

Общая протяжённость маршрута 900 км – 8 часов».

И вот отчёт о маршруте № 13: Н.Кресты – Медвежьих островов – Н.Кресты.

«Условия полёта нормальные (видимость 10–15 км, ветер 10 м/с, порывы до 15 м/сек, 1° до 40°).

Условия посадки затруднены (торошение слабое, зато лёд сплошь покрыт плотными застругами снега, делающими посадку почти невозможной).

В условиях сильного порывистого ветра крайне затруднительно брать отсчёт по приборам.

Общий полёт 850–900 км – 8 часов

Число посадок – 10».

Под отчётом о маршруте № 13 я увидел: расписались командир корабля Железнов, штурман корабля Палий, начальник экспедиции Куваев и бортоператор Максимов.

Понятно, что все полёты были очень сложными. В самый трудный и опасный Куваев, как рассказывал Ильинский, из геофизиков взял лишь одного Максимова. Он писал:

«...когда до Полюса Относительной Недоступности нам оставался один перелёт – самый длинный, самый сложный, самый опасный, – в этот маршрут Олег взял только одного – Максимова, хотя обычно мы летали всем отрядом. Самолёт оторвался от снежной взлётно-посадочной полосы острова Врангеля ночью четырнадцатого февраля. Куваев с Максимовым лежали на бочках с бензином, бережно держали на коленях нежные в обращении гравиметры и благословляли командира Ан-2 Эдика

Перед отплытием на Амгуэму. 1963 г.

Каминского за взятый им на себя грех сделать этот рискованный рейс. Подобных рейсов – с десятком посадок на дрейфующий лёд – в то время не совершал ни один самолёт.

...Проходят часы – мы ждём. Солнце показало краешек на юге и ушло за торосы. С начальником взлётно-посадочной полосы бегаем вдоль неё к раскалённым бочкам и закладываем сигнальные пиротехнические патроны: звёзды уже начали загораться... Ждём. Зажигаем... Надежды почти никакой... Вдруг слышим – летит. Приближается. Мягенько садится, замирает. Мы видим две фигуры в махах. Бежим к ним, торопимся обнять...

– Не колматите! Тихо стоять! – строго произносит Олег. – Эмоции после контрольного замера! – И он уткнулся в прибор. Ответственный замер: иначе весь рейс – к чёрту! Эдик Каминский произнёс вполголоса:

– Вот, язви его, как в кино...Притопали на красных лампочках. Но об этом лётному начальству ни гу-гу!

Теперь, за давностью лет, об этом можно сказать. После полёта мы ели лучшую в мире врангелевскую оленину и пили китайский чай из запасов полярников. За столом сидели егерь Акимыч и охотник Ульвилькотт. Акимыч из знаменитого приморского заповедника «Тигровая Падь», а Ульвилькотт – первый советский поселенец на острове Врангеля. Мы прощались – завтра нам надо было улетать на Мыс Шмидта, работы на острове закончены...» («Дальний Восток». 1984. № 8... С. 149).

Это не значило, что все другие рейсы оказались простыми. Повторю: проблем было много, и все члены отряда Куваева показали себя асами.

«Мы, – рассказывал Куваев в 1973 году, – работали с ним [Б.Ильинским. – В.О.] в одной экспедиции. Мы вместе сидели многие сотни часов в фюзеляже самолётика Ан-2, когда вели съёмку по дрейфующим льдам, были на острове Врангеля, работали на заполненной озёрами гигантской равнине между реками Индигиркой и Колымой. Экспедиция была невелика по составу, работа очень напряжённой, и как бывший

начальник этой экспедиции, я со всей ответственностью заверяю, что Борис Ильинский был в ней на месте. Его юмор и чувство долга не раз выручали нас».

После Врангеля отряд геофизиков перебрался на «материк» и на какое-то время застрял в Уэлене.

«...там-то я и повстречал её, – написал Куваев позже в Нальчик своей знакомой Ольге Кожуховой, – закрутился глупейший ненужный роман, деревня Уэлен уже позади, сейчас я сижу уже снова на южном берегу Чукотки в заливе Святого Лаврентия, она улетела в Москву, а я остался один, так как в результате этого романа незаметно уволил своего единственного спутника. Кажется, дело доходило до драки на ножах – надо же настолько одуреть».

В архиве Куваева никаких материалов о том, когда конкретно и почему геофизики застряли в Уэлене, я не нашёл. Ничего не удалось мне найти и о том, куда делась одна из участниц отряда Марина Голынка. Последнее, что я выяснил: она в начале марта 1964 года летела с Куваевым на Ан-2 в качестве бортычислителя. А потом что с ней стало? В списках научных сотрудников СВКНИИ за 1960-е годы никакая Голынка никогда не фигурировала. Может, она была всего лишь практиканткой. Другой вопрос: кто в Уэлене в 1964 году у Куваева был единственным спутником, которого он из-за девушки уволил? Максимов и Ильинский? Это исключено. В архиве Куваева в бумагах за 1964 год я нашёл несколько листков со стихами студента геофака МГУ Игоря Новикова, проходившего практику на Чукотке. Может, это его Куваев уволил? Не знаю.

В ходе работ на северном побережье Чукотки выяснилось, что часть аппаратуры вовсе не годилась для замеров в условиях Арктики. Кроме того, к некоторым приборам понадобились запасные части. Поэтому в середине или в конце весны 1964 года Куваев был направлен в Москву и Ленинград. В плане его командировки значилось:

- «1. Получить на заводе Геологоразведки отремонтированные гравиметры.
2. Выяснить в НИИГА планы гравиметрических съёмки в <...> Северном Ледовитом океане <...>
5. Попытаться добиться подвесных магнитных системы Бобров».

В Ленинграде Куваеву предложили место в Институте геологии Арктики. Пообещали со временем выбить для него ленинградскую прописку. К слову, тогда же Куваева попыталась соблазнить и редакция журнала «Вокруг света». Но он все эти заманчивые предложения отклонил и, разобравшись в Ленинграде с гравиметрами, поспешил вернуться на Север.

В институте Куваеву сразу сильно досталось.

«На работе, – признался он в письме к сестре, – схватил строгий выговор за прогул. Леший с ними. Если бы не поле, вчера бы уволился, а так леший с ними, съезжу в экспедицию, там посмотрим».

Экспедиция к тому времени собралась в байдарочный поход по океану, а потом обследовать север Якутии.

«...а сейчас, – писал Куваев летом 1964 года своей приятельнице Ольге Кожуховой, – сижу где-то посередине Нижне-Колымской низменности, есть такое место на северо-востоке Якутии. Земля, состоящая сплошь из озёр да разных протоков. Буду здесь до середины сентября, а там снова в Магадан».

В Магадане Куваев приступил к анализу собранных на Чукотке материалов. Вскоре он, Соломон Тильман, Станислав Бялобжеский и Анатолий Чехов подготовил на 164 страницах отчёт «К тектонике восточной Арктики на примере геологического строения острова Врангеля» (он сейчас хранится в архиве СВКНИИ под инвентарным номером 337).

Маститые учёные были впечатлены результатами работы Куваева.

Помню, весной 1983 года я был в легендарном Доме на Набережной у академика Шило. Редакция газеты «Книжное обозрение» тогда поручило мне взять у известного учёного накануне его 70-летия интервью о роли книги в его судьбе. Естественно, я не мог не расспросить академика про Куваева, который, повторю, в 1962–1964 годах работал у него в СВКНИИ. И что услышал?

«Как писателя, – признался Шило, – Куваева я всерьёз не воспринимал, но очень ценил как геофизика. Данные его гравиметрических исследований на Чукотке заставили по-новому взглянуть на геологическое строение некоторых территорий. Я на них ссылаюсь в статье «К истории развития низменностей субарктического пояса Северо-Востока Азии» («Книжное обозрение». 1983. № 13. 1 апреля).

Я потом разыскал эту статью академика. Она была напечатана в конце 1964 года в одиннадцатом выпуске трудов СВКНИИ (выпуск назывался «Тектоника и глубинное строение Северо-Востока СССР»). Шило дважды в ней возвращался к работам Куваева.

«...недавно законченные О.М. Куваевым гравиметрические исследования, – писал Шило, – выявили значительно более спокойные аномалии, характеризующие гравитационное поле плиты как в пределах Колымской низменности, так и в пределах прилегающей к ней материковой отмели, чем наблюдаемые аномалии на Колымском срединном массиве» (Труды СВКНИИ. Выпуск 11. С. 163).

А далее Шило, сославшись на данные Куваева, осторожно подтвердил существование Гиперборейской платформы, от которой в своё время откололась Чукочья плита.

О чём это говорило? Похоже, Куваев находился на пороге серьёзных открытий. Что-то из своих наблюдений он уже тогда мог бы оформить в кандидатскую диссертацию и в свою первую научную монографию. Но его сильно подкосила история с попыткой суицида, предпринятой одной из его муз Аллой Федотовой. В личную жизнь молодого и перспективного учёного грубо вмешались партийные органы и вездесущая общественность. Куваева это взбесило.

Какое-то время он ещё сдерживался и даже пытался строить планы на полевой сезон 1965 года. Я в его архиве нашёл наброски сметы на ледовые гравиметрические работы 1965 года. Он планировал налетать на Ан-2 175 часов и на Ли-2 25 часов и сделать на дрейфующие льды на Ан-2 25 посадок и десять на Ли-2.

«В феврале, – делился Куваев своими планами с Ольгой Кожуховой, – я улетаю опять в ледовую экспедицию. Вернусь и дуну в отпуск на полгода».

Однако на Куваева всё сильнее стали давить партийные органы. От него потребовали покаяния. Это оказалось уже выше сил Куваева. Он подал заявление об увольнении из института и собрался покинуть Магадан. Хотя полностью Куваев мосты сжигать не стал и ещё какое-то время продолжал сохранять за собой выделенную ему комнату.

Жалел Куваев потом о своём увольнении? И да, и нет. Он знал, что был способен на многое. Но в СВКНИИ его часто сковывали разными регламентами и всевозможными правилами. А писательство позволило ему обрести некую свободу.

«Если бы такую свободу давала наука, – признался Куваев в 1973 году Борису Ильинскому, – я бы мог вернуться в геологию и долбать Новосибирскую платформу (эх жалко, красивая была работа, и ведь так никто и не усёк сути. Алику [Максимову. – В.О.] я не говорил, Николаевскому [геофизик, в 60-е годы был одним из заместителей директора СВКНИИ. – В.О.] не докладывал, Вилно <Якупову> [заведующему лабораторией института. – В.О.] это было ни к чему. Один Шило отчасти знал, потому он и прощал мне бездну грехов). Самим же дойти – Алик туп, Николаевский стар и труслив. Ну и так далее».

Но думаю, что если бы в геологию я вкладывал третью часть того, что вкладываю в литературу – работа могла бы получиться красивая. Я бы и вкладывал, кабы свободу давали. И жаль мне лет, потраченных на метод ВЭЗ на вечной мерзлоте – мелочи всё это, мышьяная возня. Всё же, что эти годы оправдываю, было не связано с работой».

Однако судьба распорядилась иначе. Повторю: из науки Куваев ушёл буквально на пороге больших и серьёзных открытий. Уже в феврале 1971 года он в письме геологу Герману Жилинскому, рассказывая о своём прошлом, с гордостью сообщил, что несколько лет «ловил» платформу Берингию. И ведь мог поймать. Но...

Олег КУБАЕВ

ТЕНЕВИЛЬ

Рассказ

Имя Теневиля известно сейчас только немногим людям, изучающим его биографию. Но придёт время, и о нём будут написаны книги, а многочисленные легенды, бытующие сейчас среди пастухов анадырской и колючинской тундры, найдут своё второе рождение.

Судьба этого гениального от рождения человека была трагична и нелепа. Нелепа потому, что всю свою жизнь он потратил на свершение великих, но уже в течение тысячелетий известным человечеству открытий, трагична потому, что в замкнутом мире народа, среди которого жил Теневиля, его открытия не могли найти применения. Теневиля жил на века впереди своего народа.

«Ложбины времени»... В двух словах этого ёмкого и точного понятия заключаются целые эпохи, которые существуют между великими катаклизмами революций и научных открытий. Душный запах торжествующей человеческой пошлости, крови, золота и наживы отмечают эти ложбины в истории. Теневиля родился в одну из самых смрадных и ярких таких ложбин.

Под лихорадочные выкрики биржевых маклеров вздувались и гибли миллионные состояния на европейских биржах; большой Золя, привязав себя к креслу, писал о разменянной на акции жизни своих современников. Раздувая тираж, газеты писали об очередных скандалах из жизни модных кокоток и женской эмансипации, взрывы народничьих бомб и лаконичные приговоры к смертной казни через повешение встряхивали дремотную тишину над уездной Россией. Шампанское и речи лились на сотнях банкетов по случаю открытия новых акционерных обществ, новых концессий, рождения новых миллионных состояний, новых заводов, новых железных дорог с могильными холмами вдоль насыпи. Гремели имена и аферы, а записные ораторы, потрясая пенсне, говорили, говорили и говорили о великой, да, господа, именно великой цивилизаторской и преобразующей миссии капитализма.

Но всё так же, как сотни, как тысячи лет назад, несла в Чукотское море свои воды быстрая Амгуэма, и в эту весну всё так же, как в другие, на засвистанных зимней пургой стойбищах люди ждали весеннего хода моржовых стад и отошавшие за зиму собаки дрались у пустых мясных ям. В это время зашитый в олений мех Теневиля покачивался на наружном шесте отцовской яранги, встречая первое в своей жизни солнце, солнце Колючинской губы.

Детство Теневиля было в точности похоже на детство его сверстников. Он узнал солёный вкус морской капусты и вкус нерпичьего мяса. Ловко брошенный в утиную стаю морской голыш приносил ему первую

радость охотничьей удачи, хотя в его возрасте лук и стрелы ещё считались преждевременными.

Традиционные сказки про злых, но глуповатых келе и мудрых воронов были его сказками. Иные сказки говорили о многом. Где-то далеко в тундре сердитый старик долбит снег каменным топориком-каюгуном. Ветер подхватывает снег – так получается пурга. Но бывает так, что старик, делающий пургу, иногда устаёт, и каменный топорик выпадает из его рук. Маленькие пуночки, прилетающие первыми вслед за солнцем, прячут топорик, и старик ищет его до следующей осени.

– А почему нельзя помочь пуночкам совсем спрятать этот топор?

– Так повелось со дня сотворения тундры, – был ответ Теневилу.

Белая Женщина, живущая в море, создала и море, и тундру, она же приносит людям голод, гололедицу для оленей и великое изобилие зверя. Жизнь каждого охотника в её руках.

Когда Теневиль подрос, он решил во что бы то ни стало повидать Белую Женщину, тем более, что взрослые совершенно точно указывали место, где она выходит из воды, чтобы нарвать сухой осоки для торбазов. Но напрасно он несколько дней подряд провёл на морском берегу. Теневиль лежал замаскировавшись так, что нерпичьи глаза оставались сонными, когда во время прилива они выныривали всего в нескольких метрах от набросанной штормами гальки. Белая Женщина не желала выходить из воды.

Когда отец узнал об этом, он строго запретил Теневилу выходить на морской берег – так велел шаман Коровье, потому что только он имел право встречаться и говорить с повелительницей чукотского народа.

Годы проходили, одинаковые, как обточенные морской водой камни. Теневиль узнал, что к северу от их стойбища, отгородившись от моря крутым загибом песчаной косы, лежит лагуна Нескан-Пильхин, что если идти по направлению к южным горам, то обязательно попадёшь на низкие, усыпанные гусиным помётом берега озера Иони. Если идти дальше по впадающей в это озеро речке Ионивеемкуем, то попадёшь в ровную, усыпанную кочками и редкими пятнами озёр равнину. Это будет земля оленных чукчей – чаучу. Их много, этих оленных чукчей.

– Никто этого не знает. Каждую осень к нам приезжают гости только из одного оленьего стойбища, чтобы обменять лакомое оленьё мясо на нерпичьи и лахтачьи шкуры, на жир и мясо моржа.

Но эти люди знают, что к югу от них также бродят оленьи люди, и ещё южнее, и на запад и на восток по всей земле, насколько можно вообразить, поднимаются к небу маленькие дымы чукотских яранг, которые почти никогда не бывают близко друг к другу. Только голод или болезни заставляют людей на нашей земле искать себе подобных.

– А как люди узнают, где искать им себе подобных, как могут они находить дорогу в незнакомой бескрайней тундре?

– Ты мужчина и охотник, Теневиль, а мужчине не подобает задавать много вопросов подряд. Придёт время, и ты узнаешь об этом от своего отца...

В эту весну тонкий писк пуночек извещал, что каменный топор старика спрятан позднее обычного. Возможно поэтому все взрослые мужчины стойбища должны были всё дальше уходить от берега, чтобы пополнять пустеющие мясные ямы. Долгими часами совершенно неподвижно должен стоять охотник над скрытой снегом нерпичьей лункой, чтобы успеть метнуть гарпун, когда нерпа на мгновение выставит в лунке круглую голову.

Теневиль думал над недавними словами отца:

– Ты любопытен как молодой зайчонок, Теневиль, и вопросы сыплются из тебя, как сыплется сухой песок из ладони. Наверное, поэтому голова у тебя растёт быстрее, чем туловище. Хо. Подумай, на кого ты будешь похож в старости, если будешь задавать так много вопросов. Мы называем сами себя Настоящие Люди, потому что мы, как никто, умеем перехитрить морского зверя; наши мужчины могут целыми днями бежать без отдыха по самой неровной тундре; наши женщины умеют так сшить летние торбаза, что сквозь них не проходит даже воздух. Подумай о том, как хитро и мудро устроен застревающий в теле моржа гарпун, как умная сила лука далеко посылает стрелу – это мысли, достойные охотника...

...Стенка полога приоткинулась:

– Иди на улицу, Теневиль, прибежавший со льда Пытто рассказывает там, как огромный умка сумел перехитрить твоего отца, пока твой отец пробовал перехитрить нерпу...

Так Теневиль попал в стойбище оленевода Этлена. Борьба за существование вызвала к жизни этот обычай. Имеющий оленей должен был выбрать себе «родственника» среди тех, кто живёт на берегу, и в год, когда злые келе при помощи пурги, волков и гололедицы отнимали всех его оленей – он мог найти временное пристанище у своего берегового «родственника». Гораздо реже береговые в

голодные годы шли к богатым оленеводам, потому что при первом же слухе о голоде на морском берегу олени стада старательно уходили в запутанные как клубок сухих водорослей горные долины. Но в этот год Этлен сам пожаловал к берегу Колючинской губы за новым запасом моржовых ремней, и ему ничего не оставалось, как принять к себе Теневиля, потому что погибший отец Теневиля был его «родственником».

Впрочем, у Этлена не было особого желания нарушать обычай. Принадлежавшее ему стало разрасталось год от года, и обитателей двух нищих яранг, что кормились возле него, явно не хватало, чтобы пасти стадо Этлена. Нет, он совсем был не прочь приобрести ещё одного бесплатного батрака.

Теневиля узнал тишину горных сумрачных долин и забытые комариным писком июльские дни, ночной холод, когда во всей тундре, кажется, остаются только звёзды, пастух и олени. Он научился бояться припухших от долгого сна глаз и редкой бородки круглолицего Этлена и стал постигать слова другого безответного пастуха – Гаймелькота. У Гаймелькота была яранга, похожая больше на брошенную на куст изодранную оленью шкуру, у него была жена, костлявая и вечно сердитая женщина, два сына, и в пургу и в летнюю жару бегавших в одинаковых с вытертым волосом кухлянках. Но, несмотря на это, Теневиля ни разу не видел, чтобы Гаймелькот плакал или суетился, ругался или небрежно делал какую-нибудь пусть самую пустячную работу. Позднее Теневиля думал о Гаймелькоте, что он чем-то удивительно напоминает заарканенного оленя, который уже измотал в диких прыжках свою силу и теперь спокойно смотрит на подходящего с котом пастуха.

Последние запахи тундры и вкус забытого во рту ягеля – вот всё, что осталось этому оленю.

И может быть именно от Гаймелькота Теневиля получил то, что позднее стало смыслом всей его жизни.

Стадо Этлена кочевало в верховьях Чегитунни. Комаров было ещё очень мало, а яйца в бесчисленных гнёздах куропаток по кустарникам были совсем свежими.

– Смотри, Теневиля, – крикнул однажды Гаймелькот. – Прошлый год стало Ринтына выходило здесь из гор и направилось к морю.

– Откуда ты узнал это? – спросил Теневиля, с недоумением глядя на выбеленную ветром оленью лопатку и непонятные чёрные знаки на ней.

– Смотри же. Кружок и линии от него

значит – «мы кочевали в горах». Вот здесь на обороте «мы пошли к морю».

– А почему это именно стадо Ринтына?

– Другие не должны кочевать здесь.

– А почему это было именно в прошлое лето?

– Вид у лопатки свежий.

– Но может быть она лежала здесь два лета.

– Нет, одно лето.

– А сколько людей и оленей в стаде Ринтына?

– Может быть, ты хочешь, чтобы по этой лопатке я рассказал тебе, как зовут самую красивую жену Ринтына и сколько девушек в его ярангах; может быть, ты желаешь знать, богаты ли ягелем места, где кочевал Ринтын. Кость не говорит этого, потому что люди просили кость передать только то, что они кочевали в горах и выходят к морю.

И с этого момента Теневиля начал познавать таинственный и увлекательный язык костей, которые оставались вслед за прошедшими стадами на обрывистых берегах реки, вершинах тундровых холмов, белели на чёрных пятнах потухших кострищ. Только пожилые пастухи вроде Гаймелькота разбирались в этом запутанном лабиринте условных знаков, но вскоре Теневиля знал всё, о чём мог узнать о других.

Теневилю нравилось оставлять по тундре следы прошедшего стада. «Здесь прошло стадо Этлена»; «мы кочевали в горах»; «идём вверх по этой долине» – говорили знаки на оленьих лопатках, выжженные руки Теневиля.

– Ты очень молод, Теневиля, – говорила ему жена Гаймелькота, но мои дети крутятся около тебя как медвежата около своей матери. Ты чем-то похож на старика, Теневиля.

– Мне не нужны исцарапанные лопатки, которые ты разбрасываешь по тундре. Вчера волки опять зарезали двух оленей, когда ты был возле стада. Видимо, правильно говорят, что береговой мышеед никогда не станет хорошим пастухом, – сердито брюзжал Этлен. – О чём ты думаешь вечно, когда шляешься без дела по тундре. Или, может быть, твои уши слушают голодное бурчанье в брюхе. Ты ешь мясо моих оленей, Теневиля, и пусть все твои мысли будут только о моих оленях.

Теневиля молчал. Как рассказать Этлену о своих мыслях, когда он и сам не мог в них разобраться. Теневиля знал море, теперь он узнал тундру. Но где же те дымы других яранг, о которых он слушал на побережье. Уже прошло четыре зимы и четыре

лета, а кроме десяти человек из стойбища Этлена Теневиль не видел других людей, и ни у кого, кроме Теневиля, не было желания их видеть. Смысл жизни был только в олени. Оленя резали длинным тонким ножом в сердце и пучком травы затыкали рану, чтобы ни одна капля крови не пропала даром. Дымящийся полупереваренный ягель из желудка оленя тоже съедался, высасывался мозг из дочиста обглоданных костей, съедались даже уши оленя. Шкура до последнего лоскутка шла на одежду и даже длинная шерсть с шейной бахромы не выкидывалась – женщины вышивали ею кожаные сумки. Весь олень до последней жилы и куска кишки шёл в дело. Но всё равно на пастухах были холодные облезлые кухлянки и голод рассерженной росомахой царапал живот.

Может быть, в других стойбищах, другие чаучу живут веселее, может быть, у них всё не так. Но скупые знаки на оленьих лопатках всегда говорили только об одном – о перекочёвках оленей. Как задать этим людям вопросы, которые распирают голову Теневиллю, и как услышать ответ.

– Трудны пути человеческой памяти. Память оленя в его ногах и в его желудке. Олень всегда найдёт старый нартовый след и место, где он копал под снегом вкусный ягель. Память волка в страхе и жадности. Волк помнит места, где он встретил человека и где ловил памятные запахи тёплой оленьей крови и мяса. Память чаучу в его ногах, в его желудке и в страхе перед голодом. Это одинаково для всех чаучу, – слышал Теневиль.

Одинаковые мысли у всех чаучу, с одинаковых деревянных блюд едят они мясо, одинаковы каменные жирники в их ярангах, одинаково ценят они железные русские ножи, неизвестно каким путём попадающие в тундру, одинаковыми каменными скребками выделывают женщины оленьи шкуры.

А что если заставить скупые значки, выжженные на кости, рассказывать чаучу друг о друге. Нужно, чтобы было очень много таких знаков, понятных каждому. Теневиль не помнил себя от радости, когда впервые эта простая мысль пришла ему в голову.

Запах разогретой весенним солнцем тундры шёл в небо, неуклюжие длинноногие малыши взбрыкивали вокруг спокойных и счастливых важенок, могучие быки с тревожным хорканьем ловили запахи весеннего ветра.

Теневиль привычно черкал кремнем по кости. Вот: лежащая рогатая фигура и две дру-

гих около неё. «Вчера волки задрали на этом месте двух важенок». Это был новый знак, знак Теневиля. Теневиль был в восторге. Он должен придумать десяток новых значков о гусиной охоте, о встрече с росомахой, о том, что в этой долине много медведей. Этлен был явно недоволен весёлым видом своего пастуха, тем, что этот чудаковатый большеголовый парень неизвестно чему ухмыляется, глядя на пустую тундру. Чему может смеяться не имеющий собственного стада. Пусть чаще спит на траве, на снегу вместе с оленями, раз он такой весёлый.

И было ещё одно важное событие:

Железный нож Гаймелькота, единственная собственность старика, стал собственностью Теневиля. До этого Теневиль только брал его, когда царапал свои значки на кости. Ножом работать было гораздо приятнее, чем простым осколком кремня.

Однажды пастух Эпкой прибежал к яранге с совершенно неприличной для мужчины поспешностью.

– Стадо. Другое стадо в долине, – кричал он ещё издали.

В тот же вечер Этлен уехал в гости к соседу. Всю ночь и весь следующий день валил снег. Если после такого снегопада поднимется сильный ветер, будет снова ужасная снежная пурга и до её конца ни один пастух не сомкнёт глаз и не сможет даже просто лечь, потому что олени совершенно безумеют в белой крутящейся мгле и легко могут стать добычей волков.

Этлен вернулся через два дня и привёз соседа с собой; владелец соседнего стада оказался огромным широколицым мужчиной с невыщипанной полоской усов над крепким губастым ртом. У костров хлопотали две жены Этлена, но мужчины закрылись в пологе, потому что у гостя было с собой великое богатство – сушёный грибомухомор. Теневиль знал, что этот гриб привозят западные чукчи из лесов Колымы и что несколько кусочков сушёного мухомора делают человека весёлым и безумным. Только шаманы и богатые люди позволяют себе эту привычку.

Теневиль собрался бежать в стадо, чтобы сменить озябшего Гаймелькота, когда оба хозяина вывалились из яранги. Ещё раньше выскочили испуганные полуголые женщины. Два именитых хозяина были похожи на потерявших разум. Жёлтая пена изо рта капала на мех кухлянки Этлена, гость что-то кричал, но слов нельзя было разобрать в этом нечленораздельном визге. Они упали на снег, потом поднялись и начали бороться. Потерявшие силу и верность движений, они бессильно падали, вставали, и

вдруг гость, взвизгнув, укусил Этлена за ухо. В ответ в руке Этлена появился нож. Огромный гость катался по снегу, обхватив руками живот, и кровь вместе с жёлтой мухоморной пеной вылетала из раскрытого в крике рта.

Так закончилась встреча Теневиля с первыми в его жизни дымами незнакомых яранг. Опасаясь мести со стороны родственников убитого, Этлен торопливо кочевал в горы. За два месяца они прошли сотни километров от того места, где остался брошенный на пустых нартах труп. Страх гнал Этлена дальше, и к концу зимы они перевалили через хребет и спустились в долину Анадыря.

Несколько встреч с другими стадами было за это время, и впервые Теневилю мог досыта наговориться с другими людьми. Он показывал пастухам придуманные им новые знаки и не мог понять, отчего люди так равнодушно смотрят и слушают про то, что выдумано им, Теневилем. Зато пастухи всегда оживлялись, когда речь заходила о богатых ягелем долинах на пройденном ими пути.

Прошло ещё три года. Чукотка в жёлтой осенней тундре, в зимнем свисте пурги, в дождях и туманах, в ласковом свете солнца лежала в памяти Теневиля. Он уже видел и знал редкие дымы яранг на этой земле, жизнь встреченных стойбищ и ласковые встречи со знакомыми знаками на речных обрывах и в углях потухших костров. Около сотни новых знаков лежали в памяти Теневиля, но это были только его знаки и известные ему одному. Придумывание их стало для Теневиля привычкой, почти обязанностью, но эта игра уже не приносил ему прежней радости. Почему. Теневилю чувствовал себя бессильным. Виденная им земля, хоровод мыслей в голове и смутные ночные мечты никак не хотели укладываться в простые формы новых значков. Даже простой разговор за вечерней едой нельзя было изобразить с помощью его знаков, потому что каждый новый знак Теневиля изображал что-то конкретное: гуся, собаку, женщину. Но ведь нельзя же зарисовать, например, чувство усталости, или голода, или радость встречи нового солнца весной. Теневилю перестал придумывать новые знаки.

Теневилю уже не был юношей. За время, проведённое у Этлена, он вырос в сильного легконогого мужчину, и только необычная молчаливость и склонность к непонятному для многих вырезыванию значков отличала его от других пастухов.

В Анадырской долине произошло ещё

одно событие в жизни Теневиля. Они повстречали ещё одно маленькое стадо и дочь его хозяина стала женой Теневиля.

Это была также наполовину нищая семья, состоящая из старика и его дочери. Год назад сын старика умер от какой-то непонятной болезни, и с тех пор Энкен одна выполняла работу и за брата, и за вечно болеющего старика. Она была высока ростом, резка в движениях и зла на язык для своих лет. Даже сам Этлен побаивался громкого голоса жены Теневиля. Через год у Теневиля появился сын, за ним второй. Всё меньше свободного времени было у Теневиля, но он частенько доставал дощечку с вырезанными на ней знаками – знаками Теневиля. Однажды он рассказал об этом жене, рассказал о своей мечте придумать столько знаков, сколько есть вещей на Чукотке, чтобы люди, не видя друг друга, могли рассказывать свои мысли.

Энкен сама достала заветную дощечку со значками.

– Глаза твои светятся радостью, когда ты говоришь о своих значках. На, режь.

В этот день Теневилю придумал новый знак.

– Смотри, это ты, Энкен, моя жена.

– А какая у тебя жена, хорошая или плохая.

– Этого не видно на моём знаке, Энкен, – с огорчением начал Теневилю и... не закончил. – Можно придумать ведь специальные значки для слова «хороший» и для слова «плохой».

И в этот момент Теневилю понял. Нужно придумывать много значков для любого слова, но можно придумывать значки для звуков, из которых состоят слова. Тогда любое слово, любую мысль можно выразить этими значками, потому что все слова ведь состоят из звуков. Теневилю не ложился спать в эту ночь. И снова, как несколько лет назад, для него началось увлекательное и мучительное время.

Теперь Теневилю не расставался с деревянной дощечкой.

Люди стойбища качали головами и усмехались, когда видели его склонённую над работой фигуру посреди оленьего стада, у яранги, вечером в пологе при неровном свете жирника.

Так прошло ещё несколько лет. Возможно, Теневилю помогало терпение – врождённое качество чукотского народа.

«Скорее безногий станет охотником, чем нетерпеливый», – говорила самая известная на побережье поговорка.

Поколения, кровь которых текла в жилах Теневиля, выработали в себе способность

часами, не шелохнувшись, при пронзительном ветре стоять над нерпичьей лункой, сутками не присаживаясь на кочку, охранять оленьё стадо при помощи ножа и нескольких ремней, создавать нарты, которые легко поднимает ребёнок и которые выдерживают бешеную скачку по каменной твёрдости застругам. Кровь терпеливых поколений помогала Теневилю в его работе.

Разумеется, Теневилю не знал, что за несколько тысячелетий до него другие поколения в тысячах километров от тундры Чукотки создавали первые в истории человечества алфавиты. Никто не знает, сколько поколений потребовал этот процесс на древней земле Междуречья или в Китае, но факты говорят, что под хмурым небом Чукотки один человек прошёл за свою жизнь большую часть этого пути. Теневилю создал свой алфавит.

Неожиданный случай заставил говорить о Теневилю всю Анадырскую долину. Этлен стал уже стариком, когда Теневилю превратился в зрелого мужчину. Может быть поэтому всё чаще пастухи уезжали в тундру на поиски ближайшего шамана, чтобы отогнать келе, которые теперь постоянно вселялись то в поясницу, то в сердце, то в ноги Этлена.

В один из таких дней шаман Рахтыргин, видимо, после очередной дозы мухомора, оставив камлание у яранги Этлена, вдруг начал кричать громко и бессвязно. Притихшие пастухи с ужасом слушали объявление Рахтыргина, что он стал теперь птичьим человеком, летает, видит. Видит, например, то, что ровно через год по великой воде Анадыря приплывёт огромный червь и съест, безжалостно пожрёт все олени стойбища и пастухов, охраняющих этих оленей.

Постепенно происшедшее забылось в будничных делах, но в один вечер, когда стадо кочевало в низовьях Анадыря, Теневилю вдруг заговорил.

– Рахтыргин, ты, конечно, великий шаман и Этлен не напрасно держит тебя в своём стойбище постоянно. Но вот что ты сказал ровно год назад... и Теневилю слово в слово повторил всё, что было сказано Рахтыргином о белом черве и о беде, которая придёт в наше стойбище.

Рахтыргин был потрясён не меньше других пастухов и только молча потрогал дощечку, на которую смотрел Теневилю, повторяя его слова. На другой день он исчез из стойбища.

Прошли ещё годы. Давно уже на холме рядом со сломанной нартой и небольшой кучкой оленьих рогов был похоронен умерший Гаймелькот, и его сыновья, которые любили когда-то играть с Теневилюм, с суеверным уважением смотрели на друга своего отца.

Слухи бежали по тундре.

– Он смотрит постоянно вверх, но видит всё, что у него делается под ногами.

– У него оленей не больше, чем у любого нищего пастуха, но, говорят, сам старый Этлен боится его слов.

– Только он один умеет говорить со своей исцарапанной доской, потому что, хотя он и берётся научить каждого делать это, но волки и пурга не хотят ждать, пока пастухи постигнут мудрость Теневилю.

Теневилю чувствовал, что стареет. Он приобрёл великое могущество над словами и звуками, но почему-то в зимние ночи, как и много лет назад, охраняя стадо Этлена, его мысли всё больше и больше занимали звёзды на небе. Он изучил те немногие названия, которые давали звёздам поколение пастухов до него и вечерами ему нравилось по привычке чертить на доске контуры звёздных стад, называть их и заставлять сыновей узнавать эти звёзды на небе. Так появилась звёздная карта Теневилю. Тени шумерских жрецов, важных как боги, увековеченные на глиняных табличках и каменных столбах звездочётов, вставляли за спиной Теневилю, но Теневилю не видел этих теней. Всё чаще простая усталость отнимала табличку из его рук, и мысли о новых кухлянках для сыновей, заботы о своих немногочисленных оленях отнимали его время. Теневилю знал, что он уже слаб. Может прийти время, когда осенняя гололедица отнимет его оленей, и тогда люди стойбища будут смотреть в глаза Теневилю и ждать, когда он скажет добровольное смертное слово. Этого может не случиться, но слабость для мужчины во много раз страшнее самого лютого голода.

Однажды Теневилю не вернулся из стада к ярангам. Это было у округлых красноватых как от вечернего солнца склонов хребта Рарыткин. Сыновья нашли Теневилю далеко в стороне на берегу покрытой первым осенним льдом речки. Он сидел, втянув руки внутрь кухлянки, и большелобая, выбритая по старинному обычаю голова его была уткнута в окоченевшие колени. Рядом валялась отшлифованная за многие года табличка со знаками.

В этот год в России много говорили о блестящей речи министра просвещения «Культура великодержавного народа и дикие окраины России»; безвестный математик из Казани потряс математический мир разработкой новой неевклидовой геометрии, а политический ссыльный, позднее знаменитый этнограф Тан-Богораз писал в дневнике в эскимосском посёлке Наукан: «Открыть в этих условиях хоть какую-нибудь школу представляется мне совершенно невозможным».

МАГАДАН – МОСКВА

1960

Пятьдесят оттенков золота

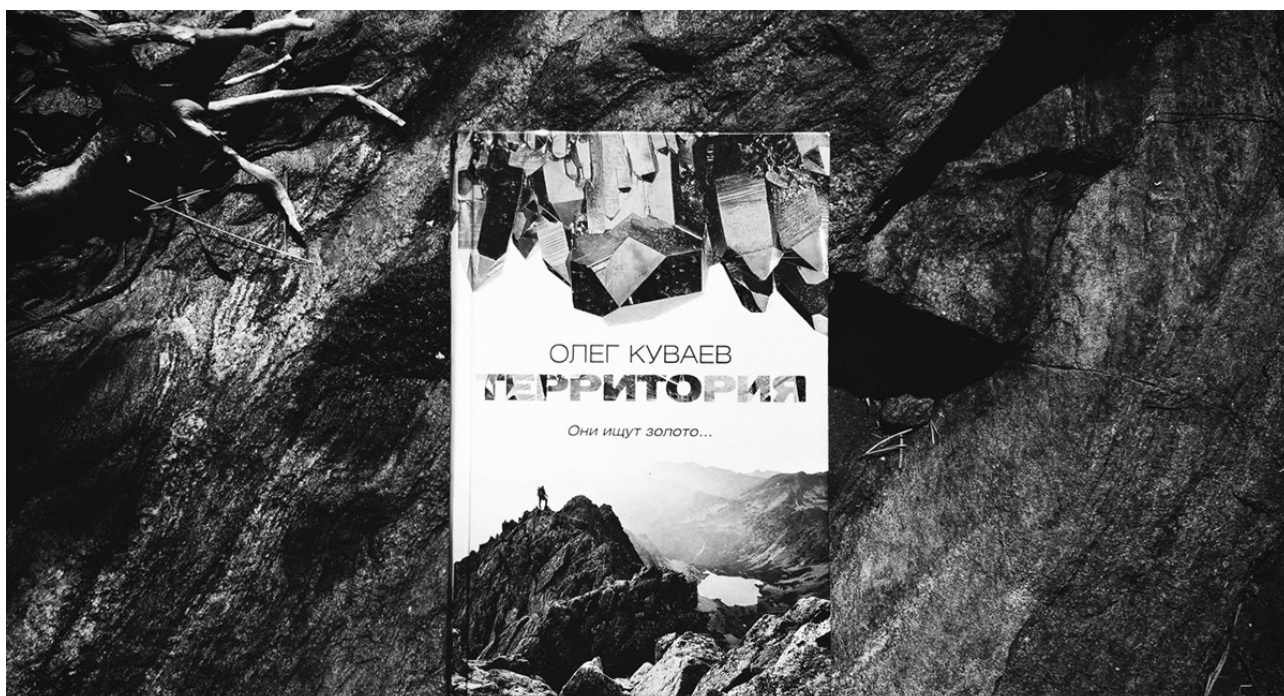
Перечитывая Олега Куваева

От слепящего жёлтого до будоражащего солнечного сияния – всё это россыпи писателя Олега Куваева, который не гнался ни за почестями, ни за наградами, а просто жил внутри своих повестей, в каждом образе, в каждой птице, в каждом человеке, звере, дереве, траве, горе. Поиски золота – это не самоцель и не само золото, как вещь, как металл; это умение быть безграничным. Ибо что может быть безграничнее недр? Что может быть безграничнее земли, если углубляться в неё?

«И всё же одно важное обстоятельство позволяет надеяться, что легенды о Серебряной горе небеспочвенны. На Чукотке действительно найдены серебряные и золото-серебряные месторождения. И первая такая гора была обнаружена нашей геологической партией, когда мы ещё ничего не знали о легенде» (Из повести О. А. Куваева «Не споткнись о полярный круг»).

Но начну немного с других ощущений, ибо через все повести у Куваева красной нитью проходит мысль о человеке будущего. И если чиновнику постоянно повторять: «Ты плохой, плохой, плохой!», то навряд ли он станет хорошим, правильным, честным. Если властителям нашим сетовать, что они невнимательны, неначитанные, черствы к людям, то, в конце концов, они таковыми станут. Власть привыкла к тому, что её критикуют. Привыкла к тому, что её не хвалят. Власть, она и есть власть. Там правят иные законы – законы человека, находящегося наверху. Не все законы одинаковы, хотя написаны одним пером и на одной и той же бумаге.

И как это правильно и ощутимо в наше время! Мы привыкли к тому, что писатели жалуются на плохую издаваемость, слабую читаемость, малую раскупаемость. И это уже никого не шокирует. А что вы хотели? Если читательский вкус испорчен детективами, любовными романами (помню, что мне тоже

предлагали их писать под псевдонимом иностранного автора), псевдоисторической литературой. Кроме того, изобилие написанного и выложенного в интернет просто зашкаливает, бери, читай в любом месте. Никакого дефицита не существует.

А вот настоящая литература отчего-то с трудом пробивается к читателю. Вспомните, с каким трудом пробивался писатель Олег Михайлович Куваев к читателю. Как он долго шёл изнывающими тропами, слава на него буквально свалилась лишь после смерти. Она пришла вместе с экранизацией известной «Территории» воистину необычайной повестью, открывавшей людям во всей полноте и широте север:

«Корифеи расселись в его кабинете и задумали, хотя Робыкин специальным приказом по управлению запретил курить в рабочих помещениях. Но корифеям он не мог ничего запретить, потому что от них зависела его сила и власть. Такова была одна из странностей «Северстроя» – никто из прославивших его людей, тех, кто открыли золотые россыпи Реки, основали Город, не назначался в высшее руководство. Возможно, в этом был повинен нрав корифеев, прямота применяемых ими методов, возможно, «Северстрой» требовал от руководителя специальных талантов и знаний. Корифеи правили на местах, в глубинных посёлках. Но, объединившись, они могли свергнуть любого, как преторианская гвардия».

Вообще, часто раздумываю, а каков он, сегодняшний Север? Какой он, Северный Ледовитый океан? Какие там сейчас нравы, люди? Потому сколько ни наблюдаю, вижу: народ изменился везде, во всей стране, иной народ стал. Романтика ушла. Она заменилась на прагматизм, на желание зарабатывать, никто просто так своё здоровье гробить не станет, тем более за идею. Коммерция своими динозавровыми челюстями поедает всё, даже самое чистое.

«Каждый пришёл на берег бухты, где сейчас Город, юнцом или ни черта не знающим, кроме веры в свою звезду, молодым специалистом или вольным старателем, которому стало тесно в изученных районах. Спины их по сей день были прямыми, и каждый, если даже позади числилось два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из этих мужиков прошёл жестокую школу естественного отбора. Они гоняли собачьи упряжки во времена романтического освоения Реки, погибали от голода и тонули. Но не погибли и не потонули. Глушили спирт ящиками во времена славы, но не спились. Месяцами жили на допинге, когда золота требовала война, и не свихнулись».

Золото в книгах Куваева – от песчинки до слитков, от крохи до крупного самородка. Его

словно сама природа вытолкнула на поверхность, лишь надо пройти через лес, через реку по зимнику.

Кто бывал на севере, тот знает, что такое холод, ветер, сбивающий с ног, что такое мороз, обморожение, что такое провалившийся грузовик, вмёрзший в лёд, который вырубай – не вырубай из глыбы, всё равно не достанешь. Ибо прорублено уже на три-четыре метра вглубь моря, а грузовик, как вкопанный. Вот что такое вмёрзнуть по колено, по грудь! И не извлечёшь, не достанешь. Жди весну! А она тоже – часть золота.

Вообще, само золото, словно большая планета, рассыпавшаяся на частицы и разбросанная в недрах земли.

И сама земля имеет два цвета: чёрный летом и белый зимой. Остальные цвета принадлежат золоту. И все оттенки – это лишь оттенки золота. Ищи его! В земле, в небе, в природе, в человеке! Нет плохих людей, есть люди с маленьким запасом золота. Есть с огромным, объёмным слитком внутри!

Люди, люди, люди...

Они разбросаны, как крупички, они разнообразны, разно-оттенковые! Добывай золото внутри себя.

Олега Куваева называют в блогерских репортажах не иначе, как «советским писателем», то есть пишущим об отрезке времени, именуемым советским. Но отчего же когда читаешь произведения Куваева, то бьётся так жаростно сердце, отчего узнаёшь себя в них, отчего мысли произнесённые главными героями являются и сейчас неоспоримо важными, цельными. Или, как сказала Марина Цветаева «до всех времён», то есть оттенки золота, находящиеся в человеке и сейчас актуальны, особенно «не предай», «не укради», «не сдай товарища», «не лги». Что это? Романтика вечности? Значит, и Бог был романтиком, ибо придумал эти детские северные заповеди.

Сами названия книг Куваева – поэзия!

И заповеди – поэзия.

И золото – поэзия.

Кто не понимает поэзию, тому непонятно золото. Точнее, его оттенки, кроме одного – обогащения. Добывали золото и у Джека Лондона. Но там была цель – личное обогащение. У советского человека – обогащение всей страны. Поэтому риск одиночного похода оправдан, инфаркт, смерть, обморожения тоже оправданы.

Золото просто меняет оттенки, но от этого всё-таки остаётся золотом.

«Однажды ранней весной, когда ослепительный голубоватый снег ещё надёжно укрывал долины, а огромные стаи белых куропаток водили на снегу свои причудливые

хороводы, наша геологическая группа тщательно осматривала маленькое, диаметром не более сорока метров, идеально круглое озеро у подножья одной из разноцветных гор Чукотки».

Но не следует Куваева воспринимать односторонне, только как пишущего о геологах, искателях, о севере, Певеке, Чукотке, о природе тундры. Ибо в книгах намного сложнее и психологичнее. Здесь пласт времени, словно вмёрзший, как грузовик, ушедший глубоко в океан, время, которое стоит глыбой льда. Вмороженное время.

Много пишется всего в мире, много говорится. Но писатель – это творец, у него свой стиль, язык, свои образы. Иногда кажется и тема-то заезженная, и сюжет вторичный. Но само изложение завораживает и не отпускает. И ты вмёрзаешь в него тоже. Оно втягивает тебя. Сковывает. Примораживает к себе.

И ты становишься тоже оттенком. Оттенком золотого запаса земли.

Оправдывает ли цель средства? Для Куваева – да, оправдывает. Ибо цель у него из чистого золота. Вообще, литература и снятый фильм по книге это две разные вещи. Как зрительность и созерцательность.

Думаю, что такие люди, как Олег Куваев, вообще, не нуждался ни в каких привязках: так, Куваев не особенно стремился вступить в Союз писателей, для него это не было самоцелью. Он даже к земле не особо был привязан. Лишь тайга, куда надо входить, поливая сырую землю водкой и произнося заклинания. Куваев – это особый сорт человека, который живёт в своём мире – внутри у таких людей космос и все пятьдесят оттенков, так необходимых для гармонии. Да я и сама подумываю выйти из Союза писателей России. Единственное, что меня держит, – это слово «Россия». Поэтому я плачу взносы ежегодно. А так бы вышла давно, несмотря на тридцатилетний стаж.

Но речь не обо мне, а о той медовой смеси льда, страха, боли и слепящего золотого песка.

О композиции. О сути человека.

Люди намывают золото внутри себя.

Ибо, как сказал Куваев, «это было на другой планете».

Он сам – другая планета. И понять его поступки и мотивацию можно лишь с позиций инопланетного.

И всё рядом его находящееся, хотя и конкретно, но оно с этой планеты. А Куваеву нужна была иная. Им открытая. Им найденная.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

г. НИЖНИЙ НОВГОРОД

Татьяна ЯРЫШКИНА

Сердце есть, а без Бога пусто...

Татьяна Ярышкина окончила филологический факультет и аспирантуру Сыктывкарского государственного университета по специальности «Русская литература». Публиковалась в литературных альманахах «Белый бор» и «Переключка», журналах «Знай наших» и «Арт», коми республиканских газетах. Кроме того, ряд стихов был опубликован на сайте «Российский писатель». Является автором стихотворных сборников «Дуэль» (2017) и «Верблюжьи мотивы» (2019). Стихи вошли в шорт-лист VI Международного литературного тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2018).

ПЕЧАЛЬ

*Подо мною печаль земли.
Надо мною небес печаль.
Времена ещё не дошли
До начала своих начал.*

*Не замкнули ещё собой
Предначертанного кольца.
Ни под небом, ни над землёй
Не исчерпана до конца*

*Та печаль – а конца и нет.
Потому ли, что Сам Творец,
Возглашая: «Да будет свет!» –
Дал начало, но не конец?..*

*Потому ли ещё, что дал
Он движенье внутри кольца
И такую вложил печаль,
Что не видится ей конца?..*

ГОРЕ ОТ УМА

*Не дай мне Бог сойти с ума!
А.С. Пушкин*

*«Не дай мне Бог сойти с ума!» –
Как актуально, хоть не ново...*

*Такой финал страшит весьма,
Но он не мне ли уготован?..*

*Ум на пределе: сам с собой
В разладе, в бесконечном споре.
И мне неведом с ним покой,
Мне от ума одно лишь горе.*

*За ум болит уже душа,
Сама помочь ему не в силах.
Могла бы если, не спеша
Его собой бы заменила...*

*Но мысль здравая в ответ
Акценты расставлять умеет:
Да без ума – и горя нет,
А нужно горя стать сильнее.*

*Пока ещё она сама
Всю боль способна переспорить,
Пусть будет горе от ума,
Но не безумие от горя.*

КНИГА ДОРОЖЕ

*Поглощаю книги – день за днём,
Том за томом, не переставая.
Отдаваясь книгам целиком,
О реальной жизни забываю.*

*А сказать вернее – ничего
До сих пор не знаю в этой жизни;
Книга мне понятнее всего
И дороже всех житейских истин.*

*Истин тьма, но мне бы знать одно:
Быть или не быть?
Сердечным слухом
Я ловлю ответ уже давно.
И читаю...
К смерти крепну духом...*

ТЕЛЕФОН

*Он молчит себе пока –
Мой на тумбочке уснувший телефон.
Я не вздрогну от звонка,
Но нарушить не рискую этот сон.*

*Мне-то нечего сказать,
Мне-то хочется умолкнуть насовсем...
Но в любой момент опять
Будет просто не уйти от «вечных» тем.*

*Это мама позвонит –
И проснётся, раскричится телефон.
И проснутся вновь они –
Темы, с давних наболевшие времён.*

*Целый час придётся всем –
Или четверти по меньшей мере три –
Мучиться от этих тем,
Чтобы только по душам поговорить.*

*Телефону, маме, мне...
Души – в кровь, а трубка – будто из печи.
Наберись-ка сил во сне,
Телефон мой, и подольше помолчи.*

ДО ЧЕРТЫ

*Мама и папа со мною – до той черты,
Я за какой неизбежно сорвусь на дно.
Лишь до черты, но не дальше.
Они чисты.
Бог – и за нею останется всё равно.*

*И, оставаясь, по-прежнему будет ждать,
Душу когда протяну за спасеньем вверх.
С самого дна не поднимут отец и мать:
Слишком чисты, чтобы вытянуть этот грех.*

*Там, за чертой, не отступится только Бог,
Ждать от меня продолжая лишь одного:
Веры, что Он-то бы поднял, что Он бы мог.
Но искушу ли я Господа своего?..*

ЧЁРНО-БЕЛОЕ

*Белое-белое небо
В чёрные-чёрные дни
Только напомним, что бел, как и прежде, свет.
Бог никогда там и не был.
Бога в душе бы хранить:
Кроме души-то, нигде Его, может, нет.*

*Надо очистить бы душу
В чёрные-чёрные дни...
Я и приняться за это не знаю как.
Только и знаю, что нужен
Бог, чтоб меня сохранить.
Только и чувствую: душу снедает мрак.*

*Бог во мне – Был или не был?
Чёрной души человек,
Всё-таки помню Его и тоскую о Нём.
Крошками белого хлеба
Сыплется-сыплется снег
С белого-белого неба ноябрьским днём.*

КАМЕНЬ СЕРДЦА

*Сердце есть, а без Бога пусто...
В пустоте – безнадёжный крик.
В этом крике – утраты чувство:
Бог стучался, да не проник.*

*Он стучался не в дверь, а в камень –
Потому и войти и не смог,
Здесь не встречен, как неприкаян.
Будто сердцу не нужен Бог...*

*И теперь пустота такая –
Безнадёжно пусто теперь.
Только камень кричит, страдая
Оттого, что камень, не дверь.*

БРЕМЯ

*Как томительны периоды молчания.
Немота неразрешимостью страшна.
Жаждешь слова, а приходит лишь отчаянье;
Ищешь звука – оглушает тишина.*

*Угнетённый немотой как тяжким бременем,
Ты предчувствием спасаешься одним:
Как у Бога было Слово, так со временем
Будет слово, что окажется – твоим.*

*Но пока оно неведомо, не сказано –
Даже в мысли не причастно бытию, –
Ты живёшь как виноватый, как наказанный
Этим бременем за всю любовь свою.*

*Зачем мои сомненья так сильны
И против слабой, беззащитной веры
Всем скопищем они ополчены?
Ни справедливости, ни чувства меры...*

*Но ради справедливости ли Бог,
Когда Его всем скопищем казнили,
Остался человеком, если мог
В нечеловеческой открыться силе?*

*Остаться слабым, скрытым, лишь молясь
Отцу Небесному, – как это много!
В той человечности таилась связь,
Соединившая людей и Бога.*

*А веру лишь иметь, не становясь
Всеведущим и мудрым, – так ли мало?
Быть может, есть в моих сомненьях связь,
Единству с Богом давшая начало...*

НЕПОГОДА

*Непогода – и снова болит голова,
И тесна для сердечной истерики грудь.
Но приходят, приходят, приходят слова...
И всю ночь невозможно уснуть.*

*Непогода – и тесного тела душа
Не выносит, насквозь пробивая мне грудь.
Но слова из меня уходят не спешат.
Из-за них невозможно уснуть.*

*А всей жизни моей непогода и мрак
Неужели исхода какого-нибудь
Не найдут? И слова не проходят никак...
Дай Господь им тогда не уснуть.*

ВДОХНОВЕНИЕ

*Оно уходит в никуда,
Придя как будто ниоткуда –
В миг, что ценнее, чем года, –
Моя и радость, и беда,
Непредсказуемое чудо.*

*И подбираются слова
К тому, что столь невыразимо
В тревогах дней, когда едва
Слышна душа, как нежива.
Но в этот миг – слышна и зрима...*

*Вся радость в том, что для души,
Обременённой лишь собою,
Открыться заново спешит,
Тот смысл, которым путь прошит,
Мне предназначенный судьбою.*

*И тем дорожке вся беда,
Что к чудодейственной минуте
Привязан путь длиной в года –
К одной лишь цели навсегда, –
Пусть не имея прочей суги.*

ОСКОЛОК

*В минуты своей непонятной тревоги
Опять вспоминаю Твой давний ответ
На просьбу мою – недвусмысленный, строгий...
Опять и опять: непреклонное «нет».*

*А просьба осталась как будто недавней –
Тревожащим сердце осколком мечты.
Но Ты – не услышал, казалось тогда мне...
Сомненье нашло: существуешь ли Ты?*

*И я до сих пор потому и живу лишь:
Осколок и в сердце застрял, и в судьбе.
А Ты – сомневаясь во мне, существуешь.
Меня испытывая тоской по Тебе...*

ВИНА ЛЮБВИ

*Если может в любви хоть какая-то быть вина,
Я возьму её, Господи, – всю на себя возьму.
И да будет по воле Твоей: накажи сполна.
Мне существенным вряд ли покажется – почему.*

*А существенно то, что я всё же люблю.
И пусть –
По-другому, иначе...
Не так, как они, все те...
От любви я прощения ради не отрекусь.
Разве Ты отрекался, о Господи, на кресте?*

*Поставили крест на мне, пригвоздив к нему.
Теперь понимаю, как это – быть распятым.
Прости, что не сразу, Господи, всё пойму.
Но время дано – ещё впереди расплата.*

*Ты время даёшь почувствовать на себе,
Что значит любить –
и быть за любовь казнимым.
Спасибо, что так случилось в моей судьбе;
Спасибо, что не прошла эта чаша мимо.*

*И пусть она будет выгита мной до дна.
Я стану молить – не зная канонов, правил,
Но веруя: Ты Един, и любовь одна –
Молить за того, кто крест мой на мне поставил.*

г. СЫКТЫВКАР,
Республики Коми

Леонид БАБАНИН

По дороге к родному чуму

Морозище. Природное явление для Крайнего Севера естественное. Хотя даже истинные северяне иной раз искренне недоумевают: как может что-то выжить при сорока градусах, а то и ниже?

По просеке, прорубленной в тайге, движется упряжка из двух лошадей, тянущих кошёвку. Возница в чёрном тулупе, с заиндевелой на морозе бородой, изредка подгоняет лошадей. Любое движение в такой мороз причиняет мучения. Вот так – замерев, съёжившись – и движешься по таёжным трактам Крайнего Севера.

В кошеве – женщина в таком же тулупе, сверху покрытая войлочным одеялом, обвязанная платками, – то и дело заботливо поправляет подпрыгивающий на кочках утеплённый короб, тот самый короб, который и везёт снаряжённая упряжка на самый край земли...

«Там живут совсем иные народы, питающиеся сырым мясом, пьющие кровь», – думал опальный купчишка Гераська. Плевал он себе в душу, корил себя за то, что не утерпел, поддался искушению – переспал с инородкой, и та родила от него девочку. С испугу мать отправил подальше, аж за самую Обь, а девочку отдал в соседние юрты, роженице, чтоб выкормила её. Теперь же, когда девочка подросла и окрепла, решил он отослать её подальше, на озеро Нумто, чтоб разговоров не было лишних.

«Ну, а как иначе, – рассуждал про себя Гераська, – не важно, ненка она, хантыйка, – не наши они, другие, чужие нам, казакам, и позору не оберёшься». Вот и сговорился он с ненцами, которые живут вокруг озера Нумто, – за два ружья и припас они девочку забрали.

Давила камнем печаль на сердце, дави-

ла. Не утерпел тогда Гераська, посмотрел на дочку. Чёрненькая, скулы – как у инородцев, только вот глазки у неё, хоть и раскосые, а светлые, русские. А взгляд безучастный, даже слегка презрительный, как будто говорит она ему: «Не мой ты, я сама по себе!» Сглотнул Гераська слезу и неделю потом пьянствовал, старался боль заглушить.

«А что делать? Позор принять, дитё от инородки оставить?.. Лишь бы до близких не дошло, до отца, до матери, – молил про себя Бога Гераська. – А рана в душе со временем заживёт. Подумаешь, вырастет она в тайге, как и все инородцы. Да и два ружья с припасом – за то, чтоб взяли её...» Вскормленная чужой матерью и не наречённая никаким именем, девочка лежала в своём тёплом коробе, будто и не чувствовала толчков от попадания кошёвки на кочки и ухабы. Ей, маленькой душе, не терпелось побыстрее увидеть свет, протянуть к нему ручки и улыбнуться, ибо полоски синего неба и свет – это единственное, чему радовалась девочка, лишённая материнского тепла и заботы. Наверное, так безропотно переносила она дорожные тяготы потому, что чувствовала: движение – это путь к чему-то большому, светлому и тёплому, надо только чуть-чуть потерпеть. И ей было совсем невдомёк, что судьба-злодейка сыграла недобрую шутку, свела две души грешные, и тут же развела. Вот только девочке испытание, а как она его примет – мы, обыватели, будем свидетелями.

... От испуга всхрапнули лошади, ускорили шаг. Это из сугроба чёрный, как коряга, хлопая чёрными с проседью крыльями, вылетел глухарь.

– Здоровый, гад, – сплюнул в сторону возница, с уважением провожая взглядом летя-

щую птицу.

Неискущённому кажется, что тайга – это лишь однообразие хвойных лесов, сопки, болот. На самом деле это не так. Тайга и тундра наполнены жизнью. Вот возле обочины дороги – лунки спавших недавно куропаток. Как и тот глухарь, испуганные движением саней, куропатки вылетели из-под тёплого снежного одеяла. Наискосок верховую санную дорогу пересекла тропа лесных обитателей. Из осинового лесочка в поисках корма туда и сюда сновали зайцы. Не брезговали этой тропой и лисички, которые часто на ужин вкушали зазевавшихся молодых зайчиков или заспавшегося в сугробе тетерева. И росомаха не прочь прогуляться по этим тропкам – вдруг и ей что-то обломится? Ничего не поделаешь, таковы таёжные правила: зевнул – и тут же оказался в пасти брата старшего.

Осинник изрядно исхожен лосиной семейкой – самыми крупными, сильными обитателями леса. Казалось бы, им всё нипочём, однако никому на нашей планете полная безопасность не обеспечена. Вот и они находятся под прицелом охотника, потерял бдительность – и всё, попал в пасть к зверю или на человеческую трапезу. Вот и получается, одна половина земных обитателей живёт, а вторая за ней охотится.

Густой таёжный массив заканчивается, переходит в мелкий сосняк, после него далеко на восток простирается болото, посередине которого – два холма. Побайвался возница мест этих «сыроедских», поговаривали, что нечистая сила тут обитает. Каких только страхов пережить ему в здешних краях не пришлось, аж вспоминать дурно! Вдруг лошади сбавили шаг, начали всхрапывать, оглядываться, вовсе остановились, уставились куда-то вдаль, на те два

холма, присели на задние ноги, стали сдавать назад. Замахнулся на них от страха возница, штучки эти северные ему были знакомы. Озноб по телу прошёл, крепко зажав в кулаках вожжи, он сошёл с кошевы на дорогу.

– А ну вперёд!... – кричал он на лошадей, стараясь злостью своей победить нечистую силу. Однако лошади, объятые ужасом, дрожали и пятились назад, хрипя и мотая гривами. Чуть не плача, возница снял с себя тёплый кушак, и, повернувшись в сторону двух поросших лесом холмиков, стал читать «Отче наш». Увидев перед собой спину возницы, лошади чуть успокоились, замерли, но, вытянув головы, продолжали глядеть туда, в глубину тундры, откуда виднелись две чёрные сопки, а возница снова и снова твердил молитву.

Неожиданно из-за лесного мыска, что по краю болота, раздался звон колокольчиков. Лошади смотрели в ту сторону, дрожа, пятясь назад, широко раздувая ноздри, стараясь увидеть и учуять что-то страшное и непонятное, приближавшееся к ним вместе со звоном колокольчиков. «Кто это? Что за нечисть?» – недоумевал возница. Казалось, вот-вот покажется хантыйская нарта возмездия, звенящая колокольчиками. Внезапно звон колокольчиков смолк, стало тихо. Возница почувствовал себя слабым, растерянным, маленьким и беззащитным перед этим таёжным ужасом. Чуть успокоившись, оглядевшись, он подошёл к кошеве, пошевелив войлок, спросил:

– Не замёрзли?

– Нет, – ответил из-под войлочного одеяла женский голос.

– Холера вас, баб, не возьмёт, – ругнулся для согрева возница и, сплюнув в сугроб, стал усаживаться на своё место. Сколько раз он зарекался не соглашаться на странствия

в тайгу эту самоедскую. Но уговорил его хитрый Гераська, напоил водкой, да и оклад положил хороший за четыре этих перегона. Вот и не утерпел, поехал.

– А ну, пошли! – во всю грудь крикнул он на лошадей – и они, встрепенувшись, побежали вперёд размеренной рысью.

«Часа три ещё – и приедем, – смекнул про себя возница. – А обратно, домой, проще – и лошадь идёт ходче, и сам на одном духе едешь». Однако не проходил страх от этих колокольчиков, будоражил душу, вспоминался недавний рассказ Гераськи.

«По Ваху-реке, – сказывал Гераська, – с обозом ходил, долго ходил, восемь месяцев. Обратно гружёные возвращались, и не утерпел я, от тоски водочки хлебнул на стоянке, у подножия высокого мыса. Из ружья стрелял до самой ночи, песни орал, потом уснул. Просыпаюсь – ночь, все спят, угольки ещё в костре тлеют. Только собака не спит, и так настороженно на мыс смотрит, будто видит кого-то. Глянул я туда – и обомлел. Вижу, с холма к нам спускается белый дедушка, посох в руке, борода длинная, белая и одежда вся белая. Спустился он, обошёл повозки наши и ко мне идёт. А я от страха прямо окаменел. Собаки на него смотрят и не лают. А он подходит ко мне, в глаза смотрит и говорит: «Шумите вы тут. Уходите!» – и так же, не спеша, пошёл обратно, вверх, к вершине кедрового мыса. Долго ещё на холме виднелась его белая, сутулая, уходящая к вершине сопки фигура. Костёр я до утра палил, ружьё возле себя поставил, нож из рук не выпускал, – учащённо дыша, продолжал рассказ Гераська. – Никому в обозе про это не сказывал, только на утро, когда светать стало, проводнику нашему, самоеду, виденное рассказал. Глаза

его – не поверишь! – застыли в ужасе, оцепенел он, а как очнулся, давай просить меня скорей обоз в путь собирать, приговаривая: «Пожалел он ещё нас, мог и не выпустить, все тут и полегли бы, хозяин горы этой приходил к тебе!»

Мелкой дрожью при рассказе трясло Гераську, видно было, что не врёт он.

«Страшно было, – нашептывал, как во сне, свою историю Гераська. – Тут всё от бесов – мороз, тихо, ветви деревьев – как из стекла, тронь – и рассыплются. Я только глянул на одну от берёзки ветвь, а она от одного только взгляда – возьми и сломайся, вот те крест!..»

...Придя в себя, возница погнал лошадей, уже не в первый раз думая: «Всё, последний раз на купчишку этого работаю, сам во грехах, а ещё за него гибнуть... Пойду ямщиком в государствену службу, меньше платят, зато меньше и ездить. Да не по таким медвежьим углам, ужасам кланяться». Лошадёнки тем временем тянули кошёвку вперёд.

«Вёрст десять осталось», – в уме прикинул расстояние возница и, не оглядываясь назад, крикнул:

– Живы там?

– Живы, живы пока, – еле слышно отозвался хрипловатый женский голос.

«За что ты, Хозяйка таёжная, девочку-то обидела? За что опахалом печали её окутала? Как она без мамки и папки? Не пойму ничего, хоть убей меня...» – мысленно обратился к Хозяйке таёжной возница – и вновь шугнул лошадей.

Вот и последняя русская изба, возле неё два чума – инородцев заставили стога сена ставить. А дальше – тайга,

безмолвие, земля инородцев.

«Лошадёнки ночь постоит, отдохнут, груз отдам – и назад, домой быстрее надо ехать. Зря я один согласился сюда кошеву гнать, случись что – и всё, волки с росомахами сожрут, рода не спросят», – рассуждал про себя возница.

Потом мыслями его завладел Гераська. Да, в грехах, в больших грехах погряз этот человек, а от греха родиться может лишь только грех. Годов пять не прошло, как появился Гераська в этих местах – бедный, голодный, в одежде с чужого плеча. Мужики сказывали, с Нижнего Тагила бежал, с каторги, цепи порвал на себе – и в бега. А бежать – куда? Место одно – север. Здесь выживает тот, кто работает. Работаешь – живёшь, не работаешь – на улицу выгонят. А там и снова каторга, если прежде не помрёшь от мороза или от болезни.

А Гераська и работающий был, и сильный. Амбары как-то забивали сеном. Он наверняка один принимал навильники сена, которые ему трое подавали снизу. Целые сутки

принимал, в амбаре укладывал, никаких помощников к себе не пускал. А те работники, что внизу были, три раза за сутки сменялись. Спустился Гераська лишь тогда, когда последнюю подводу разгрузили. Мужички пьяные его побить хотели от зависти, за его богатырскую удачу, ну и напали. Так Гераська одного калачом согнул и в палисад закинул, у второго с головы шапку снял, угол дома за окладник взял, приподнял, шапку подложил – и угол дома отпустил.

– Забирай свою шапку сам, – крикнул Гераська в гнев обидчику и широким, размашистым шагом направился домой.

– А что ты их кулаком не проучил? – спросил как-то его Липицкий.

– Зачем? – добродушно ответил Гераська. – Хмельные они разум теряют. Побьёшь их, синяков наставишь, поутру они проснутся, побрякнут, вспомнят, кто их побил, поругают, а потом и простят тебе. Кланяются, как ни в чём не бывало, при встрече, и полу-

чается – они тебя жалеют, а не ты их. Нет, – не согласился он с Липицким, – не бью я мужиков по пьянке.

Липицкий, купец мест здешних, заприметил мужичка, через приказчиков приблизил к усадьбе своей. Жалованье платить стал больше и порученья давал ответственные. Всё так бы и шло, хороший работник подороже подводы с серебром иной раз бывает. Но как-то начал купчишка замечать, что дочка его любимая стала день ото дня в фигуре круглеть, в лице бледнеть.

– Ну...? – подвыпив как-то раз, вперил в злобе взгляд свой в брови жёнушке. Запримечала сразу она, заплакала.

– Беременна Даша наша, беременна!

– Кто? – ещё громче взревел Липицкий, – кто посмел притронуться к роду нашему?

– Не знаю... – рыдала жёнушка, кинувшись на грудь мужа сурового, от руки которого побоев вынесла множество. Но ярость безмерная бушевала в душе Липицкого. В сердцах скинул он с груди жену плачущую, шагом широким вышел во двор и крикнул приказчику:

– А ну, ко мне иди, каналья!

Чуя неладное, приказчик воровато сунул писчую тетрадь за голенище хромового сапога и, в почтении склонив голову, засеменял к своему хозяину.

– Кто? Кто тронул её?.. – сверля взглядом приказчика, сжав кулаки, хрипел Липицкий. Приказчик, зная суровый нрав хозяина, прямо глянул в его глаза и сказал:

– Поговаривают – Гераська.

От себя добавлять ничего не стал, потому что знал: любое слово против него обернуться может.

– Ко мне его, сюда! – рявкнул в ответ Липицкий.

– Слушаюсь, – угодливо произнёс в ответ приказчик,

повернулся в глубь двора и пошагал выполнять волю барина. Сила силою, а власть – это власть, что толку ей противиться!

Понуро, опустив свои богатырские плечи, шагал вслед за приказчиком Гераська в усадьбу купеческую, как на эшафот. Смиряясь в душе с судьбой своей, вспоминал каторгу нижнетагильскую, приговаривал сам себе:

– На всё воля Божия...

– Как? – спрашивал судьбину свою Липицкий, в гнев вышагивая по дому. – Дочь, самая любимая, самая родная кровинушка, стала брюхатая от батрака безродного, беглого каторжанина.

Злость, обида, бессилие, клокотали в душе Липицкого. Заслышав шаги виновника по ступеням избы, остолбенел он вначале, вырвал из ножен казачью шашку и, негодуя, полный решимости, ринулся на обидчика:

– Убью, холоп!.. – клокотал его голос. И зарубил бы, если б не его кровинушка, Софья, добрый лик которой был для него иконой. А тело её, было для Липицкого его плотью.

Тенью выпорхнула она навстречу Гераське, кинулась на грудь и, плача, сказала:

– И меня заруби, папенька!

Такого поворота Липицкий, не ждал. Остановился, замер, сник на секунду – и, наверное, впервые за суровую свою бытинушку почувствовал своё бессилие. Руки безвольно опустились, он отвернулся, стараясь ни о чём не думать, опустил понуро, как за несколько минут до этого Гераська свои широкие плечи, и пошагал в дом. Судный день... Наверное, рано или поздно к каждому из нас он приходит.

– Вот он, пришёл, видать, и ко мне, сунул меня в дерьмо по самые уши. Что делать-то? – обливаясь слезами и стыдясь самого себя, шептал Липицкий, ещё вчера уверенный

в себе и беспощадный.

Облокотившись на спинку стула, Липицкий глядел в верхний угол комнаты, стараясь не обращать внимания на хороводы ярости, раскалывающие на мелкие кусочки его буйную голову.

– Какой-то холоп! Какой-то холоп... Убью!

Но тут же возникал у него перед глазами лик его милой Софьюшки со слёзами на её ещё детских глазоньках:

– Папенька, папенька, – повторяла она то и дело.

«Нет, не выдержу, – думал Липицкий, всё равно порубаю его шашкой. – Мне ли, при моём положении в округе, пощёчину от холопа этого терпеть?» Вдруг неожиданно, вначале тонким перезвоном, потом – всё больше набирая силу, устремляясь вверх, запели церковные колокола, заглушая в душе Липицкого смятение и ярость. Те самые колокола, которые несколько лет назад из далёких Каслей привёз Липицкий сюда, в Покур.

Неслышно в его комнату зашла кроткая и смиренная жёнушка. Много вытерпела она от крутого норова муженька за прожитую жизнь. Занемогла она давеча, лекаря позвали, тот осмотрел её тщательно. Не утаились от него и шрамы на голове. Отмечая зелёной каждый из них, откладывал спичку. Поинтересовался Липицкий, кивнув на горку спичек:

– Куда спички-то?

Вежливо глядя в глаза барину, лекарь сказал:

– Сто одиннадцать шрамиков на голове барышни – столько же, сколько и спичек.

Примолк Липицкий, вышел из комнаты, стыд перед Матрёной своей почувствовал. Жалеть стал её после этого. И сейчас не прогнал её за то, что застала его в смятении.

Гнев сошёл у Липицкого. Опять позвали Гераську, на колени поставили, клясться

заставили, что любит её. После в церкви обвенчали их, в отдельном доме поселили. Липицкий поначалу к делам Гераську не допускал, больше работать заставлял. После увидел, что смышленный мужик-то – и стал в обозы посылать – с инородцами торговать.

«Вот так, – рассуждал про себя возникший, ёжась от холода на облучке кошёвки в своём тяжёлом тулупе. – Куда ни глянь, везде грех. Всё от греха идёт! Только одним грех во благо, как Гераське. А другим, вот как мне, например, – в погибель. Всё равно достанет меня он, с того света достанет, всё равно!»

Задрожал от воспоминающий возница.

«...В Тобольск снарядил тогда Липицкий сорок подвод: мясо оленьё вести надо было, рыбу... Меня протяжным обозчиком назначил. Всё бы было хорошо, если б дьячок не подошёл к подводе и не подал в дорогу торбу с гостинцами работнице обозной, Марье. Она взяла торбочку, чуть смутившись взглядов обозных. Потом в пути узнал я, что с псаломщиком они помолвлены были. Который любил её свято, берёг к свадьбе, к телу её не то что пальцем но и духом не притрагивался.

А в душу мою, когда в пути пригляделся к ней, как будто бес зашёл. Всё думал о ней, издали любовался ею. Потом говорить с ней стал, помогать, расположения добился. Обоз трудный был. Метели, тракт переметало. Неделями стояли, ждали. Когда утихла метель, всё-таки до Тобольска дошли, выгрузились. В обратную дорогу снаряжать обоз, грузить стали. Тут день святой – масленица. Так вот получилось, что согрешил я с Марьей, согрешил. Любви не получил, так только, искушение. Потом обходил её в обо-

зе, в глаза не глядел. В Покур обоз пришёл, весна была. И Марья не глядела в глаза мне, в сердце чувствовалось: не то что-то, заноза сердце давила. Потом псаломщик на конный двор пришёл, Марье в мешочке подарок принёс, она не взяла его, посмотрела в глаза ему – и с двора конного повела его на улицу. После вернулась, плакала. Ну а что такого, любая баба плачет. Только всё село охнуло, когда узнало, что псаломщику рассказала Марья, что беременна от протяжного обозчика. Тот в церковь пошёл, у алтаря поставил три свечи и проклял род мой до третьего колена. Из церкви вышел, пошёл к реке и в полынью кинулся. Вот так вот, и получил! И в церковь-то пойти покаяться страшно...»

Вздыхал возница на своём облучке. Никогда он не думал про муки душевные, а они вон как точат, спасу нет...

Темнело. «Вёрст пять осталось», – прикинул оставшееся расстояние до ночевки возница. От вспотевших круп коней на морозе шёл пар. «Место хорошее, вершина сопки, отдых коням дам», – решил возница и, натянув вожжи, остановил лошадей. Чтоб быстрее разогреться, он слез с кошевы, из-под войлока вытянул сена, отстегнул у коней удила и дал им по пучку сена. «Странно, – подумал возница, – так тихо ещё никогда не было. И ветки деревьев – как из стекла. Кажется, крикни сейчас во всю грудь, и осколками стёкол рассыплются кедр». Тихонько подошёл он кошке, прислушался: тихо. Снял рукавицу, руку внутрь затолкал, под попону из войлока. Ага, есть тепло. Значит, спят, хорошие. Тихонько отошёл, чтоб не потревожить спящих.

А в душе продолжали гулять сполохи мыслей. «Вот Гераське любой грех во благо идёт! С дочкой Липицкого

согрешил – из холопа в купца превратился. С инородкой потешился – дитё родилось, и всё нипочём. Инородку в один конец земли отправил, дитё – в другой. Ещё до того, с дьячком, случая, было: отстоим с Гераськой в церкви службу (при дворе тогда вместе работали, он ещё холостой был, грехи-то тогда с ним у нас одни были), исповедаюсь я – на полгода от причастия батюшка меня отлучает. Исповедаётся Гераська – батюшка его на утренней службе причащает. Всё нипочём. Несправедливо всё как-то. Одним во благо грех, другим в кручину».

Спины коней стали покрываться изморосью – надо ехать. Привычным движением зауздал лошадей, не спеша, чувствуя на плечах вес тулупа, пошёл на свой облучок. Впереди спуск, Чёрная речка, подъём, ещё с версту – и зимовье. С избой, с конюшней, с сеном. И, конечно же, с теплом. И лошади, чувствуя приближение тепла, резво взяли вперёд. Вот только спуск был крутой. Кошева накатывала коням на ноги.

«Лешак! – ругнулся про себя возникший. – Не привязал к кошке жердину, может разнести её на спуске, самим бы уцелеть».

Кошева и кони летели по ледяному склону, к Чёрной речке, которая, похоже, поставила для всех капкан смертельный. На севере совсем не такая природа, как на юге. Вот Чёрная речка – весной, как и все, полноводна, летом мелка. Осенью – дожди, вода прибывает, а дальше октябрь, мороз и на реке чёрный лёд. Вроде бы – всё, жди потайку весной, ручейки, но нет. В реке начинается зимняя жизнь. Она неширокая, всего метров с пять. Ноябрь, декабрь – болота живы ещё, не промёрзли, дают речке воду. И лёд крепок, всё толще день ото дня. Но вот январь, морозный

февраль, болота промёрзли и воду речке перестали давать. И речка мелеет, вода уходит, и образуется пропарина, пустота подо льдом...

Вот в такую пропарину и неслась с горы упряжка лошадей с тремя людьми в кошеве. Что будет?..

Стало совсем темно, из-за кедров вышла луна. В Чёрную речку с горы летела упряжка, и вот под её тяжестью лёд лопнул, обвалился правильным кругом. В чёрную яму первыми рухнули лошади. За ними кошёвка, ударившись о льдины, улетела под воду.

– За что ты её забираешь? Со мной-то понятно, – последнее, что спросил у Хозяйки таёжной возничий.

Но она сама знала, что делать, и откинула в сторону чёрный комок с детёнышем. А лошади бились на пропарине речки, порвали постромки, втоптали в дно Чёрной речки кошёвку, её ездовых, а ещё поднапрягшись чуть-чуть, вышли на лёд, волоча за собой обрывки упряжки, подошли к тальнику, и встали. Из-за леса, из-за луны вновь послышался звон колокольчиков, как будто нарта всё ближе, ближе и ближе...

Лошади, испуганные Чёрной речкой, не обращали внимания на этот звук, они медленно приходили в себя, чувствуя под копытами твёрдую землю. А колокольчики так и не появившихся нарт смолкли. У кромки льда остался лежать чёрный комочек, в центре которого, не ведая о происходящем, безмятежно спала девочка.

Вдалеке послышалось шуршание нарты, скользящей по снегу, оленьё дыхание. Только что спасшиеся кони насторожились, заводили ушами, услышав человеческий голос, видно, обращённый к оленям: «Кой ту...!!!»

И вот она, нарта, ездок – дедушка, бравый ещё, в тёплой ненецкой одежде из оленьего меха. Заметил коней, остановился, у обочины привязал оленей и тихонько пошёл к Чёрной речке. А увидев обвалившуюся ледяную «зеловину», поднимающийся из неё пар, испугавшись, присел, пригляделся.

– О пэй!.. А пэй! – Вышел из его груди возглас.

Быстро понять, что случилось – вот удел сильного. Мотлюм звали его. По-таёжному, сильной походкой Мотлюм вернулся к нарте, снял с себя гусь – тулуп из оленьего меха, достал из нарты топор, нож у него был на поясе. Нарезал сухостоя, наготовил сушин, в вязанку собрал и обратно пошагал к Чёрной речке. Размеренно, продуманно жизнью каждое движение Мотлюма. Когда у кромки ледяного облома разгорелся костёр, дед глянул туда – и обомлел, увидев страшное. Ничто так не впечатляет нас, как смерть человека:

–...А пэй... – с ужасом шептал дед Мотлюм. – Чёрная речка луса (русского) убила. ... А пэй...

Дух Чёрной речки – крепкий. Видно, подарок надо ей делать. И вот в ночи послышался голосок девочки без имени. Он не плакал, он о чём-то просил – видно, стало холодно или захотела поесть.

–... А пэй... – вновь произнёс в удивлении Мотлюм, присмотрелся и в отблесках огня увидел свёрток из меха, из которого слышался звук. – Девочка пришла, Чёрная речка её не взяла, жить долго будет...

Дед, недолго думая, взял свёрток, поднялся к нарте, привязал его, надел на себя гусь – и поспешил на зимовье. К утру из Чёрной речки достали тела, провиант и оружие, полагавшееся к девочке. На льду речки помолились на четыре стороны света.

Мотлюм помолился богине Я Миня:

– О! Я Миня – мать наша! О! Небесная наша мать Я Миня! Мы к тебе обращаемся! Спаси девочку тобою нам данную, пусть станет нам старикам утешением и силой! Пусть вырастет и помощницей станет для моей Укони. Пусть звенит детский смех, голос в нашем чуме.

Андриан – казак, построивший зимовье, вращаясь среди купчишек, остяцких князьков, ясак собирающих, умело обделывал дела – и зимовье его росло. Конюшня на десять коней. Своих лошадей пяток. Амбар под мясо и рыбу. Пушнина – вот двигатель его успеха. Не надо обозы рыбы и мяса в Тобольск отправлять, достаточно с остяками водиться, рядиться. Живи на зимовье, имей водки припас – и пойдёт пушнина сама, успевай отмерять только. С пониманием к трагедии, поселил он ненцев, за дитём приехавших, в прирубке конном. Приказал печь там топить, дров не жалеть, а как же – сам Гераська Покурский просил всё ладом сделать. Возничего только вот с казачкой жаль, а так волю Гераськину справил. Самоеды завтра иль через день должны отъехать, говорят дитё шибко плохое.

А в это время в прирубке конюшне шёл бой за жизнь девочки. Обессиленную, переохлаждённую, вручили её в руки Укони – старушке, которая должна была стать на время кслания её мамой. Свёрток с дитём она положила недалеко от раскалённой печки, развернула, а когда увидела, забормотала:

– Совсем плохой, чуть не умер!.. Ёршиков надо варить, а то совсем умрёт.

Женщина тундры Укони знала, что такое голод и переохлаждение, и все её дейст-

вия по спасению привезённой девочки были выверены. Из своего рта она влила в её рот тёпленькую водичку. Было жарко от полыхающей печи, неподалеку от которой и развернули странницу. И дедушка занёс в мешочке ёршиков, привезённых и добытых в верховьях реки Казым. Ёрш – рыба уникальная, доступная человеку практически круглый год. Разрой в снегу любой ручеек, поставь в него небольшую мордушку – и котелок живых рыбок к утру будет в ваших руках. Дедушка Мотлюм положил в котелок рыбу, залил её водой и поставил котелок на печь. Уха из ершей – густая и питательная, а если в неё подсыпать муки, то получится суп. Закипели и наши ерши. Укони, хлопоча вокруг девочки, поучала:

– Долго вари, чтоб густо было!

В чугунном котле Укони варила ёршиков пока у рыбок кости не смягились, затем их с бульоном в деревянной чаше мяла до тех пор пока не получилась однородная каша из свежих ёршиков.

И вот котелок снят с печи, отставлен в прохладное место. А у печи Укони колдовала вокруг ненецкой люльки из бересты, в которой девочка и должна была поехать в далёкую тундру, расстилающуюся вокруг святого озера Нум То.

Девочку обернули оленьим пыжиком – мягко выделанной шкуркой не родившегося оленя – и уложили в люльку. Оленьими верёвочками, как шнурком, обвязали – и дом для неё готов. Маленькими порциями из своих губ Укони влила девочке в рот живительную ершовую смесь – и девочка брала, послушно кушала, поглядывая испуганными глазками на окружающих, на свой новый мир. А когда поела достаточно, уснула.

– Хорошая... – заулыбалась Укони, увидав, что на щёчках

девочки появился румянец, а поев ухи из ершей, она во сне засопела своим смешным, не таким, как у ненцев, носиком.

– Завтра тут сидеть надо, смотреть на неё, чтоб живая была, а то дорогу не вытерпит, – сказала Укони.

– Вот и сиди, – согласился дедушка, – а я оленей привяжу на новое место, пусть кормятся.

Олень – это северный корабль. Приручив его, ненцы расширили свои горизонты, стали путешествовать. Олень – это и пища, и мех, и одежда, вокруг него теплится жизнь.

На трёх нартах Мотлюм приехал на это зимовье. Мэйко (крепкий) – самый богатый, четыре тысячи его оленей пасутся в тундре меж речью Надым и Катучей – отправил Мотлюма на зимовье, за ружьями и припасами. Девочку велел себе оставить и двух быков после поездки. Остальных оленей и нарты вернуть. Обоз у Мотлюма небольшой, три нарты. На первой, с тремя оленями, бил в снегу тропу для обоза сам. И за нартой на поводу шли три оленя – на смену. Три дня нарту тянут одни быки, три дня другие. Быки – это кастрированные олени, они крупнее, выносливее, смиреннее, чем хоры – самцы-производители. И Укони ехала на упряжке из трёх оленей, и три сади бежали на поводу, так как дорога дальняя и тяжёлая. Обычно женщине запрягают двух оленей, если едет она на небольшие расстояния. Женская нарта отличается от нарты мужской. Если на мужской нарте три копыла, то на женской четыре, и в конце женской нарты спинка. И отправил Мейко третью нарту, запряжённую двумя быками, и двумя на поводу сзади, в которой нужно будет везти огневые ружья и припасы к ним. Тяжёлый суконный свёрток, обвитый лусса (рускими) верёвками погрузили в нарту, в другую положили

ещё один, что поменьше – это для Мэйко.

–А пэй!... – Оглядывал их Мотлюм и дивился, – совсем богатый Мэйко будет, гусей жирных весной много добудет, в тундру под мох прятать будет и лето их кушать будет, и зиму...

Заботы требует олень, но забота эта окупается сторицей. Вот после прибытия на зимовье сутки простояли олени в нартах, а это плохо – силу потеряют, могут не дойти до дому – надо их покормить. После того, как покормили ухой девочку, Мотлюм надел на себя малицу, пояс, вышел во двор, чтоб отогнать нарты в сосновый бор. Там нужно распрячь их и привязать на длинную верёвку к дереву, причём каждого оленя – к отдельному деревцу, чтоб он мог копытить вокруг него ягель, когда вдоволь наестся, то мог бы полежать в снегу, снова пожевать ягеля и отдохнуть. После длинного перегона за две ночи олень восстанавливает потерянные в пути силы. На улице хоть и мороз, но тихо, ветра нет. Хорошо, можно вязать узлы, растягивать на упряжи костяные пуговицы, не примораживая своих рук. Немножко не дошёл Мотлюм до своей нарты, как увидел русского Андриана, который помянул самогоном покойного возницу и казачку погибшую, вышел во двор вдохнуть свежего морозного воздуха. И вот Мотлюм, пригнувшись чуть вперёд, прошагал мимо Андриана к кучке оленьих нарт – островку оленьему посередине хозяйского двора.

«Эти-то, понятно, местные, – скользнул взглядом Андриан по прижившемуся при зимовье остяку в облезлой малице, – а эти, – глядел на Мотлюма Андриан, – откуда-то из ада приезжают – оттуда, где, по рассказам остяков, даже деревья не растут и без перерыва дуют ветра.

Гераська рассказывал, вёрст через триста на север деревья заканчиваются и снежные поля начинаются, и снег не тает круглый год. Звери живут все белые – и лисы, и медведи белые, шкуру даже показал. А после снежной пустыни вообще земля заканчивается! И люди, говорил Гераська, живут там не такие. Вместо того, чтобы говорить, – свистят. Бегают быстро – оленя догонят, шкуру снимут с него чулком и мехом внутри оденут, где передние лапы у оленя – руки просунут, а где голова у оленя – свою просунут. Да и тут, – глядел на Мотлюма Андриан, – ненамного лучше, надо уезжать отсюда за камень – там хоть теплее, и люди однокровные».

Эгоизм – вот, пожалуй, один из двигателей человеческого прогресса. И в первую очередь – в крупном лесном ненце – Андриан видел ворох меха, который легко можно у него забрать. А мех – это золото, деньги, товар, уважение, в конце концов. В Сургуте, да и в Тобольске Андриана знают, на чай зовут, хоть он и поменьше размахом, чем Гераська. Что сравнивать с ним, под ним практически вся Обь.

И Мотлюму, который впервые в своей жизни видел (луса) русского, хотелось выгодно обменять меховую рухлядь на необходимые в жизни вещи и продукты – в первую очередь, хлеб, который стал главным продуктом на столе народов севера.

Завидовал немного Мотлюму Андриан – наверное, потому, что в душе сам был охотником. Ещё будучи пацаном, родившись неподалеку от Лисьей горы, что в Нижнем Тагиле, избегал пешком немало охотничьих троп. Поймал силками уйму дичи, от рябчика до глухаря. И, конечно же, мечтал своими руками добыть медведя или, на худой конец, волка. Но увы, дело ограничивалось дичью. Даже

на ямщицкой службе, порой, приходилось видеть и лося, и медведя на сплаве, но один на один в тайге встретиться не пришлось. Поэтому и завидовал Андриан этим сильным и таинственным людям – таким, как этот Мотлюм, – которые комфортно живут в тайге, с лёгкостью добывают любого зверя, а на медведя ходят с обыкновенной острогой, на конце которой – металлический наконечник.

– Эй, меховой! – не удержался от искушения поболтать, развеять тоску Андриан. – Пойдём, покажу, – махнул он Мотлюму и пошагал к своему амбару.

Высокий деревянный амбар, в два уровня, был его гордостью. В нижних складах накапливал и хранил он мясо, рыбу, ягоду. В одном из верхних – пушнину, менянную у остяков, в другом – деловой припас, который ценится у остяков и самоедов: топоры, пещни, кованые наконечники для стрел, капканы, сукно и одежные материалы. И провиант – мука, сахар, да и много чего...

Охотно Мотлюм повернул навстречу русскому и пошагал за ним: во-первых, в душе играл интерес увидеть новое, а во-вторых, в нарте добытые им шкурки ждали своего часа. Да и с русским прежде ему говорить не приходилось. Раньше он выменивал пушнину через остяков или людей Мэйко, которые ездили часто к русским, увозили пушнину, мясо, шкуры – и, конечно же, обманывали Мотлюма, по дешёвке обменивая русские товары на пушнину, добытую потом и кровью. И Андриан, шагая, подумывал: «Пушнину покажет, дам ему что-нибудь, шкурёе заберу, и пусть завтра едет в свою тундру. Зачем оно ему там, добудет новое».

Громко топал Андриан по деревянной лестнице своими тяжёлыми чёрными сапогами. Кряхтя, долго ковырял

промёрзший механизм замка, громко ругался, а когда открыл его, с шумом растворив воротины своего амбара, рывкнул:

– Гляди... – и за малицу завёл Мотлюма внутрь, а сам встал в стороне.

– А пэй... – удивлённо воскликнул Мотлюм, увидев двадцатку рядком стоящих новеньких пещен. Осторожно подошёл к ним, оглядел всё и одну из них бережно взял в руки, а подержав чуть-чуть, насладившись весом металла, хищным блеском острия, мечтательно произнёс, глядя Андриану в глаза:

– Хома! – что означало по-ненецки «хорошая».

– Хома, – передразнил его изрядно захмелевший Андриан, – шкуру давай! – при этом правую руку в локте согнул, кулак прижав к груди, а левую, вытянул, это означало – «выдру давай» и указанного руками размера.

– Хома! Хома! – закивал головой Мотлюм и, часто семеня ногами, ринулся из Андрианова амбара к нарте, в которой лежали добытые им шкурки.

Пешня – самый ценный товар таёжного и тундрового народа. С её помощью можно добывать рыбу даже в лютые морозы, дробя в речке самый прочный лёд. Была у Мотлюма одна, но маленькая, четыре выдры отдал за неё он хитрому Мэйку. Тонкий лёд ей долбить хорошо, а вот толстый не взять. Дед бежал к нарте, где в связке лежала такая, размеры которой показал русский. Широкая, чёрная, без седины – русские таких любят. Осенью добыл её стрелой со стальным наконечником. Неделю выслеживал, два самострела-лука на переходе ставил, на тропе её, в извилистой речке – всё напрасно, обманывала. То стрелу спустит, то тропу обойдёт, жила где-то рядом, – и наконец попалась,

пронзила её стрела сверху вниз, пригвоздила к земле. Ноги сами несли Мотлюма к нарте, радость и ликование бились в его груди – не пустой поедет он к себе домой, «луса» берёт пушнину его, товар даёт. И Андриан улыбался: богатый ненец приехал, пополнит свои вешала мехами, выдрами. За выдру всех больше дают, самый дорогой мех, сколько у него их? В азарте наживы смотрел Андриан вслед семяющему по снегу ненцу.

Уставшие олени даже не встрепенулись в упряжке. Мотлюм на нарте откинул шкуру оленя, развязал кожаную тесёмку на связке шкурок выдр, нашёл нужную и, перевесив их через руку, победно побежал в амбар.

– Хома! – подал её Андриану, а остальных уложил у входа в амбар. Тот взял за хвост её, вытянул, примерил – тест на заявленный размер она выдержала.

Держа шкуру за голову, Андриан вышел на улицу, повалял её чуть в снегу, а затем крепко встряхнул несколько раз и заулыбался. Чёрная смолистая выдра радовала глаз своей красотой, она займёт почётное место в его пушном ряду, прибавит Андриану вес в деловых кругах. Радовался и Мотлюм, видя, что русскому шкура нравится. Глядя ему в глаза, как бы прося разрешения, Мотлюм взял в руки пешенку и понёс из амбара, благодарно приговаривая одно и то же ненецкое слово: «Хома, хома, хома...»

Андриан, в добром расположении духа, сделал навстречу ненцу шаг, придержал его за локоть и показал на подвешенную за амбарную балку пешню с деревянной рукояткой:

– Возьми готовую! – И за острое жало качнул пешенку, подвешенную за проде-тый через рукоять кожаный ремень. Пешня раскачива-

лась над амбарной балкой из стороны в сторону, блестя своими стальными гранями. Не знал Андриан ненецкого, равно как и Мотлюм не знал русского, но они общались и понимали друг друга. Вот что такое торговля – занятие, уравнивающее и сводящее воедино разные народы.

– Не, – воспротивился Мотлюм на ненецком, – большая она, тяжёлая в дороге, эту возьму, – и понёс из амбара самолично отобранную пешню, без деревянной рукояти, после чего бережно приставил её к стенке жалом вверх.

«Вот Тойча, брат мой, радоваться будет, крупную рыбу круглый год ловить будем, на мясо, на муку менять будем», – ласкал своё воображение Мотлюм.

Андриана же точили свои несправедные мысли. «А тех двух выдр заберу у него, амбар закрою, и пусть будет этой пешней доволен», – твёрдо решил Андриан под воздействием крепкого первача. Вдруг глаза их встретились, Карие глаза ненца, стоящего на пороге амбара, смотрели прямо, излучая уважение и какую-то невероятную силу. А глаза Андриана загорелись агрессией. Взгляд его выхватил во мраке амбара замок, он двинулся вперёд, схватил две шкуры выдр, которые Мотлюм прихватил с собой, кинул их на стеллаж амбара.

– Давай, самаядь, иди, – выдохнул перегаром Андриан и шагнул навстречу ненцу. И вот, как сигнал откуда-то свыше... Что-то шаркнуло, скользнуло по плечу и, ударив по ноге, намертво пришило её к амбарному полу. Взгляд Андриана, высвободившись из плена ненецкого взора, пронизывающего душу его такой смиренной благодарью, скользнул вниз. Андриан увидел торчащую из его ноги пешню – сорвавшись с балки, она остриём пронзила его сапог и, пройдя меж паль-

цев ноги, пригвоздила его к амбарному полу. Слабость, одышка, сердцебиение... Он даже неожиданно для самого себя перекрестился. Неужели, овладело им раскаяние?.. Страх, вот что почувствовал Андриан перед этим сверхчеловеком, облачённым в одежду северного аборигена. Между тем Мотлюм продолжал смотреть на Андриана, на его проткнутую пешней ногу. Увидев растерянность русского, ненец вновь воскликнул своё «А пэй», подбежал к русскому на цыпочках, всмотрелся – и, не увидев крови, аккуратно вытащил из сапога массивное жало кованого стержня, сказав по ненецки:

– Нум Вэсоко Небо – бог ногу русского пожалел, так бы нога сильно плохой бы был. Далеко по тундре не пошёл бы, хромал бы!

Андриан же, высвободившись от приколотой пешни, отскочил в сторону и, успокоенный мелодично-бархатным голосом ненца, осенив себя крестом, сказал:

– Слава Тебе, Господи Иисусе Христе!

А потом, взглянув на злополучный инструмент, выхватил его из рук Мотлюма и с ненавистью выбросил из амбара. На глаза ему попались две лежащие на стеллаже амбара шкурки, и вспомнилась прежняя мысль: «Этих двух выдр заберу у ненца и амбар закрою». Андриан отдал ненцу шкуры и сказал, указав вслед выброшенной пешне:

– Иди! Забери её.

Мотлюм пулей выскочил прибрать пешню:

– Хома! Хома! Хома!..

Через минуту к первой пешне прибавилась и другая, с деревянной ручкой. «Двух оленей можно за неё взять», – смекнул про себя Мотлюм. Андриан в сердцах, да и с испугу хотел было закрыть амбар, думая про себя: «Ненец какой-то не такой, как все инородцы, взгляд у него, как

молот: устрашает, карает и мгновенно спасает». Он вдруг представил, что ещё чуть-чуть – и жало пещни пронзило бы его ногу. От видения этого сжались до хруста челюсти. Отгоняя от себя эти мысли, Андриан, скрипнув зубами, хмельным голосом окликнул ненца:

– Иди сюда! Хотя я и не Гераська, но у меня много чего есть, смотри! – и подвёл Мотлюма к стеллажу, на котором – чего только не было...

– А пэй! ... – удивлённо воскликнул Мотлюм, увидев множество скарба, без которого жизнь в тундре, невозможно: кованые заготовки к ножам, разных размеров наконечники стрел, пилы, топоры, капканы... Мимо этого ни один житель тундры пройти никогда не смог бы.

И у Мотлюма в нарте лежало то, от чего глаза русских наливались теплом, а в глазах загорались огоньки радости. Поэтому и общение у них, особенно после случившегося, происходило на равных. Мотлюм был не какой-то там остяк, наловчившийся общаться и торговаться с купцами. Он знал цену всему. И не у всякого имелась пушнина такого качества, как у него, тундрового ненца высоченного роста. Андриан же большим ростом не отличался – такой крепыш с вьющейся чёрной бородой, которая при разговоре повторяла движения челюсти. Мотлюм, разглядывая её, дивился, рассказывая потом тундровым: «Борода у лусса, как у росомахи хвост». Андриан же, искоса поглядывая на громадного Мотлюма с белой седой бородкой, белыми прядями волос, сажеными плечами и почему то белёсыми глазами, думал:

– Не иначе как он – сын снежного человека...

На ногах Мотлюма были расшитые меховыми узорами кисы. Алые толстые кисти бантов из кожи оленя, увязан-

ные в коленях, подчёркивали значимость и силу хозяина. Малица, шапка которой – из красивейшей выдры. Из сукна тёмно-синего цвета «верхонка», из-под которой свежим мехом «неблюя» – забитого в августе оленя – виднелась сама малица. И, конечно же, широкий ненецкий пояс, украшенный крупными пластинками из кости, с замысловатыми узорами. Украшали пояс красиво вложенные в этикетные подвески, клыки медведя и волка. В массивных деревянных ножнах на длинной подвеске из кожи – нож и всевозможные, красиво выполненные, острые и длинные костяные приспособления, необходимые в обиходе. Малица – изобретение народов севера, в котором можно комфортно жить в условиях, в которых другая одежда, просто непригодна.

– Сукном-то этим Гераська торговал уж два года как, – отметил про себя Андриан, разглядывая одежду тундрового аборигена.

Мотлюм осторожно склонился над кованым скарбом и, любуясь им, воображал себе сцены охоты, где их можно применить на деле, и то, что нужно, откладывал. Пять наконечников стрел на сторожевые луки для охоты на росомаху и выдру. Три наконечника стрел для сторожевого лука – на лося. Топоры – один большой, для дров, другой маленький, с собой таскать в нарте. И пила. Собрав это всё в кучку, Мотлюм выпрямился и громко произнёс:

– Мащ! (хватит).

Их взгляды и интересы вновь встретились.

Если говорить о высококачественном мехе, то в переводе на драгоценный металл это – золото. А скарб, отобранный Мотлюмом, для жизни в тундре, наверное, дороже золота. Это значило, что интересы торгующих людей из разных цивилизаций сошлись.

«Вот только... – теребил свою бороду толстыми пальцами Андриан, – одну выдру за это мало, две-то хорошо... А попробую три, вдруг согласится...» И, нахмутив брови, не отрывая глаз от самоеда, отмерил руками три раза по выдре.

– А пэй! Как много, руки не терпят столько выдру ловить! – говорил Андриану по-ненецки Мотлюм. В его голове отвешивался порог меры, ведь надо ещё у русского взять и муки, и материала для шитья, а шкурок и не так много.

Но увы, русский молча думал о чём-то своём, как бы говоря: «Мне-то что, не ты, так другой принесёт шкурки». А сам с уважением поглядывал на деда и подумывал: «Этот ещё не торговал с нами, сразу видно, обские остяки рубли бы потребовали и скарб на них бы и купили. А он и этому радуется – за таких-то красавиц!» Андриан любовался выдрами. За таких пришлось бы отдать ему по шесть рублей за шкуру, за росомах – по столько же. А тут вон как, почти так отдал.

Опустив голову, Мотлюм взял уже знакомые нам шкурки двух выдр, покорно положил у ног Андриана и, чуть потоптавшись, отошёл в сторону, как бы говоря своим видом: «Сдаюсь на милость победителя, третьей выдры у меня, нет». Заметив равнодушный взгляд хозяина положения, он вышел из амбара, взяв пещни, и пошагал в нарту.

«Сколько великий бог Ямал даст мне от Андриана, столько и увезу», – расчётливо думал про себя Мотлюм. Бережно уложил в нарту пещни, одну купленную, другую дарованную.

– В мою ногу не ходи, в лёд ходи, рыбу лови! – обратился он ко второй.

А сам тревожно подумывал, отдаст русский отобран-

ный товар или ещё выдру потребует...

«Маловато, – поглядывая на них, чувствовал Мотлюм, – не отдаст отобранное русский», – и, чуть потоптавшись, взял из нарты Укони две крестовые шкурки лисицы. Крестовая лиса – творение дикой природы особой красоты.

У крестовой лисицы особенный окрас, полученный в результате скрещивания чёрно-бурой лисицы и огнёвки. У неё чёрное брюхо, опоясана она чёрной полосой по бокам от лопаток до брюха, а под огненно-рыжим мехом чёрный подпушек. Купцы забирали такой мех, не раздумывая.

И у деда был свой план. Он лисьи шкурки спрятал под малицу, снизу опоясал себя ремнём и пошагал к Андриану. У амбара, как и предполагается, каждую шкурку обвалял в снегу, встряхнул слезавшийся мех, после чего тот заблестел, поднялся над ровной подпушкой, ось заблестела и шкурки ожили, словно на живом звере. И, спрятав вновь шкурки в свою необъятную малицу, шагнул в открытые воротины Андриановского амбара.

Андриан стоял, не шелохнувшись, на том же месте, ожидая следующего хода ненца: «Отвалит он ещё меха или не отвалит? Не отвалит – придётся отдать скарб, отвалит – будет ещё лучше!» А Мотлюм инициативу в торговой игре взял на себя и, вынув из малицы лисью шкурку, положил её у отобранного инвентаря и начал нахваливать:

– Хома! Лиса хома!..

Андриан, привалившись плечом к деревянной стойке и поняв, к чему клонит ненец, смотрел на него молча, ни движением, ни телом не выдавая ни одной эмоции. Хоть и хотел он завладеть выдрой громадных размеров, но от заявленных трёх отступить не хотел. Да и лиса радовала

душу. Но всё равно – мало. «Посмотрю, может, ещё что даст», – затягивал паузу Андриан.

Ещё потоптавшись чуть вокруг пушно-металлического барахла и поняв, что русский от своего требования не отступит, ненец понуро опустил голову и достал из малицы вторую крестовую лисицу, положил её к выдрам, а с верхнего стеллажа в кучу отобранного доложил один лисий капкан и один волчий, кованный.

– Хома! – по-доброму улыбнувшись русскому, произнёс уже знакомое слово Мотлюм.

Андриан любовался красавицами крестовками.

«Одна лиса – это не туда и не сюда: и не шапка, и не воротник. А вот пара – это уже товар. За две таких Герасья ружьё купил с припасом, не говоря уже об этом скарбе», – размышлял про себя Андриашка, шевеля бородой.

– А что у тебя ещё есть? – просверливал Мотлюма Андриан своими чёрными цыганскими глазами. Слышал Мотлюм, Мэйко рассказывал, как загораются у русских глаза от огня при виде меха, загораются, как в зимнем морозном небе звёзды. Поэтому не спеша вёл сам свою игру. А Андриана этот торг и завёл, оттолкнулся он деревянной стойки, заходил и не выдержал, поднял с полу лисьи шкуры, встряхнул их в воздухе, поднёс к свету, заулыбался:

– Красавицы! – произнёс он. – С такими не только в Сургут или Тобольск ехать можно, а и в Москве любому стряпчему такие поднести можно, стыдно не будет. Что хочешь с их помощью выхлопотать можно, любую бумагу состряпают.

Восхищение, жадность и эгоизм будоражили Андрианову душу. «На кой они ему в тайге –

меха, и так от меня вон чего получил. У него они не последние, наверняка ещё есть. Принесёт... Вон какой стоит, настоящий леший».

И, возрадовавшись вконец, махнул Мотлюму рукой:

– Забирай!

Как ждал Мотлюм этого жеста! Собрал он в подол малицы металлический скарб, вынес его из заснеженного амбара. Уложил на выметенной дороге и, не теряя неожиданной удачи, вновь ринулся к бородатому русскому.

– Нянь! (хлеб) – громко произнёс Мотлюм.

Хлеб стал одним из основных продуктов питания у аборигенов севера. Те, кто был побогаче, пекли лепёшки, а те, у кого достаток был поскромнее и муки мало, подмешивали его в бульон или уху. И Андриан, через амбар которого перекочевала не одна тонна муки, слово «нянь» знал на зубок. В ответ он кивнул, снял со скобы связку ключей и махнул Мотлюму:

– Иди за мной!

Как за каким-то светилом, Мотлюм семенил за Андрианом в другой амбар. Покорно выжидал, пока Андриан справлялся с массивным замком, наконец провернув всё-таки в нём ключ. По скрипучему настилу перешли они в правое крыло амбара. Что-то сердито говоря, Андриан, изрядно повозившись, всё-таки открыл и этот промёрзлый замок, со скрипом отворил дверь и шагнул внутрь своего хранилища. Неслышно зашёл вместе с ним и Мотлюм. Глаза привыкли к густым складским сумеркам, и вот они, пахучие штабеля муки – сколько их!

«Зачем русскому ходить на охоту, бить зверя, ловушки на рыбу ставить, за оленями по тундре бегать», – думал Мотлюм. – Неба Бог, наверное, русских больше любит, чем ненцев, если столько хлеба даёт».

Глаза постепенно свыкались с амбарными атрибутами и начинали выхватывать нужное.

– Нянь! – произнёс Мотлюм, выставив перед Андрианом три пальца, на что Андриан хладнокровно, выражая согласие, кивнул, сведя ладони вместе, а затем развёл их на расстояние сажени:

– Есть нянь, шкурку неси!

– Хома! Хома! – и Мотлюм опять ринулся к нартам. Три мешка – этого хватит им на год. И шкурки у него есть, чтобы обменять. Хитрый Мэйку за две выдры давал один мешок или за три росوماхи, а тут одна выдра за три мешка – совсем даром!

Не осталось выдры в нарте у Мотлюма, зато три шкурки росوماхи, лежали в нарте, в которой ехала Укони, стрелой сторожевого лука добыл их Мотлюм. мех росوماхи, как и мех выдры, при дыхании на морозе не индевеет, не изнашивается и, безусловно, красив. Поэтому и ценится он в знатных кругах.

На речке Мотлюма рыбы много ловил, ерша в основном, целый ершовый «курган» лежал на льду таёжной речки. Вот росوماхи и стали ходить, воровать по ночам рыбу. Да и днём хаживали. Как брат научил, Мотлюм в лёд вморозил два колышка, к ним привязал лук самострельный, в кото-

рый вложил стрелу с кованым наконечником. Самострел обложили рыбой так, что как бы маленький чум (домик) получился, самострел внутри поставил, стрелой к входу, чтоб росوماха пройти могла, чуть пригнувшись. Снаружи рыбу еловыми ветками обложил, деревьями сухостойными, чтоб путь у росوماхи за рыбой был только внутрь. Залезла она внутрь ловушки, сторожку спустила – и в грудь наконечник стрелы получила. Вот так пять зверей Мотлюм у запора и добыл. Две Мэйку уплатил – ясак, говорит, русскому увезёт, – и три выдры потребовал, пришлось отдать.

Торг. Наверное, это праздник. Торг будоражит душу, приносит и радость, и уныние. Заставляет строить планы на будущее, дарит оптимизм. Именно он заставлял Мотлюма долбить в реке толстый лёд, ставить ловушки и ловить рыбу, чтоб её поменять на что-то такое, что поможет улучшить жизнь. Желание жить лучше ведёт деда на тропу охоты, чтобы в мороз ночь напролёт сидеть у приманки с луком в руках, караулить росوماху или выдру. А добытый зверь – это достаток. Его можно поменять на оленьё мясо, вещи – одним словом, можно, поторговавшись, получить желаемое. Зажав в руке шкуры трёх ро-

сомах, Мотлюм семенил к амбару, а все мысли его были дома, он представлял, как сытно наваривается бульон из лося, приправленный белой мукой. Как сушится внутренний жир дикого оленя и лося, неся в себе достаток, вкус и силу.

«Один мешок муки положу в лабаз, что недалеко от реки Пар-Савар, второй – в лабаз у озера Енто-Яй, – думал Мотлюм. – Остяков диких ездит много, злых ненцев с Ямала, отобрать могут, а там не найдут».

– Вот! – положил Мотлюм росوماху у ног Андриана, а две отложил в сторонку.

Андриан глянул на шкурки и расплылся в наглой, торжествующей улыбке. мех этот считается самым крепким, носким, одним словом, это – богатство, которое в любой момент можно превратить в золотой рубль. Подержав шкурку, налюбовавшись её неповторимой красотой, бережно повесил её на вешала, после чего, подумав чуть, достал со стеллажа отрез сукна и, как премиальные, вручил его ненцу, передразнив его:

– Дарю. Хома! Хома! Хома! – и указал на три мешка ржаной муки. Нисколько не споря, Мотлюм по одному мешку вынес муку из амбара, положил сверху отрез сукна и снова зашёл к Андриану. Дальше, по его планам, дело за хозяйством Укони. А Андриан как будто догадывался:

– Иди за мной, – кивнул он Мотлюму и показал на стеллаж, на котором лежали отрезы ситца.

–А пэй! – опять в восхищении удивился Мотлюм. Разноцветье отрезков материала поражало его воображение, он долго осматривал их, представлял свою Укони в красивых платьях, а насмотревшись на русскую красоту, стал проверять толщину ситца на ошупь. А когда убедился, что это то, что надо, смело,

посмотрел Андриану в глаза, с пола поднял шкуры двух росомах и сказал, своё знаменитое:

– Хома!

Андриан с достоинством принял подношение ненца, присоединил две шкурки к первой, степенно подошёл к отрезам ситца, положил руку на один из них и, показав сажень, показал пять пальцев. С каждого отреза по пять сажень ситца. Дед, поразмыслив чуть, внезапно понял, что это большая удача, и радостно выкрикнул:

– Хома!

Обе стороны были счастливы.

– Вот! – Протянул Мотлюму Андриан. И добавил похантыйски, протягивая коробочку с принадлежностями для шитья – Пувца (жена)

– Хома! – В десятый раз отблагодарил его Мотлюм.

У одного – гора отменного меха, у другого – хлеб, скарб, радость! И, не скрывая своих чувств, они улыбались друг другу. Не торопясь, Мотлюм отмерял отрезы ситца, сворачивал их, а Андриан, чтоб приручить навсегда к себе такого богатого самоеда, подошёл к одному стеллажу, что-то пересыпал и небрежно поставил перед Мотлюмом. Медная кружка была доверху наполнена разноцветным бисером. Знал хитрый Андриан, знал, что любят украшения аборигены, и бил этим наверняка. И Мотлюм в душе своей уже вновь стремился в этот амбар – в следующий сезон, с полной нартой пушнины.

«Получится ли на следующий год?» – вздыхал про себя. Наконец-то дела у сторон окончились. Андриан, побряхывая, закрывал свой амбар, а закрыв, понуро пошагал в избу, перебирая в голове всё пережитое за этот час, вспоминая твердь метала упавшей на ногу пешни и боль в раздвинутых пальцах, и пронзительный взгляд само-

яда. Рука невольно поднималась ко лбу, крестила грешное тело, а губы читали вслух: «Отче наш...»

Мотлюм же отвязал нарту Укони и вёл её к Андрианову амбару – грузить муку и пожитки. Работы у него ещё было много. «В нарту по мешку муки, – рассчитывал он поклажу на обратный путь. – Остальное не тяжёлое, олени вытерпят, по старому следу, дотянут нарту домой, к озеру Иенто-Яй». Вот вроде и всё, в небе загорелась луна, на севере она яркая, в безоблачную погоду видно, как днём. И, погрузив всю поклажу, Мотлюм привязал передовых вожаков к своей нарте и повёл обоз за зимовье. Оленей необходимо накормить перед дальней дорогой.

Убежище. Дом. Очаг. Место, без которого, пожалуй, обойтись не сможет никто. И пташка имеет дом в тайге – в огромной кисти кедровых игл она спасается от врагов, дожидается рассвета. Выдра спит у уреза воды, под метровым слоем льда. От воды идёт тепло, и никакому врагу не докопаться до её природного дома. У белки гайно свито из сухих палочек, забраться в него не каждый сможет. И сейчас олени послушно тянут гружёные нарты в сосновый бор, они знают, что там есть ягель, там им можно насытиться и отдохнуть. Ягельник и сосновый бор – вот дом и очаг северного оленя.

Тот, кто говорит, что живёт будущим, – заблуждается! Ибо есть только сегодня и только сейчас. Не покормишь оленя сегодня – не будет завтра. Не поймаешь рыбу сейчас – с голоду умрёшь завтра. Именно сегодня и только определяет будущее.

Обезумев от страха и ужаса, олень убегает от волка, он бежит в тундру – там есть простор, там можно спастись, но только сейчас. Надо хорошо разбежаться и оставить волка

ни с чем. Завтра не будет, если не спасёшься сейчас.

Обоз, возглавляемый Мотлюмом, свернул с дороги и, пройдя по рыхлому снегу метров сто, остановился. Хотя работы было часа на два, Мотлюм не терял оптимизма. Его нарты были гружены тем, что возвышало его на порядок над остальными лесными ненцами Надымской тундры. Движения его были уверенными, а руки – знающими своё дело. Бор был просторным, глаз тут же приметил две небольшие сосёнки. Лёгким топором зачистил он ствол от сучков от основания вверх на полтора метра. Вернулся к своей нарте и из-под шкуры оленя извлёк связку длинных верёвок из кожи лося, ими он и привяжет к деревьям своих оленей. Верёвка вяжется оленью за шею не затягиваемым узлом, а другим концом – к дереву. Метра четыре в радиусе вокруг дерева – вот и всё пространство для оленя. Но этого ему хватает, чтобы накопытить ягеля и отлежаться. Если ночевать нужно на этом месте ещё одну ночь, то оленя нужно перевязать на свежее место. Олень не будет копать ягель на натопанном месте – такое вот требующее свежести животное.

Выгнул свою натруженную за день спину Мотлюм – день окончен. Осталось не спеша добрести до дома русского, узнать, как дела у Укони, и спать. Довольный прошедшим днём, довольный торгом с русским, успокоенный тем, что олени привязаны и отдыхают, Мотлюм, обойдя свои нарты, выбрался на санную дорогу и, любуясь звёздами на небосклоне, пошагал в зимовье Андриана. Что говорить, после удачного дня, когда все дела сделаны, легко на душе, да и в теле, и думается хорошо: «Как плохо у него тут, у русского. В тайге, тундре тихо, никто не мешает, а тут людей

злых много, вон какие замки на дверь вешает, я умер бы, если бы в дом русский меня поселили. Вот Укони накормит хорошо русскую девочку, даст ей сил, и поедет на моё озеро Йенто-Яй, хорошо там...»

Родившемуся не в тайге никогда не понять лесного человека. Никогда морозная ночь ему не будет казаться тёплой. Если Мотлюму вот эта санная дорога, тайга, мороз – колыбель, то другому это – озноб кожи лица, да и души; ему будет мерещиться под каждым деревом медведь, а если не медведь, то леший. А Мотлюм шагал в тёплых кисах из оленьего меха, придававших его ногам не только тепло, но и чувствительность, и радовался всему, что попадалось ему на его тундровый глаз. Толстый кедр длинными сучьями – лапами при полной луне кидал на снег причудливые тени, похожие то на крупного зверя, то на птицу. Глядел на кедр и удивлялся про себя Мотлюм: орешек у шишки маленький, в землю падает, набухает. Росток, как червячок, из него выходит, после за землю цепляется и тянется в небо. Много таких кедров взметнулось в небо на глазах наблюдательного Мотлюма:

– А пэй! – вслух удивился Мотлюм: как нарта с оленями вырисовался рисунок от кедровой тени. Мотлюм приостановился, всмотрелся в крону дерева и увидел три беличьих гайна.

– Хома! – Поклонился дереву Мотлюм, чувствуя тепло, исходившее от красавца-кедра.

Вот на лёгкую ногу, усталый слегка, пришёл Мотлюм в русский двор, в избушку, в которой Укони у горячей печи хлопотала у маленького дитя. Глазами, наполненными дневными событиями, Мотлюм оглядел свою Укони, снял с себя и повесил на гвоздь пояс, снял малицу, сел к столу.

Укони из стоящей в печи кастрюли налила в широкое деревянное блюдо ершовой ухи и поставила его перед мужем. В ненецком деревянном блюде лежали с горкой отваренные для Мотлюма крупные ерши. Вот такой у лесного ненца вечерний рыбный рацион. «Лесными» ненцев, проживающих у великих северных озёр Нумто и Пякуто, прозвали за то, что места для жизни они выбирают и не в тундре, и не в тайге, а в таких местах, где тайга закончилась, а тундра ещё не началась.

Укони, радостно глядя Мотлюму в глаза, сказала:

– Смотрит на меня девочка и молчит!

– А пэй! – удивился Мотлюм и спросил, – кушает...?

– Ёршики кушает, бульон кушает!

– Тогда пойдёт на Ейнто-Яй, – сказал Мотлюм и увлёкся ершовой ухой.

Укони под мерцание керосиновой лампы управлялась по дому. Отряхнула от снега малицу Мотлюма, уложила её, после чего вновь под села к люльке девочки, улыбнулась её маленьким, но уже серьёзным глазкам, а глазки ответили ей такой же доброй улыбкой.

– Улыбнулась... – удивилась Укони и, не отрывая взгляда от ребёнка, сказала:

– Я сказку расскажу тебе сейчас.

Девочка, будто поняв сказанное Укони, точно в знак согласия, улыбнулась.

И из уст Укони полилась ненецкая сказка. Прислушался к ней и Мотлюм. Он любил слушать легенды и сказки от Укони, уж мастерица была она в таких рассказах. А сказка была такова.

У речки Сими-Юган, которая впадает в большую реку Надым, в берестяном чуме, жили дедушка и бабушка. Дедушка был совсем слепой, а бабушка видела, но не очень

хорошо. Одни они не смогли бы жить, если бы не было у них сына, кормильца в семье. Дедушка, хоть и был слепой, научился плести деревянные морды для ловли рыбы. Умел ставить на речке запор. От чума до речки он протянул кожаные верёвочки и по ним ходил проверять поставленные на рыбу мордочки. Запор требовал большого ухода, но дедушка и с этим справлялся. Осенью, когда с деревьев падает листва, много её несёт по реке и засоряет водяную изгородь запора. И дедушка по два раза в день специальным шестом прочищал воткнутые в дно реки жерди от листьев. А перед тем, как речка вот-вот покроется льдом, дед нырял в воду и на дне ладошками между жердей искал отверстия, или промоины, по которым рыба может легко преодолеть ограждение запора. Сложно или несложно, легко или тяжело, но дед справлялся со своими делами. А когда стал подрастать сын, то ему и вовсе стало легко. Время летело быстро, дед сильно состарился, а сын подрос и стал настоящим кормильцем в чуме. Всё умел: и слопцы на глухарей поставить, и олений пасти, а главным увлечением его была охота на зверя, добывать пушнину было его любимым занятием. Как и все молодые парни, заметил он невесту и вскоре женился, а потом родился у них мальчик.

«Для дедушки», – с гордостью говорил сын. Вроде бы всё хорошо было у них – и любовь, и согласие. Но не было одного – достатка. Хоть сын и невестка работали с утра до поздней ночи, богатства они так и не нажили. Чум берестяной, запор на речке, слопцы на глухарей, иногда песка удавалось добыть или выдру. Олений разводить не давали волки, а без своего стада оленьего в тундре богатым не будешь.

...Под добрый и певучий голос Укони сказка разливалась по домику, по сердцам слушателей, а сытая и согретая девочка засопела своим смешным, совсем не ненецким носиком. И Мотлюм, справившись со своей чашей ершей, кастрюлькой ухи, тихонечко, чтоб не сбить Укони с нити её рассказа, расправил на полу постели из оленьих шкур, прилёг на них и вслушался в сказку, которую рассказывала девочке Укони.

Да и что эта сказка! Наверное, и наша жизнь – тоже сказка. Пробежим лет до пятидесяти стремительно, как олень бежит по тундре, спасаясь от волков. Оглянемся – и увидим сказку свою – с чудесами и без чудес, с былью и вымыслом. И улыбаемся таинственно, вспоминая чудеса жизненные, огорчаемся, вспоминая неудачи. И жизнь-то наша, когда проживёшь её, оказывается настоящей сказкой.

Затухавшая лучина кидала свои последние искорки, а наша Укони продолжала свой сказ, унося нас в северную философию жизни.

...Манил сына видневшийся за тундрой горизонт, казалось, за той чёрной каёмкой леса – речка, в которой щуки – крупные, как сосны. Зверя много – и чёрных выдр, и росомх, и лисиц, в тундре мышей копающих. «Вот если поймать щук много, выдр десятков и росомх, то оленей можно купить, – думал про себя сын. – Следить за ними, пасти, и будет много оленей, а это – богатство!» Однажды, посоветовавшись со своей женой, сын говорит слепому отцу: «Вы оставайтесь в чуме, а мы наготовим вам дров, чтоб хватило. А нужно будет воды, натопите вы снега. Оставим вам мясо и рыбу, а сами пойдём за тундру, примерно до весны, зверя бить, чтоб потом оленей купить».

Три дня они готовили старикам и сыну малому дрова, лёд накололи в реке для воды, в нарту положили мясо и рыбу, чтоб до них не смогли добраться дикие звери. Снарядили две нарты себе, в поход. Идти им далеко надо – может, дня три, надо будет ночевать в голой тундре. «Ну вот, – говорит сын слепому отцу, – вроде и всё у вас есть, и рыба, и мясо, и снег, и лёд, чтоб его растопить на огне».

И на следующий день они встали рано, с рассветом, помолился сын высшему богу Ямал Нум Вэсоко – и в дорогу. «Обратно вернёмся весной, с богатой добычей», – на прощание сказал сын. И остались дед слепой и бабушка с внуком одни.

Лёжа на оленьей постели, Мотлюм, удивившись вслух своим возгласом «А пэй!», задумался, слушая Укони. «А ведь и вправду – я, Укони и девочка тоже остались одни, нет никого больше, а ведь впереди зима. Надо доехать до чума, в реке долбить лёд, ловить рыбу, добывать зверя, надо ведь жить, не будет сил, волки придут, рыбу съедят и Укони, и меня съедят, и девочку. Крепко надо будет работать», – крепил себя в мысли Мотлюм, слушая во тьме продолжение сказки, которая, как сияние севера, певуче разливалась из уст Укони по избушке.

...Тянет, тянет нас какая-то великая сила вперёд, особенно туда, где нога человека ещё не ступала, хочется войти в эту неизвестность и взять «Это». Вот только знать быть его...

Вот и день. Погрузив в две небольшие нарты поклажу, сын и его жена пошли через тундру. Молча смотрел им вслед дед, провожая в дальнюю дорогу, сказать было нечего, так как и сам он в свои молодые годы открыл для

себя много рек, много богатых ягелем тундр с целыми стадами диких кочующих оленей.

Горевшая в избушке лучина потухла, в печке догорал последний уголёк, Мотлюм лежал на тёплой постели из оленьих шкур, и порою казалось, жизнь приостановилась на ночлег, но мелодичный тембр голоса Укони уносил всех в события, водоворотом крутящиеся вокруг жизни слепого деда и бабушки.

...Тяжело старому жить в одиночестве в тундре, опасностей много, ветра и морозы, безжалостный дикий зверь, но какая бы ни была наша жизнь, стой, сопротивляйся – и ты выживешь! Вот так самые холодные дни зимы и пролетели. Дни стали длиннее, солнышко ярче, кедровки в чёрных стволах кедров загомонили громко – и в душе стало радостнее. Дед выходил из соснового бора в тундру и часто всматривался в её бескрайнюю даль: вдруг да появится силуэт сына... Что говорить, душой ждал он его, пусть даже и без добычи.

И сыну выдалось испытание. Три дня и три ночи тянули они с женой на себе в тундру гружёные поклажей нарты. Мороз был и ветер, но терпели молодые охотники, в стужу ночную спали они на ветру под песни волков. Но дошли они до той реки, у короны корня упавшего кедра, соорудили жильё, лапнику на пол устелили, сложили костёр – жить можно. Сын с топором на речку пошёл, чтобы выдолбить майну и морду поставить на рыбу. Тогда они будут спасены от голода. Сын лёд долбил, жена его с луком на лыжах ходила по бору сосновому, добывала белок. Беличье мясо – это и свежая пища, и одежда, белок охотно у ненцев покупают купцы. Работящая у дедова сына попалась

жена, умела красивую одежду из оленьего меха шить, умела и петли поставить на куропаток, умела и жерди топором сделать для постановки запора на рыбу. Спорилось у них на охоте дело. На третий день поставили в реку первую морду, на шестой – вторую. На удивление, в первую ночь в морду залезла крупная щука, да такая, что застряла в устье морды, но и это радовало молодых. На вторую ночь – таких же размеров щука застряла в устье морды. Было понятно, что щука в этой реке крупная, и вход в морду пришлось увеличить. Не успела на льду вырасти большая куча метровых щук, как в морду попал выводок выдр. А ещё через день через речку «каслался» со стадом оленей ямальский пастух-ненец. Когда увидел он кучу жирных, как бревно, щук, не смог не остановиться, а когда поторговался, то оставил за гору щук трёх жирных оленей – «ездовых быков». Родовалась жена: ушли за тундру пешком, а приедем на нарте!

Вскоре об удачливых рыбаках узнала вся тундра, стали к запорам приезжать гости, привозили подарки, покупали рыбу. Тяжёл труд любой, но окупается сторицей!

Неспокойно жил дед, поджидая сына, слушая голосок подрастающего внука, вслушиваясь он вдаль, стараясь услышать приближение сына. И вот в один ясный, солнечный день послышался шум от оленьих упряжек.

– Едут! – слетело дедовых уст слово, а шум всё приближался и приближался. Обрадовались они, слепой дед вышел навстречу шуму и услышал, что к чуму пристало много упряжек. И странно – разговор слышен на другом языке, не похожем на их и на язык народов ханты. Испугался дед, поняв, что это не их дети, а другие совсем люди. Сперва подошёл к нему вождь

ямальских ненцев, поздоровался и зашёл к нему в чум, вслед за ним и другие ненцы-воины. Уселись вокруг костра и спрашивают:

– С кем вы живёте, старые?

Дед спокойно им отвечает:

– Мы живём с сыном, снохой и внуком. Они ещё осенью уехали на охоту, за тундру, в чуме я, бабка моя и внук. С нетерпением ждём возвращения сына, приехать должны они вот-вот.

Вождь, помолчав, спросил:

– Сколько у вас оленей?

А дед отвечает:

– У нас нет совсем оленей – наверное, видели, что вокруг чума нет их следов?

Вождь разозлился, встал со своего места, схватил старика за грудь и стал трясти его, говоря:

– Врёшь ты, что у вас нет оленей, мои воины осмотрели окрестности твоего чума и увидели землю, истоптанную многочисленными следами оленей, и поняли мы, что у тебя, проклятый и жадный старик, их много!

Вытащил вождь деда на улицу, усадил в нарту, а воинам приказал осмотреть лабазы, стоявшие недалеко от чума, наказав:

– Если есть там пушнина, меха, наконечники, стрелы – заберите и принесите!

Собрали воины из лабазов слепого старика и старухи всё, что было, кинули на упряжки и поехали, взяв с собой деда. А когда доехали до широкой речки Казым, остановились вдруг, а вождь спрашивает своих воинов:

– Что будем делать со стариком? Или тут мы его повесим у речки, зачем его везти, силы оленям на него тратить? Давайте его вон на той толстой берёзке повесим!

...Слушая сказку, бабушка Мотлюм, знавший вершину реки Казым, как свои пять пальцев, представил эту картину. Мало того, он понял, на

какую берёзку указал вождь, так как сам знал её в лицо, и невольно вырвался у него возглас сопереживания: «А пэй!» А голос Укони продолжал вести сказку вперёд.

Привязали воины передовых оленей к нартам, достали верёвки из лосинных шкур. И тихо стало вокруг, замерла речка, деревья стали как изо льда, казалось, тронь веточку – и рассыплется она на осколки, как сосулька. И только взял было воин его за малицу, верёвку на шею одел, к берёзе подвёл, как закричал громко, в испуге:

– Ой - ой - ой! Смотрите, из ноздрей у деда черви лезут!

И стали из дедушкиных ноздрей вылезать и вылезать черви, мухи. Катятся по малице вниз и ползают по снегу. Потом стали вылетать из ноздрей птицы, выползать и убежать в лес волки. Видел это и вождь, испугался. Приказал своим воинам снять с шеи деда верёвку, посадить его в нарту и отправить домой. Сокрушался в испуге вождь, не стесняясь своих воинов, говорил вслух:

– Ой, какой страшный дед! Я впервые вижу такого, а сын его, наверняка, страшнее его, и что будет с нами со всеми, если встретим мы и его на своём пути!.. Отвезите его назад, а что в лабазах нашли, то отдайте!

Выполнили воины приказ своего вождя, отвезли деда в его чум и больше в эти края никогда не возвращались. Ещё некоторое время дед с бабкой и внуком жили одни, и когда солнце перестало садиться за горизонт, к чуму вновь подъехали оленьи упряжки. Вышли из чума дед со своей бабкой, прислушиваются и говорят друг другу:

– Не воины ли опять к нам пожаловали?

– Нет, – ответил сын, – это мы за вами вернулись, – и обнял своих родителей.

Зашли они в чум и стали рассказывать, как провели сезон рыбалки – охоты, сколько добыли и заготовили птиц, зверей и рыбы, сколько смогли купить оленей.

– Теперь, дедушка, – рассказывал сын, – наши нарты тянут олени. А жена его сыну своему и бабушке с дедом вкусное мясо оленьё подкладывала. Счастливы были старые возвращению своих детей, радовались их удачной охоте. А сын спросил чуть в тревоге у деда: «Откуда вокруг чума столько следов от оленьих упряжек? К нам кто приезжал?» И отец ответил ему: «Приезжали ямальские ненцы, отобрали все меха, шкурки, вещи и увезли меня на речку Казым, где ты родился, берёзка там есть высокая. И хотели повесить, а когда увидели, что из ноздрей у меня стали вылезать всякие звери, они испугались сильно. И вождь их приказал меня привезти в чум обратно, со всем награбленным». Сын выслушал эту историю, немного опечалился, но больше удивился и возгордился своим отцом, его мужеством. И поклялся деду никогда больше не оставлять их одних. И до сего дня каслаются по тундре они все вместе...

Засыпая, Мотлюм прокручивал в голове сюжет сказки, подумывая: «А ведь за мной и Укони некому будет присматривать, некому нас кормить, Тойча совсем слабый. Девка эта маленькая совсем, да и не сможет она ставить запоры на реке, ловить зверя. Хорошо, пока ещё сами с Укони крепкие...» Ещё раз прислушавшись в тишине русского двора, Мотлюм уснул.

Лесные ненцы – люди солнца. Вся их жизнь проходит в светлое время суток, а село солнце за горизонт – ненцы повечеряют в чуме и спят. По их поверью, ночь – время леших, чертей и прочей нечи-

стой силы. Поэтому в зимнее время в семь вечера в чумах уже крепко спят. Но и встают они рано.

Проснулся и наш Мотлюм, зажег лучину, Укони затопила печь.

– Сможет девочка сегодня ехать на нарте? – негромко спросил Укони Мотлюм.

– Наверное, ещё надо подождать, – ответила Укони.

Мотлюм попил разогретого чая вприкуску с ершами, оделся и пошагал в лес к своим оленям. В кроне высокого кедра заметив гайно, приостановился чуть Мотлюм, взгляделся в него, подумал: «В тайге мороз, а у белки в доме тепло, спит она и ждёт, когда потеплее будет, когда можно будет грызть сосновые орешки. И человек ведь тоже в мороз, в метель в чуме сидит, прячется, ждёт, когда вокруг станет хорошо». Постояв ещё немного у высокой кедрины, двинулся он по таёжной тропе вперёд, к своим оленям.

– Хома! – произнёс Мотлюм, увидев лежащих в снегу оленей, прожёвывающих во второй раз ягель.

Вокруг привязи на снегу лежал выбитый копытами ягель, а это значило, что место для привязи оленей выбрал он удачно – под снегом есть ягель, и олень насытился. Ещё час работы – и Мотлюм каждого оленя перевязал на новое место, на свежий ягель. Довольный оленями, Мотлюм возвращался на зимовье к русскому с твёрдым решением выезжать завтра, домой. «Как Тойча там в чуме живёт, – подумывал про своего брата Мотлюм, – совсем слабый стал, много не проживёт, наверное, хотя бы до лета дожил, утку жирную, гуся бы кушал – силы бы, может, и пришли. Надо ехать, надо», – подгонял себя в поездку домой Мотлюм.

Последний день на зимовье Андриана он проводил в обследовании строений, было

интересно рассмотреть, как русские строят дома, как кладут брёвна. Залез Мотлюм и на чердак, и внутрь заглянул: А пэй! Так же буду крышу делать, как русский, и брёвна в углах – как русские делают, избушка совсем крепкая будет!

А девочке в люльке понравился, видно, певучий и ласковый голос Укони, она улыбалась и смотрела своими чёрными глазками. И Укони улыбалась, видя, что дитя пошло на поправку, скоро вместе поедут на нарте. В суете, хлопотах, в подготовке к дальней поездке прошли и день, и ещё одна ночь. И ещё одна ненецкая сказка под затухающий огонёк лучины полился из уст Укони. Неспешно, глядя в милые глазки девочки, повела она свой сказ...

Лишь только когда мы в движении – мы живём. Остановились – и всё, жизнь закончилась. «Возьми!» – сказал нам Господь и дал нам оленя. Дар этот взял человек, пробежав по тундре за ним километры и вконец приручив его, обретя тепло из меха его, а из мяса – пищу.

«Возьмите!» – сказал нам Господь, наполнив таёжные реки рыбой. Человек изготовил ловушки и на круглый год насытил свой стол рыбой. Запекая её на огне, в бору сосновом, или просто в тундре, вкушал её вкусное, свежее мясо.

А чтоб было ещё красивей, Господь наполнил леса и тундру зверьём – большим и малым. И птицы выпустил разной. Живи в гармонии, радуйся, иди навстречу жизни!

И в душе Мотлюма жизнь была, да какая ещё! Энергия в нём бурлила, тянула его в лес, на лыжах искать и добывать белку. Пешнёй крошить толстый лёд в промёрзшей речке и добывать там мордушками

толстых, мясистых щук. А в нарте каслаться по синему мареву широких тундр, по черни лесов, речек больших и малых – всё для него было в радость, движение – это как песня, как сказка, только дивись.

Не зря Мотлюм побывал у русских, многое приобрёл, и приобрёл не только материально, но и увидел, как живут русские, как строят, как кладут из брёвен стену. Впечатлила его и железная печь. «Вот бы такую, – мечтал он про себя, – но нельзя иметь такую, заберут те, кто посильней, иль ямальские ненцы». Переполненный новыми знаниями и чувствами, дед бесшумно шагнул своим широким шагом в бор, в котором ждали его олени. Услышав поступь своего хозяина, олени встали, стяхнули с себя снег и замерли в ожидании. Что говорить, энергия пути передалась и им, они тоже соскучились по своей нумтовской тундре, где больше ягеля, где мягче снег, одним словом – где их дом.

На первый взгляд, работа немалая, – три нарты, в которые надо запрячь восемь оленей. Мёрзлые кожаные ляжки нужно расправить, опоясать ими оленей, которые при этом проявляют и выражают толканием, ударами косяных рогов недовольство. В местах соединений ляжки нужно скрепить косяными пуговицами или связать косяными шнурками. И всё это на тридцатиградусном морозе. Но руки делали, их подгоняли мысли о доме, по которому уже нестерпимо ныла душа. Как там? Жив ли Тойча? Побыстрее бы показать ему всё, что купил у русского. И подгоняемые мыслью руки справились. К передовой нарте за повод пристёгнута нарта Укони, к нарте Укони пристёгнул Мотлюм грузовую нарту, и на длинных кожаных ляжках за каждой нартой по три оленя. За повод Мотлюм провёл

до дороги передового быка оленьего обоза и, впрыгнув в свою нарту, поехал на Андриановскую усадьбу.

Утверждая человека как властелина севера, отбрасывая на обочину своего пути щупальца морозов, метелей, снегов, подгоняя оленей баритоном своего необычного голоса, Мотлюм вёл свой обоз со своей Укони и девочкой, над именем которой он ещё не задумывался. Косматые ветви тёмных кедрин как бы рассыпались перед обозом оленьего хода, угодливо пропуская санный обоз вперёд, а ещё через сто метров слышался громкий собачий лай – это зимовье Андриана. Олени чувствовали тяжесть поклажи, но она была для них терпима, добежав два километра до жилья человека, даже не задышали. Мало того – они чуяли предстоящий большой переход домой. Обоз Мотлюма, властелина нумтовской тундры, из студёной северной мглы, как призрак, въехал в зимовье купца Андриана. Неистово лаяли на цепях собаки, чуя нерусский дух, да и что говорить, лёжа спать холодно, а тут повод неистово поскакать на цепи, полаять до хрипоты – время пролетит быстро да и организм согреется, а там, глядишь, и хозяин отблагодарит чем-нибудь вкусеньким.

Обоз остановился в Андриановском добротном зимовье, Мотлюм не спеша встал с нарты, привязал передового оленя вожжиной к копылу нарты и в утренней морозной мгле, стал осматривать добротные постройки русского. Гордился Андриан своим «городищем». Каждая постройка срублена на века, первые семь рядов – из лиственки. Каждую Андриан в тайге выбирал лично простукивая со всех сторон ствол, а когда дерево подавало звонкий голос, на теле его делал насечки, чтоб подсчитать его, а через

год только лесина валилась и шла в кладку сруба. При высыхание ствол становился как камень, ни грибок ему ни почём, ни сырость.

Как призрак в оленьем гусе, Мотлюм тихо ходил по зимовью и поражался невиданным доселе гигантским строениям из дерева. И не только строениями восхищался Мотлюм. Он с интересом осматривал углы срубов и понимал, насколько просто и крепко срублены Андриановы амбары. Вот амбар рубится, ставят стропила, руками Андриан ощупывал стыки, запоминал, представлял, как построит такой у себя на своей речке. «А пэй! – шёпотом восклицал он. – Всю тундру Нумто вместе с Мэйко можно тут поселить!» И тут же в мыслях Мотлюм видел речку свою, озеро Йенто-Яй, где знает каждый изгиб, поворот, в котором водится щука и окунь. В светлых сосновых борах, украшенных ковром из ягеля, слопцы на птицу стоят, там тихо, там Мотлюма дом, там душа его и души богов его. Там всё его – личное.

Зимовье уже проснулась, в коротких тулупчиках вокруг амбаров суетились люди, что говорить – хозяйство. Утреннее безмолвие прервала открывшаяся дверь одного из амбаров, при свете керосиновой лампы с визгом из загона выбежал белый зверь, крупный, на шкуре которого не было шерсти.

«О пэй! А пэй! Лысый зверь! Наверное, можно со шкуркой кушать его», – подумал Мотлюм и пошагал к Укони, оставаясь под впечатлением от встречи с такой диковинкой.

Ненецкая женщина ждала своего мужа, а когда тот шагнул в каморку, то его обдало запахом еды, которую приготовила Укони. Жирные куски оленьего мяса, густой наваристый бульон и внутренний олений жир. Путь далёкий,

мороз – поесть придётся только тогда, когда будет ночёвка, а жирное оленьё мясо – тот самый продукт, который даст тебе силы на весь кочевой день. Неторопливо вкушал Мотлюм дары нумтовской тундры – оленьё мясо окунал в растопленный олений нутряной жир, от чего вкус становился ещё насыщеннее, а чувство сытости приходило ещё быстрее.

В отход от забитого оленя фактически ничего не уходит. С внутренностей зверя собирается жир, после чего он развешивается в чуме на вешала, высыхает и может храниться так очень долго. Перед тем, как его поставить на стол, кусочки жира мелко рубятся на крошки, кладутся в чашу и слегка томятся на огне, получается вкусная, сладковатая и калорийная добавка к пище. Она даёт силы и сопротивление сильным морозам севера. Если сушится в чуме на вешалах олений жир, значит, семья богатая, – есть такая примета у жителей тундры.

Насытившись, Мотлюм выпрямился, поглядывая на чай, который Укони наливала в кружку, и, выдохнув из себя своё удивление возгласом «О пэй! А пэй!», стал рассказывать о своём новом открытии, которое ему удалось сделать вчера на зимовье Андриана. Проходя мимо конюшен, он услышал необыкновенный визг, а когда открылась в загоне дверь, то оттуда выбежал лысый зверь, о существовании которого Мотлюм не мог и подумать.

– Больше, чем россомаха, – рассказывал Укони Мотлюм, – меньше, чем медведь. Круглый и жирный, а шерсти на нём нет совсем, лысый!

Слушая удивлённо, Укони лишь переспросила:

– Как хоть мороз терпит?

– Он живёт в доме лусса (русский), который он ему построил, поэтому и морозы терпит, – объяснил Мотлюма,

обмакивая лепёшку в олений жир и запивая чайком. «Лусса (русский) пища, – рассуждал про себя Мотлюм, – старые люди чай не пили такой и хлеба не знали. Теперь вот все ненцы нумтовской тундры кушают, не кушают разве совсем дикие ненцы, которые и к нам не ходят, сами живут, одни...» Чуть замолчав, Мотлюм разглядывал люльку с девочкой и сказал ей:

– Вот как случается, могла ты поехать к лусса жить, лусса стать, могла ты ханты быть, а вот поехала к ненцам на озеро Нумто жить, вот так великий бог Ямал, сказал. Души лусса забрал, которые на конях везли тебя, значит, будешь, ты ненецкой девочкой и бог твой будет великий Ямал.

Мотлюм допил свой чай, молча одел свою малицу, мужской пояс с ножом и, глядя вперёд, шагнул на улицу. А если мужчина-ненец надел пояс, значит он пошёл на серьёзные дела. Более того, пояс – символ мужского достоинства.

Ненец в тундре или лесу, всегда в поясе, без него разве только за пищей хотя даже при этом, пояс лежит всегда рядом. Большой грех, если пояс лежит на земле, по которой люди ходят ногами, пояс когда не на человеке, должен висеть над землёй. Пояс изготавливается из кожи морских животных, или оленьей кожи, она не разбухает и не намокает. На поясе нет ничего лишнего, всё самое необходимое. Нож с ножнами – это самое главное на мужском поясе. Ножи не только лесных ненцев, но и, в основном, всех народов севера небольшие. Полоска метала, заточенная с одной стороны. Если ты правша, то полоска затачивается справа, если левша, то слева. Хороший пояс – вещь не только необходимая, но и дорогая – за пояс, сделанный по заказу, мастер иногда даёт до нескольких оленей.

Дедушка Мотлюм сам делает себе пояса, и они получают у него. А порою делает их и на заказ. Зачем растить оленя, всегда смеялся он, когда тебе его могут дать и так, если ты, конечно, умеешь делать мужской пояс.

Нож подвешивается к поясу с правой стороны. С левой стороны не подвесишь, он будет мешать при езде на нарте, будет задевать за хорей, цепляться за кусты и ветки при езде по лесу, так что и тут есть свой житейский расчёт. Рукоятка ножа делается или из кости рога оленя, капа или киша. Из киша рукоятка получается более красивой. Киш находят в месте, из которого растут много мелких берёз, её молодки. Это место обкапывают, и извлекают толстый корень своеобразный комок – это и есть киш. У него более насыщенный цвет оранжево-красного цвета и красивый природный орнамент. Мотлюм знал, как добыть из земли самый красивый киш, дед знал, что красивый киш – это когда много мелких берёзок высотой до колена, и чем они гуще, тем орнамент будет красивей. С капа такая красота не получится. Кап это нарост на самом стволе берёзы, который, тоже используется для домашних поделок и имеет порой незамысловатые узоры.

Мотлюма находит место, где из земли торчат кости крупных животных, которые умерли давно, и они-то идут на оформление пояса. Белые, гляцевые, блестят на солнце, и ещё, если от бивня мамонта отколоть осколок и положить на большой зуб, то он сразу перестаёт болеть. В середине пояса Мотлюм подвесил клыки медведя и волка, потому что он смог победить и того, и другого, а поэтому на правах победителя нося эти обереги, провозглашал себя хозяином тундры, где он живёт, и просил их. Волчий клык должен

оберегать от болезней, хранить от волков оленей. А медвежий хранит спину от всяких болезней и с ним охота всегда удачлива. Гордился Мотлюм своим поясом, ухаживал за ним, обновлял его, в середине пояса на красивой подвеске, кость и кожа, висело костяное шило, его Мотлюм сделал тоже из кости древнего животного, без такого шила, жизнь тундрового человека невысказана, ибо всё, начиная от оленьей упряжи до рыбацких ловушек держится на узлах, которые, в особенности на морозе, без такого шила не развязать. И, конечно же, в кожаном чехольчике подвешен точильный брусок. Острый нож, значит у хозяина всё в порядке. Вообще неподпоясанные, считают ненцы – это неряшливые и неудачливые люди.

Вот и всё, общение с русскими закончилось, впереди – путь. Мотлюм своей неслышной походкой обходил обоз, продумывал всё, и, конечно же, в его душе заскребло... Как там его чум, родная речушка? Играли мысли: «Ехать надо, ехать!» Да и что Мотлюм, если даже олени смотрели на своего хозяина и взглядом будто просили: «Домой хотим, в Нумто, там ягель лучше, там дом наш, тундра и озёра».

Мотлюм смотрел на передового быка и шёпотом отвечал ему: «Авка мой! Ты сильный, крепкий, дорогу до дому в любую метель отыщешь. Домой пойдёшь, меня возьмёшь, обратно легче будет, дорога есть, метели со снегом не было». Деловито, не спеша, Мотлюм одел лямки на оленей, пристегнул их к нартам, вывел обоз на дорогу и поехал на зимовье Андриана, которое уже задымило в небо, просыпаясь печными трубами. Как инопланетный корабль, неслышно, обоз Мот-

люма въехал в дома Андриана, остановился, каюр привязал передового к нарте, положил хорей и оглядывая купеческое поселение обратился к Богу: «О, великий небо Бог Ямал! Ты самый сильный и видишь нас всех, я кланяюсь перед тобой! – Мотлюм поклонился в сторону восхода солнца и повернулся по ходу его три раза вокруг себя. – Великий Ямал! Скажи ты мне: вот лусса (русский), он ведь как Бог, у него жилище большое как у тебя, Бога, у него есть ружьё, капкан, хлеб, у него есть всё! Может и он Бог, только земной...?» Мотлюм остановил свою речь, замолк и стал вслушиваться в безмолвную даль, в своё сознание, стараясь услышать, почувствовать, отклик на свой вопрос. Но ответа не было.

В избе открылась дверь, и Укони с заветным свёртком вышла на улицу неторопливым тундровым шагом. Она поставила люльку на нарту, привязала – и снова в избу, ещё ходка – и походный скарб был весь увязан на её нарте. Теперь обоз к пути готов. Вот ведь как: мороз, а люди, спокойно по-хозяйски, не боясь ничего, собрались в дорогу, в которой пути дней пять. С ночёвками в тайге под открытым небом. Вот такие они – люди Севера. Мотлюм глянул на люльку с девочкой, и кашлянув сказал ей: «Ну вот, девка, поедешь ты сейчас домой на Ентойяй, к озеру Нумто, там дом твой! Мордушку на рыбу будешь со мной ставить. Укони тебя в тундру за ягодой поведёт. Тойча ждёт тебя, костёр в чуме делает, Тойча дров не жалеет, что тепло тебе было».

Состояние человека, находящегося в пути, необъяснимо, наверное, и сегодня. Как звезда в небе у человека стоит в сознании конечный пункт маршрута, и что бы он ни делал, все мысли, действия и поступки будут направлены

независимо от обстоятельств только туда. На прощание Мотлюм окинул зимовье купца Андриана, поудивлялся ещё раз радостно размаху его владений, отвязал у копыла нарты вожжину, и нарта двинулась с морозного снега вперёд. Залаляли вслед собаки, заскрипел снег под полозьями, и обоз Мотлюма поглотила северная тайга. И олени, настоявшись несколько дней в чужом лесу, по накатанной дороге рысью тянули свои нарты в желании прийти скорее домой. Там безопасно. Там вкусный ягель. Там Родина.

В предместьях зимовья купца была накатанная широкая дорога с многочисленными отвилками. «Много людей к нему ездят, – делал выводы Мотлюм, – много пушнины возят, богатый лусса». Дорогу Мотлюм знал не интуитивно, а по памяти. Сколько больших речек надо проехать, сколько мелких, а потом, когда дороги кончатся, то по своему следу, эти дни были морозные, и метелей не было. «Посветлу успею доехать до чума этого здорового ханты Киоськи».

Киоська был крупный и разговорчивый, даже болтливый. Вот только бедный. «Почему такой бедный Киоська? – недоумевал Мотлюм, – Лусса рядом, рыбу лови – сдавай ему. Мех добывай, тоже ему неси, и печка железная в чуме будет и капканы – и всё...!»

Позади осталось зимовье, утонул в морозном утре лай домовых собак, не витает вокруг дым печных труб, и чем дальше двигался обоз Мотлюма, тем меньше становилось заметно присутствие человека в этом мире, казалось иногда, что обоз идёт в никуда. Но Мотлюм не думал так, он знал, что до чума Киоськи, семь оленьих одышек. Оленья нарты по дороге может бежать пять-семь километров, после чего нужно в месте, где растёт ягель, свернуть с дороги

на обочину, где олень может отдышаться, порыть снег, достать оттуда ягеля. Это занимает минут десять.

Из заросшей кедровым лесом тайги олени вынесли нарту в мелкий ручей, заросший карликовой берёзой, гуща которой была испещрена куропачьими следами, а по центру ручья виднелся свежайший след – это прошёл выводок выдры.

«А пэй!» – воскликнул Мотлюм. Мамка выдра и семь posledней прошли, оставив после себя борозду в лабиринте таёжной реки...

Укони подгоняла хореом передового быка, и вслушивалась в возгласы Мотлюма, улыбаясь им, подумывала: «Мотлюм какой умный, всё видит и всё знает, нарту до Ентояй доведёт, и не закружится. Малицу ему сшила, дак мороза-то он вокруг и не видит. И пусть его наряд не так красив и бел, как у других богатых, зато в пути таком длинном и в мороз, ему будет тепло от моих трудов! Не зря он держит меня всю жизнь... – возгордилась за себя Уконёчик. – Я ему и одежду шью, и за чумом смотрю, и рыбу разделяваю, всё делаю! И мне завидуют другие, – улыбаясь про себя Укони перебирала в уме свои преимущества. – Девочку привезём, я ей одежды нашью, кормить вкусно буду, вырастет крепкая и умелая, как я! Мотлюм добудет белку, шкурку с неё снимет, а в желудке её полно орешков лесных, мы их на огне поджарим и скушаешь, – разговаривала вслух с девочкой Укони.

Пейзажи один за другим меняли картину природы, и вот группа здоровых кедрин изображали громадного человека, с большой косматой головой. «А пэй! – тут же воскликнул Мотлюм. – Неба Бог, смотрит за нами»

И, вознеся глаза за к нему, прокричал:

«Любим мы тебя неба Бог, кланяемся тебе! Подарки будем дарить!»

Перед бегущим по болотине обозу предстала вереница чёрного леса – это таёжная речка. Увидев её, Мотлюм, приосанился и произнёс: «Шаманить будем сейчас у тебя, речка, готовься, мы уже близко!»

Нарта. Оленья упряжка. Сбруя. Талантливо изобретённый инструмент по гужевому передвижению по тундре. Интересен принцип работы упряжи. Тяговые лямки (оглобли) изготавливаются из лосинных шкур, к самой нарте, к началу полозьев монтируют узел, он из дерева или из кости лося, или мамонта – с двумя отверстиями, диаметром в перепелиное яйцо. Одно отверстие для того, чтобы прикрепить узел к началу полоза нарты, а второе – для прохода через него тянущей лямки. Смысл заключается в том, что лямки (оглобли) скользят в месте соединения их с нартой. Поэтому ни одному оленю в упряжке «сачкануть» не получится. Если один перестанет тянуть, то лямка вытянется, он отстанет, а нарта ему наедет на ноги, поэтому им приходится постоянно перетягивать другого оленя. Так что – хочешь не хочешь, – а надо бежать вместе со всей упряжкой и везти свою поклажу, и обученные олени прекрасно управляют с этим и легко тянут вперёд своих ездоков.

Болотина кончилась, лес стал плотнее, несколько поворотов между высокими елями – и обоз спустился на лёд этой чужой для ездоков реки. Мотлюм встал ногами на лёд, привязал передового к копылу нарты, подметил спускающуюся «сушину» с берега на лёд, подошёл к ней. Неторопливо вытоптал возле неё, снежную полянку. И Укони делала своё дело, глянула на свою живую, развязав пла-

точки, глянула внутрь, улыбнулась и произнесла, скорее всего для себя: «Спит!»

Мешочек, расшитый узорами, из разного звериного меха, Укони взяла и подошла к облюбованному Мотлюмом месту, и на «сушину» выложила кусочки варёного мяса, жир, лепёшку, и маленькое, с ладошку, корытце из бересты, в котором лежали кусочки трухи от берёзы. Мотлюм достал кожаный мешочек, из которого аккуратно достал ненецкий инструмент для добычи огня. Это что-то типа маленького лука, коротенькая стрела, упирается в отверстие в древесине, вокруг неё делается петля из кожаной тесёмки, и при движении лука, петля заставляет стрелу вращаться. От трения стрела греется, затем начинает дымить, и в этот момент подсыпается сухая труха деревьев, ещё одно усилие и труха начинает дымить. Остаётся только подуть на неё, появятся красные угольки, ещё одно усилие – и огонь начинает играть маленькими язычками. Мотлюм выверенными движениями выбил дым и из деревянной стрелы, обогатил это сухой трухой, а когда и она задымила, то подхватил её ладошкой, подул, выложил в берестяное корытце с такой же трухой, ещё чутко поразудвал щёки, и священное действие пошло. Закурил дымок, выдавая округе бархатный аромат, олени притихли, а какие и легли... Хрустальная тишина вокруг и мороз.

Мотлюму предстояло выполнить ритуальный обряд отправляющегося в долгий путь, и поэтому вместе с Укони им предстояло выдержать канон обычая лесных ненцев. Молитвенные обряды. Жертвоприношения лесные ненцы стараются делать на льду. Наверное, потому, что они считают себя ледяными людьми, живущими большую часть своей жизни во льдах.

Ногами Мотлюм вытоптал в снегу полянку перед берестяным коробом, откинул с головы капюшон и, глядя туда, откуда встаёт солнце, начал молитву: «О, великий Бог Ямал! Я приветствую тебя, кланяюсь тебе!» И Мотлюм поклонился Богу, затем сделал поворот вокруг себя и повторил это три раза, Укони автоматически повторяла за ним всё движения. Воистину мужской голос, волевой и сильный, в то же самое время слегка поощий, разливался по льду таёжной реки, окутывая своим звучанием чёрные ели, высокие лиственки, всё в округе замерло и затихло, будто прислушиваясь к словам лесного ненца. И Мотлюм продолжал: «Спасибо тебе Бог Ямал за то, что ты помогаешь мне! Бережешь меня, тепло даёшь и покушать! Кланяюсь я тебе!» И Мотлюм вновь выполнил поклон с разворотом вокруг своей оси. Дымок из берестяного короба вилял и его аромат, казалось, был даже в самом сердце. Мотлюм продолжал: «Помоги, Бог Ямал, преодолеть мне маршрут до озера Ентояй! Оленям силы дай! Сделай так, чтобы при переходе через речки не рвались у оленей лямки! Силы дай моим оленям! Метели не отправляй нам в дорогу великий Бог Ямал, и мы отблагодарим тебя! Во время пути, в мороз и ветер, мы думать будем о тебе Ямал, славить тебя! А когда приедем домой, то подарок делать будем тебе!»

Мотлюм вновь отбил три поклона, и три разворота вокруг себя. Ритуал поклонения был совершён. Мотлюм оглядел свод небосклона, и выдохнув подумал: «Нет на небе тёмных туч, плохо! Бог не увидел и не услышал мою молитву – плохо! Беда может быть».

С таким предчувствием Мотлюм подошёл к нарте, чтобы ехать дальше, но взгляд

его увидел большое беличье гайно, черневшее как раз над местом проведения ритуала. Охотничий азарт мгновенно охватил душу путника. «Белка...!» – кивнул он Укони на тёмную ель и принялся доставать из нарты зачехлённый охотничий лук. А сердцем Укони уже завладела девочка, укутанная в походной люльке, над которой Уконёчек хлопотала и делала действия, понятные лишь только заботливой женщине. Кусочки мяса Укони жевала и давала девочке. Та с готовностью принимала их и смешно жевала, перебирая своими нежными губками. «Кушает...!» – счастливо прошептала Укони сосредоточенному на охоте Мотлюму.

Луки – это была гордость Мотлюма. Он умел делать их сам, и они у него получались лучшие во всей округе. Олены давали ненцы за такой лук Мотлюму не торгуясь. Делал их Мотлюм осенью, именно осенью дерево набирало самую силу. Три дерева брал для изготовления лука Мотлюм – лиственку, рябину и сосну. И вот в руках охотника лук и стрела, у которой вместо острия – шишечка размером с грецкий орех. Зимой в мороз, белки вдоволь наевшись орешков из шишек сосны, ели или кедра, забираются в домики, изготовленные из сухих прутьев ели. В них белка пережидает сильный мороз, бывает в таком гнезде спят по несколько особей. Мотлюм вставил стрелу в тетиву, опробовал натяг тетивы, и когда, убедившись в силе её, взял в руку хорей, которым погонял оленей и подошёл поближе к дереву. Кончик хорей упёр в ствол и стал крутить его, создавая у дерева шорох, после чего несколько раз слегка ударил по дереву, и... Беличья мордочка испугано глядя вокруг выскочила на еловый сучок и замерла, этого момента и ждал Мотлюм – четыре метра, самая убойная

сила для его стрелы. Поднял лук охотник, натянул тетиву, прицелился и – шлепок. Стрела ударила белку, свалив её на снег. Стрела впечатала сонного зверка в ствол, даже не дав ему толком проснуться от глубокого зимнего сна. «Хома...» – поблагодарил кого-то на небесах Мотлюм и снова упёр хорей в ствол дерева, шебурша белок. Услышав такой шорох белка думает, что к ней в гайно лезет соболь или куница, и сразу старается вылезти оттуда, оглядеться, а потом решить, что делать.

«Ещё одна белка!» – проговорил Мотлюм и снова взялся за тетиву своего лука. А Укони – настоящая женщина, она втиснула своё лицо в люльку и рассматривала милое личико девочки, говоря ей ласковые и нежные слова. «Умная будет, – говорила вслух Укони, – глаза у неё крупные и смотрит крепко, никого бояться не будет!»

Женщина. Как много в этом слове. Много дано ей, вот и сейчас Укони, глядя на это ещё совсем незнакомое дитё, практически описывала её характер, читала её судьбу, стараясь не упустить ни одного движения малышки. Вот так – у каждого своё восприятие мира. Мотлюм увлёкся охотой, а Укони маленьким дитём, ещё не подозревая того, что душа её начала влюбляться в это крохотное существо. Вот ведь как – мороз, деревья в морозном инее, а люди в тепле и в радостях. Мотлюм – в азарте охотничьем, Укони – в материнской заботе.

«Пять белок», – произнёс Мотлюм. И положил три на нарту Укони. Быстро – Укони три, Мотлюм две – освободили от шкурок, от потрошков, сложили вместе. Это будет на ночёвке сытный суп. И даже деликатес. В Беличьих желудках белый орех, и его остаётся только подогреть на костре. И блюдо – ароматное, вкусное – готово. Мотлюм,

улыбнувшись, глядя как его Укони красиво, аккуратно сделала дело с обработкой белок, сказал: «Три одышки оленей, и чум будет Киоськи ханты, прошлый раз ехали, через него дорога шла, ночевать будем».

– Он добрый и болтливый, и высокий, – вслух описал Мотлюм местного ханты Киоську, – правда бедный – оленей нет у него. У нас тоже нет, но речка есть, рыбы много. Лес есть, зверя всё пушнины много – у лусса всё купил, – гордился собой Мотлюм.

– Бог Ямал не увидел и отправил нам тёмную тучу со снегом! Видно, сказал, иди Мотлюм без тучи, без снега, метели, возьми вот только в дорогу пять белок, у костра спать поможет свежее мясо! – пояснил ситуацию Укони Мотлюм, отвязал вожжину нарты от копыла и тронулся в путь. Заскрипели на морозе постромки, зашуршали и защёлкали копыта оленей, обоз вновь взял курс на север – к небесному Богу-озеру, на Ентояй, озеро лесного ненца Мотлюма.

– Вот – олень! – Вслух рассуждал Мотлюм. – Не было бы олень, не видел бы лусса, не держал бы капканов, пешней, топоров. Да и земли б не видел другие! Зря оленей своих не держал никогда, теперь покупать буду.

Укони же пребывала в своих мыслях. Бог не дал детей, а тут вот девочку дала судьба. «А что я, – думала она, – я ещё крепкая. И смогу воспитать её, одежду шить ей, всей женской работе научу...» И вдруг откуда-то пришла горькая мысль: «А вдруг её заберут у нас?» Перед взором предстал образ хитрого Мэйко, на красивой нарте, запряжённой пятью самками оленями, забрал люльку с девочкой и умчался с ней, в свою Надымскую тундру.

Хорошо думается под скольжение нарты, когда тебя слегка обдувает ветерок, олени бегут, и мысли тоже бегут быстрее нарты. Маршрут у Мотлюма был в голове отработан до автоматизма, мог даже сказать сколько у оленей будет одышек. Он довольно смотрел на оленей, которые резво и без натуги тащили свои нарты вперёд, с такой же мыслью как и у хозяина, – домой, и Мотлюм не вытерпев заговорил вслух:

– Вот Мотлюм какой умный! Долго утром не спал, а рано вставал, шёл к оленям, перевязывал их на свежее место. Олень кушал ягель, сил набирал, вон спины какие у них круглые, косточек не видать! Нарту тянут так, что, кажется, и не чувствуют её! Мотлюм знает, как за оленями ухаживать! У ханты олени мелкие, у ненцев – крупные, откуда хоть таких берут?

Укони, слушая своего Мотлюма, хореём подбодрила своих быков и думала: «Мотлюм у меня умеет работать, всё знает, нигде не пропадёшь с ним! Он умеет построить на реке запор и следить за ним...! Рыбы много взапор попадает, и Мотлюм умеет построить садок, рыбу запускает туда и она живёт там долго! Мотлюм всё умеет! Сlopцы поставит на глухарей, наловит этих чёрных птиц много, все радуются!»

Вслух Укони напевала про своего Мотлюма, и улыбка сияла на её лице. «Кисы хорошие сошью ему, когда домой приедем!» – подумала она.

Кисы – это наряд, по которому можно сразу сказать, кто ты и откуда. Ибо вышитый орнамент из кусочков шкур разных зверей говорит о конкретной семье, роде её и месте жительства. Искусство, которого достигли неночки при шитье таких кисов, достигло высших пределов. Глядя порой издали на та-

кие кисы, видишь красивые узоры, когда подойдёшь и посмотришь ближе, то увидишь ещё много орнаментов, а когда поглядишь ещё ближе, то ещё увидишь росписи, сотворённые руками человека. Вообще кисы – это зимняя обувь, сшитая из камусов оленя, обычно в обиходе кисы носятся пять-семь лет. Камус – это шкура оленя с его ног, с ног любимого оленя, или осолобого. Подошва кисов шьётся из щётки, ворс шерсти которой направляется назад. Щётка – это толстая шкура из под копыт оленя (ладоней), или со шкуры оленьих или лосинных лбов. Кто побогаче, подошву делает с оленьей щётки, а кто победнее, тот – со лбов. Подошва кисов многослойная, первый слой – это щётка, второй слой – это высушенная сухостойная трава, которая сворачивается под размер подошвы и вталкивается внутрь кисов. Она играет роль компресса, впитывает конденсат и влагу. В кисы вталкивается нога, одетая в чиж. Ноги в такой обуви гарантировано спасены от любого мороза. Минус в этой одежде один – за ней надо ухаживать. После дневной носки, в чуме нужно снять кисы, убрать из них травяную стельку, после чего их вывернуть наизнанку и подвесить на верёвку для сушки. Нога на этот период переодевается в домашние кисы.

Весь процесс ухода за обувью осуществляет женщина. Если ты пошёл на недельную охоту в лес, то за тобой непременно следует женщина, пусть это будет жена, бабушка, дочь, но за обувью нужно смотреть. Зашивать порванные швы, сушить, готовить сменную обувь. Без такой чум-работницы долгий охотничий поход не получится.

Вот так, укутанные меховой одеждой, заботливо и умело сшитой Уконёчком, ездоки гнали свои упряжки далеко на север. И обоз шёл, не молчал,

а пел, говорил голосами своих ездоков. А ягеля, который рос в этих безбрежных просторах, хватало вдоволь всем оленям. Спокойный ход обоза, прерывали громким хлопанием крыльев громадные чёрные глухари.

Очередная одышка оленей. Животные копытами выбивали из-под снега ягель, и жадно поедали его. Мотлюм довольно глядя на крупные грозди ягеля, радостно произносил:

– Какой ягель хороший, у ханты олень сытый будет, совсем не устанет. У нас в тундре Нумто ягель ещё лучше! У ненцев олень крупный, а у ханты – мелкий!

Перед тем, как тронуться, Мотлюм обернулся к копошившейся у детской люльки Укони и сказал:

– Следующая одышка будет у того ханты длинного, может, у него и ночевать будем!

Олени резво тянули нарты, и когда северный день был в своём зените, нарты въехали в просторный и чистый от заваленных ветром деревьев сосновый бор, испещрённый следами домашних животных.

– Длинный ханты будет! – громко крикнул Мотлюм. И души их замерли в ожидании встречи с местным народом. Мотлюм не понимал по-хантыйски, как не понимал ненецкого этот ханты. Но объединял оба народа – уклад кочевой северной жизни. Вот и берестяной чум. «Видать, бедненький ханты», – подметил про себя Мотлюм, зорко всматриваясь в силуэты людей, склонившихся над забитым оленем у чума. Мотлюм остановил нарту вблизи людей, привязал передового, подошёл, и поздоровался:

– Ани торова! – по-ненецки «Здравствуй!»

Хант распрянул над тушей оленя спину, подошёл к Мотлюму, протянул окровавленную от туши зверя руку и

с улыбкой приветствовал его по-хантыйски:

– Вуща, вуща. Вуща...!

Мотлюм как-то недоверчиво глядел на этого ханты, помня о его болтливости и назойливости. А если ещё учесть, что впереди два часа езды по светлому времени, а это тридцать километров к дому, то он понимал, что сегодня не гость этому радушному хозяину берестяного чума. Две жирные воши выползли на его серое ухо и заблестели на крепком морозе. Вот это Мотлюм не любил больше всего, в его чуме их никогда не было, и с этим Укони успешно боролась всю жизнь. А ханты не унимался. Окинув олений обоз, своим любопытным взглядом, кивнув в сторону, откуда приехал Мотлюм, спросил, улыбаясь:

– У русь, был...?

– Да, да... – закивал головой Мотлюм.

Видя, что ненец пошёл на контакт, ханты стал расспрашивать и рассказывать, махнув по своему лицу кровавой от оленя ладонью, окрасив лицо своё в красный цвет, Мотлюму про русского.

– Ханты Бог на небе! – вознёс руки свои к небу ханты. – На лице моём кровь, он видит её и меня видит, я ему молитву говорю, хвалю его, а он мне оленя даёт! – Хвастался ханты. – У русского Бог – вот здесь! – И окрестил своё лицо крестом. – У него Бог во рту сидит, если он так делает, и ещё раз передразнил русского купца с его крестным знаменем. – Ханты ртом мясо кушают, рыбу кушают, а у русского там Бог! – Весело болтал ханты, посмеиваясь над русскими. Вдруг лицо ханты изменилось, весёлость прошла, глаза его уставились туда, где лежал ободранный олень. Бедняга, видать, оправившись от оглушения по голове, очухался, встал на ноги и побежал без шкуры вдаль.

– А пэй...!! – воскликнул

Мотлюм, содрогнувшись от увиденного, поймав в душе тревожную мысль: «Это какой-то плохой знак. Что-то должно случиться». Не дожидаясь развязки событий, отвязал вожжину от копыла нарты, сел в нарту и погнал оленей подальше от этого плохого места. Чем дальше олени уносили обоз от зимовья Андриана, тем ближе представлялись себе места родного дома. Как там Тойча? Терпит ли топить печь в чуме, возить дрова из лесу? Чёрных глухарей в лабазе оставил ему много, мяса белок...? Тойча крепкий ещё, должен терпеть, запор проверять, ещё терпит, наверное!

Проехав ещё одну широкую речку уже по своему старому следу, Мотлюм остановил оленей на одышку, подумав: «Ещё один пробег и надо будет остановиться на ночёвку». Укони привязала своего передового за копыл подошла к Мотлюму:

– Смотрит она и улыбается! Глаза у неё белые-белые, как будто снегу в них насыпали! И грустно опустив голову, добавила. – Вот приедем домой, Тойчу приедет за оленями и грузом, и заберет её...!?

Мотлюм просто посмотрел на неё и сказал:

– Ещё проедем чуть, место увидим хорошее, и остановимся на ночёвку.

Олени отдышались, поели снежку с ягелем, Мотлюм отвязал вожжину. И погнал обоз снова вперёд. От полученных впечатлений мысли вертелись, хотелось поделиться об этом с кем-нибудь. И Мотлюм говорил. То ли Укони, то ли соснам и елям:

– Вот ханты! Рядом с лусса живёт, речка есть у него, в речке – рыба! В речке выдра живёт, выдру добывать можно. У русского печку за рыбу, и за выдру купить можно, а у него в чуме печки нет! Почему? Потому что ленивый ханты, рыбу добудет и кушает её, лусса не несёт! По реч-

ке не ходит, переходы выдры не смотрит, лук со стрелой не ставит, вот и нет у ханты печки. У Мотлюма запор на речке есть, рыбу ловит, выдра добывает, лось добывает. Всё добывает Мотлюм! У Мотлюм чум есть, у ханты из бересты, а у Мотлюма – из оленьей шкуры! В чум приду, Тойче подарок сделаю. У Мэйко оленя купим, забьём, мяско жирное кушать будем!

Мысли мыслями, но глаза уже стали искать в проплывающем мимо взора лесу место, где можно устроиться на ночлег. Да и небо стало сереть, макушки деревьев – тускнеть, день подходил к концу.

«Завтра тайга будет уже расступаться, тундра начнёт появляться», – довольно подумывал Мотлюм.

А глаза искали место для ночёвки. Место должно быть таким, чтобы там был ягель для оленей, и тонкий сухостой для костра. Радостно и грустно смотрел Мотлюм на звериные тропы. Особенно на избитые копытами осиновые островки лосями. Широкие заячьи тропы – какие широкие, на нарте по ним можно ехать. «У нас в тундре столько зайцев много нет», – грустно подумал Мотлюм. А взглядываясь в чёрные высоченные ели и сосны, подумывал: «И как тут ханты в таком чёрном и густом лесе жаивут, в нём, наверное и солнце то до земли не пробьётся? Песец тут следов нету, а так всё есть. У нас вот соболя нет, а тут вон сколько следов их!»

Наконец, глаз опытного ненца увидел то, что ему было нужно в этот момент. Здоровый, в несколько обхватов, кедр под воздействием ветра упал на землю, задрвав веером высоко в небо свой громадный корень. Рука направила передового оленя к нему, а когда обоз остановился, Мотлюм сказал:

– Хома! Хома! Чум будет наш тут сегодня стоять.

Если народ ханты более-менее оседлый, то ненцы вечные странники. То они идут за стадами диких оленей, по принципу – есть вокруг оленьи, есть что кушать. Или каслаются (переезжают) с мест зимовки своих оленей на места весеннего отёла оленей. Отёл прошёл, каслание на осиновку – место, где собирают разошедшихся по пастбищам оленей, в реках ловят и заготавливают в садки рыбу. Сlopцами добывают много птицы – глухарей и капалух. Зима длинная, суровая – всё впрок. Редко бывает, чтоб ненецкая семья жила на одном месте больше трёх месяцев. Поэтому обустроить место ночёвки у ненцев переросло в искусство. Всё учтут, и в мороз, и в дождь, каждое движение, каждое действие отточено.

Мотлюм привязал к нарте своих оленей, взял в руки топор и зачистил основание дерева от торчащих сучков. Теперь площадка. Уконёчек подошла к Мотлюму, взяла его сзади за пояс, и они стали топтать снег. Сначала под собой, дальше Мотлюм пошёл кругом по спирали, и десять минут, как площадка под комлем кедра была готова. Не стояла на месте и Укони. Топором рубила зелёные лапы деревьев и укладывала на снег. Когда снег закрылся пахучими и ароматными сучками, то на них легли несколько оленьих шкур.

Творчество. Хоть и действуют при таких временных сооружениях для ночлега основные принципы – закрытое пространство, костёр. Но при устройстве в морозные ночи у каждой тундровой семьи есть свои элементы творчества, которым беспрекословно следует каждая семья. Мотлюм уже склонился над сушняком и приступил к добыванию огня. А Уконёк продолжала обустроить каркас ночного жилища. Сухостойные тонкие

с руку дерева она укладывала на ствол кедрины, делая каркас, на который после будет уложен лапник деревьев. Крыша такого шалаша – ствол кедрины, на который с обеих сторон уложены жерди, укрытые ветками деревьев. В центре шалаша делается отверстие для дыма. Если не будет такого сооружения, то маленький костёр не согреет, потребуется большой, а для этого надо непрерывно рубить и жечь дрова, для сна времени окажется мало.

Ночь вступала в свои права, ярко загорелись в небе звёзды, в тихом таёжном уголке замерцал огонёк костра – это тундровые люди обустроили себе ночлег. Быстрой походкой Укони взяла с нарты люльку, вслушиваясь в её нутро, бережно несла в импровизированный шалаш.

– Спит! – улыбнувшись, произнесла она. Пригнувшись, поставила люльку на оленью шкуру. – Мотлюм развёл огонь, сейчас тепло будет, кушать будем!

И девочка откликнулась своим наивным детским, холодным и голодным плачем. Трещал огоньком костёр, кидая свои светлые блики на стены убежища, на лица, предметы, даруя всем тёплую жизнь. Укони, оглядывая люльку, которая впитывала в себя тепло костра, уже хлопотала над путевыми продуктами, над костром подвесила котелок, шалаш приобретал жилой вид. Мотлюм ещё кряхтел на улице, более плотно устилая ветками стены жилища, подкидывал к входу сухие дрова, а когда всё закончил, пошёл к оленям. Оленей надо распрячь, и привязать отдельно к месту, где есть ягель. Свитое человеческое гнездо в глухой тайге стало жить обыденной повседневной жизнью. И звёзды, кажущиеся то совсем близкими, то вновь далёкими, благословляли и дарили людям уверенность в дне се-

годняшнем. От костра люлька нагрелась с одного боку и стала горячей, а Укони, воркуя у костра, над своими котелками готовила лялке пищу, не забывая и про себя с Мотлюмом.

– Горячая какая, – улыбнулась она и повернула люльку к костру другим боком.

Тушки добытых днём белок уже начинали кипеть в медном котелке. Ветки лапника стали прогреваться от огня костра, и шалаш стал наполняться ароматом сосновых и еловых веток. Снизу людей от холода защищали ветви деревьев и олени шкуры, бока прогревались костром, и внутри шалаша стояла плюсовая температура. Укони беспрерывно колдовала над котелками, делала стол, выкладывала продукты, утепляла шалаш. Ибо время тоже диктовало свои условия. Нужно было успеть поесть, просушить одежду, выспаться, а утром – снова в поход. В шалаш пришёл и Мотлюм, довольно восклицая: «Хороший тут ягель, много его! Олень сытый будет! Нарту легко потянет!»

Укони, воркуя над своим хозяйством похвалила его: «Мотлюм умный, знает, как в тайге жить!» Мотлюм сел на своё место, и Укони начала его угощать таёжной едой. Пять белок, выложенные в деревянное блюдо, излучали аромат свежего мыса. Беличий бульон Укони приправила белой мукой, он стал густой и приобрёл насыщенный вкус. Ещё чуток соли, лепёшки – и ужин готов. Под правую руку своему Мотлюму Укони поставила берестяной туесок с брусникой. Ягоды повышают аппетит, с ними можно съесть больше пищи чем без них. И обязательное блюдо у северных людей: отдельно в котелке Укони растопила нутряной лосинный жир, в который нужно макать беличье мясо и кусочки лепёшки.

– Хома...! – Довольно про-

изнёс Мотлюм, оглядывая стол, а после паузы, вознёс свои глаза в небо, туда, в чувал, куда выходил из шалаша дым, и сказал своему Богу слова:

– Бог Нум Вэсоко! Слава тебе, Бог лесной, ешь со мной! Слава тебе и спасибо за то, что ты дал мне пищу, огонь и тепло! Благодарю тебя и славлю тебя!

После чего он правой рукой достал из костра горящую веточку и провёл ею три круга над костром по ходу солнца. У ненцев все движения как в помещении, так и на улице, в тундре осуществляются по солнцу. Если ты пойдёшь против хода солнца, то тебе будет плохо.

– Неба Бог! – Продолжал Мотлюм. – Подарок тебе дарю!

И положил в противоположном от входа конце шалаша отваренную тушку белки, кусочек нутряного лосинного жира и горстку брусничных ягод. Чуть сделав паузу, приступил к трапезе.

В импровизированном жилище нависла трапезная тишина. С аппетитом кочующие люди ели пищу.

– Хома! – Приговаривал после еды Мотлюм, – Волки не поют песни, спать будем хорошо!

Действительно, с волками спокойно не поспишь, особенно когда на улице привязанные обозные олени. Укони же ворковала над маленьким дитём. Почти из губ в губы девочка получала сваренное мясо, бульон, а после Укони напоила её брусничным морсом.

Стены шалаша уже прогрелись. И дым не гулял по помещению, не ел глаза, а длинными кольцами поднимался вверх, на самое-самое небо. Мотлюм наелся, откинулся на оленью шкуру, с интересом наблюдал, как Укони ухаживает за маленьким человеком. Вот девочка посмотрела сво-

ими голубыми глазками на Укони, протянула ручку и взяла её за нос.

– У какая крепкая ручка, – заулыбалась Укони. Старательно завернула девочку в тёплый пыжик – шкурку недельного оленя, положила в люльку, протянула руку в гущу веток в стене шалаша. И достала оттуда желудки белок, полные кедровых семян. Желудки – это лакомство таёжных людей. Укони свесила их на палочку и как шашлык придвинула к углям костра. Зарумянились бочка желудков, замаслились, вот такие горячие Укони подала своему Мотлюму.

– Хома! Вииняй хома! – Кивнул головой Мотлюм и с аппетитом принялся есть.

Вот и вечер. Осталось Укони обслужить одежду – кисы. Каждый из них, как вы помните, необходимо вывернуть наизнанку, осмотреть на предмет порыва, при наличии оных зашить и повесить на сушку. Аккуратно вывернув кисы, чижи и малицы, Укони подвесила их повыше, чтобы они хорошо подсохли.

И, конечно же, девочка. Своих детей у них не было, видать, так распорядилась природа, был приёмный сын, но в мальчишеском возрасте он ушёл в тундру проверять на гусей петли, и никто его после этого не нашёл. Девочку нужно потеплее одеть, ещё раз покормить на ночь, уж после этого лечь и самой. Вот такая доля тундровой женщины. Дрова, заготовленные с вечера таяли, поэтому костер в шалаше Укони уменьшила, получалось что спереди тепло, а сзади веял настоящий холод. Люльку с дитём Укони поставила поближе к костру, а сама принялась готовить одежду на завтра.

Пришла пора и выйти на улицу, в нарте взять для отдыха тёплую одежду, и принести в шалаш ещё пару охапок дров. Небо сияло соцветием

звёзд, луна светило ярко, олени лежали у своих мест, нарты, а вон тонкий сухостой, как на ладони всё. И совсем не холодно кажется, – если есть у тебя дела и работа. Мужчина сделал тяжёлую дневную работу. Провёл обоз полста километров, обошёл трудности, сделал ночное убежище, и теперь мог отдыхать, накапливая силы на новый день. Уже лёжа, он прокручивал в голове день, купцовское подворье и вдумывался в тревоге про случай у чума ханты, когда олень со снятой шкурой очнулся и побежал. Конечно, это знак небесного Бога, но какой?

Тот, кто умеет трудиться, умеет правильно делать расклад своих сил, у кого есть план, тот всегда сможет пройти любую трудность. Пусть не сразу, но если он поставит цель, он обязательно найдёт путь, по которому к ней прийти. Если б Мотлюм просто ехал на оленях, не планировал время пути, маршрут, не предпринимал усилий по изготовлению шалаша, заготовки дров на предстоящую ночь, то учесть его была бы плачевна. Обессиленные олени легли бы, одежда бы прохудилась... Продолжать финал бездействия, наверное, не имеет смысла, так как исход его понятен.

День в кедрово-еловом шалаше подходил к концу. Мотлюм одел на ноги свежие чижы, поверх которых кисы, малицу на себя, под которой руки вынув из рукавов, сложил их на своей груди, лежал, вслушиваясь в ночь, побаиваясь в душе ночного пришествия стаи волков. Малица. Это наверное одна из основных и главных одежд северных народов. Её носят и зимой, и летом, и весной, и осенью. Малица – это что-то типа длинной ночной сорочки, сшитая из кожи телёнка, или неблюя (это шкура летнего телёнка). Шьётся и кроит-

ся мехом внутрь. Начинается малица, от щиколоток, и заканчивается у ворота. К рукавам пришиваются сделанные из меха рукавицы, в которые вкладывается мех, что лучше задерживает тепло, а к вороту – капюшон, который шьётся, как говорят, чем богаты. Престижно носить капюшон из шкуры выдры. Попроще – из шкуры телёнка. Малица шьётся оленьими жилами, поэтому швы её никогда не гниют и не рвутся. Со спинной части снимается балонь – толстые жилы. Высушиваются, а после разбиваются на камне, пушатся и нитки готовы. Скручивай их и шей одежду. Великое удовольствие одевать малицу – вталкивая руки в мягкое и тёплое, ощущаешь истинное удовольствие.

Последние дела уходящего дня делала и Укони. В шалаш заготовила побольше дров, укрыла Мотлюма одеялом из оленьей шкуры, разожгла по сильнее огонь, из нарты принесла отварное оленьё мясо, положила его поближе, чтобы утром приготовить побыстрее пищу, и сразу в путь. Почти уснул и Мотлюм, в его мечтах витала только одна мысль: «Побыстрее бы домой, взглянуть на своё озеро Ентойяй, проверить мордушки в заповороте, пройти по тропам, на которых стоят самострелы на выдру». После общения с русским Мотлюм понял, что можно напрямую обмениваться и получать выгоду. Закончила Укони подготовку к завтрашнему утру, подкинула в костёр побольше толстых дров, взяла девчужку из люльки, прижала её к своему телу, облачилась под Мотлюма бок во всё тёплое, и трио кочующих людей уснуло под леденящую сказку крайнего севера. Тела людей слились в гармонии с чёрными ночными деревьями, снующими по лесным тропам животными, с морозом и закованными в ледяной панцирь лесными ре-

ками.

Трещала морозная ночь от ударов сорокаградусного мороза, поднимала на ноги лесных зверей, заставляя их быть в движении и согреваться, добывать себе пищу. Деревья замерли, стали хрупкими как лёд от сковавшего их мороза. В шалаше тлел костёр, и трое спали, ворочаясь и защищаясь от гулявшего в их жилище мороза. Не назовёшь уютным это жилище, но спрятаться от мороза, покушать и поспать, набраться свежих сил можно. Притихла и девочка, прижавшись к тёплому женскому телу она расслабилась и засопела своим смешным носиком.

Философия жизни. Кажется бессмысленно вот так жить на морозе в таком шалаше, летом на комарах в тундре. Возьми и переселись, где тепло и нет комара. Но героям нашим этого не надо, пересели их туда и они не найдут себе места, их потянет обратно в морозы, туда, где весной летят табуны гусей и уток, туда, где бушуют метели и бродят табуны оленей, туда, где их жизнь.

Когда в шалаше стало совсем холодно, а в кострище остался последний струящийся сизым дымком уголёк, Мотлюм проснулся, чтобы не помять своё логово, выбрался из спальных одеял, подсел к костру. Подул на тлеющий уголёк, тот замерцал, и в шалаше вновь заиграли огоньки пламени, несколько толстеньких палочек и до утра огонь не умрёт. И это тоже усилие. Переборол себя, вылез на холм, разжёл костёр, подбросил в него дров – это во много раз упростит утро. Так же тихонько занял своё тёплое нагретое место. И снова уснул уже до утра. Ненцы ложатся спать рано – в семь вечера они уже спят. В четыре утра у них начинается день. Сон в морозную ночь походит на сон в хрустальной холодной тиши-

не – просыпаешься от холода, поворочаешься, затолкаешь нос внутрь одежды надышишь, уснёшь, слышимость идеальная, слыхать, как пробежал заяц или белка, встревоженная неумолимым соболем или куницей, слышен вой волков, вначале страшный, а после кажущийся обычным, только лишь призывающим порою присоединиться к их волчьей песне.

Проснувшись первая Укони. Обязанность женщины проснуться первой. Она осторожно переложив девочку в нагретое собой место, укрыла её, одела на себя сах, и найдя в костре шающий уголёк, раздула его, соединила с другими углями и в шалаше опять затеплилось. Каждым своим действием Укони стала вливать в шалаш и людей энергию предстоящего дня. Огонь разгорался, в котелок набрала снега, поставила его на огонь, положила туда мясо оленя (кусочки с костями, заботливо заготовленные заранее для дальней поездки).

Именно оленина считается среди аборигенов севера самым деликатесным мясом. Лосина – жёсткое, грубое, примитивное мясо, хотя и двухгодовалая самочка лося несколько не уступит по вкусовым качествам оленине. Но особенно у оленя ценится внутренняя жир. При разделке оленя жир с кишок собирается полностью, высушивается и кладётся в укромное место – это пища на каждый день, точнее добавка к пище. В растопленный олений жир мажется постная отварная рыба – щука, кусочки отварного мяса, хлеб. Внутренний жир не выбрасывается не только у зверей и птиц, но и у рыбы жир собирается и идёт в пищу.

В котелок плюхнулись кусочки этого жирного мяса, наготове и макушки багульника – это ненецкий чай. Сделав практически всё, Укони гля-

нула на спящую девочку, та глубоко спала, потом Укони взглядела в костёр и задумалась, изредка то хмурясь, то улыбаясь.

Проснулся и Мотлюм. Поднялся из своих толстых ночных одежд, поглядел на костёр, протянул к нему ладони, погрел пару минут и встал. Волевым движением взял в охапку свою малицу, надел её и шагнул на улицу. Обход оленей – это первое дело предстоящего дня у любых оленеводов и тундровых людей. Глотнул на улице холодного воздуха, оглядел вокруг. Кажется, всё так же, как и было, – и нарты, и олени. Неслышным шагом подошёл к нартам, олени – какие встали, а какие лежали, жевали, поскрипывая зубами, ягельную жвачку. Пару быков Мотлюм отвязал по очереди и привязал к свежему месту, что б ещё больше набрались ко дню сил.

– Порядок, – довольно оглядел всё Мотлюм и взгляделся в чёрную стену речки.

Пим – называл эту речку ханты с интересным именем Киоська. За предстоящий день нужно проехать эту речку всю, до самой вершины, а там будет тундра, и речки, которые текут в отличие от Пима – на север. Мороз холодил тело Мотлюма, он ёжил-ся, но знал, что это пройдёт, плотная еда, тёплая одежда и движение вперёд. Вот то, что спасает человека в сильный мороз. Хорошая сушинка смотрела прямо на путника, Мотлюм, не раздумывая, сломал её на несколько частей, и понёс в шалаш, в котором всю полыхал костёр, а Укони ворковала над своим женским хозяйством. Аккуратно сложив у входа сушняк, Мотлюм сел на своё место, и выдохнул сказав:

– Самый холод на улице! Солнышко встанет, теплее будет!

Укони улыбнулась ему в

ответ, и на дощечке положила перед ним мёрзлую щучку, и кусочек лепёшки:

– Кушай!

Мороженое мясо или рыбу, ненцы едят как разогрев, перед основной горячей пищей, и Мотлюм взял щучку, почистил от кожуры. Мороженая щука ложится с мороза, у печи или огня, и какое-то время выпускает из себя лишний холод. Когда наступает нужный момент, и щука становится чуть твёрже пластилина, ножом срезаются плавники, от хвоста до головы делается надрез, такой же по животу, и шкурка снимается как чулок. Продукт готов к употреблению. Вкусное мясо мороженой щуки и полезное. Мотлюм не спеша кушал мясо, и думал о чём-то своём, скорее всего, о пути, о Мэйко, о девочке, о ловушках, на зверя оставленных в лесу, и запоре на рыбу, глядя в огонь пляшущий перед ним в костре, и знал в уме, как пройдёт день. Щучка съелась незаметно. Чашка ароматного чая из багульника, горстка мороженой брусники тоже манила к себе. Ненцы пьют испокон веков напитки из багульника и чаги. Всё это под рукой практически круглый год, и что самое главное – полезно.

До рассвета было ещё долго, поэтому он откинулся на шкуру, укрылся, закинув под голову руки, задумался о чём-то своём. Укони в искусно сшитом ненецком платье, как заведённая, безошибочно и по порядку делала все необходимые дела хозяйки очага. Дошло дело и до девочки. Склонилась Укони над люлькой, выверенные движения – и девочка сухая, в тёплой одежде лежала в своей новой ненецкой колыбели.

Мотлюм же, лёжа на оленьей шкуре, в уме прокручивал предстоящий дневной маршрут и продумывал место следующей ночёвки. Но работа, расчёты – это вну-

треннее состояние человека, а общение никто не отменял, Мотлюм вышел из своих думок о предстоящем дне, сел, протянул ладошки к огню и стал рассказывать Укони о впечатлениях, после встречи с лусса:

– У лусса, чум есть маленький. Оттуда как выйдет лысый зверь, белый как снег, шерсти нет на нём, и крупный как бык.

– А-пэй! – удивилась Укони. – Куда хоть такой лусса, дрова из лесу возить на нём?

– Какой дрова, он ходит-то кое-как, ноги у него толщиной с палец, и шерсти нет, постоит на морозе чуть и умрёт! Как хоть терпит зиму-то?

– Опэй... А-пэй! – удивлялась Укони.

А Мотлюм продолжал:

– Уши у него крупные, как лопатка, которой зимой роешь снег, чтоб посмотреть, есть ли под ним ягель!

Укони не вытерпев сказала своё мнение:

– Наверное, чтоб от волков защищаться!

– Каких волков, – возразил Мотлюм, – у него зубов-то нет, на морде две дырки и всё!

– Куда хоть такой зверь лусса? – Глядя на Мотлюма, спросила Укони.

Мотлюм задумался, и сказал:

– Вкусный, наверное, этот зверь, вот его лусса и кушает.

Природа бережёт и Бог охраняет таких людей, как Мотлюм и Укони. Злому человеку никогда бы не удалось так лихо преодолевать расстояния в тайге и тундре, как Мотлюму. На его оленей ночью напали бы волки, в пути сломалась бы нарта. Или порвались бы на упряжке ляжки, и олени убежали в тундру, да мало ли... Природа бы не впустила их, и не обогрела бы теплом, как обогревает Мотлюма и Укони с их прекрасной девчонкой, ещё пока не имеющей имени, но уже обретшей родителей.

А Мотлюм продолжал рассуждать:

– Вот раньше люди в тундре оленя добывали, чтобы кушать. Зверя добывали, чтобы шкурка была на одежду, или чтобы кушать. Рыбу ловили, чтобы собак кормить и самим кушать. А теперь шкурки зверя – это богатство, можно поехать и поменять их на муку, капканы, да хоть на что. А олени, много оленей – это богатство, как у Мэйко. И как Мэйко скажет, так все и делают, а я вот скажу – и никто даже не послушает. Пошто хоть так...?

Укони делая свои дела, согласилась:

– Мэйко умный! Если у него оленей много, как комаров летом. Наверное, и сосчитать не сможет.

– Куда столько держать? – Воодушевился Мотлюм мыслью Укони. – Не скушает же он столько их! Говорят ненцы, он каждый день забивает свежего телёнка, после уезжает в стада и спит всего по четыре часа.

Укони улыбнулась:

– Зачем оленей столько портить, мы вот белочек кушали, шуку ели, мяса поедим маленько, и поедим дальше. Один олень кушать нам на год хватит, глухарь кушать в бору есть, весной утка прилетит, рыбу из запора в чум таскать, и оленя мало совсем надо...

В августе оленей забиваем на ягушку, которую можно носить лет десять. Так как сах ягушку Укони шила осенью. Мотлюм всегда для любимой Укони старался забить во время оленя на сах. Шерсть в августе у оленя хорошая, новая и крепкая. Укони очень мягко и хорошо выдмывала шкуру оленя, затем начинала долгий процесс шитья саха.

Ненцы перед тяжёлым днём с утра кушают по два, а то и по три раза. Чтоб хватило сил на весь день, обедов-то и полдников у них нет. А в медном купеческом котелке ва-

рилось оленьё мясо. Аромат его пошёл гулять по шалашу, и чтоб сильно себя не терзать, Мотлюм встал и вышел на улицу. Усыпанное звёздами небо освещало окрестности и видно было всё вокруг, практически как днём. Нарты с оленями, мирно пожёвывающими свою ягельную жвачку, стена чёрного леса вдоль реки Пим, и болотце, на краю которого Мотлюм и соорудил свой шалаш. Разогретое у костра тело дышало, нехотя отдавало тепло крепкому Пимскому морозу, лёгкие дышали с шуршанием – мороз стоял нешуточный. Опытный и внимательный человек сразу определит, есть минус сорок градусов на улице или нет. Для этого надо спокойно выдувать из себя воздух, если он будет шуршать, соприкасаясь с воздухом, то да, есть сорок градусов, если бесшумно, то минус сорока нет.

На горизонте в небе виднелся обоз Нум Вээко, а это означало: завтра потеплеет.

– Хома! – Сказал он больше природе вокруг, чем кому-то, и вновь зашёл в свой шалаш.

– Олень-мясо готово, кушай! – Сказала Укони.

И это значило, что после этой трапезы нужно будет выходить из шалаша, собирать оленей в обоз и двигаться дальше.

Оленьё мясо – это истинная благодать, посланная Богом народу севера. Оленьё мясо имеет особенный вкус, его не надо приправлять луком, специями, его не надо готовить по каким-то особенным рецептам. Самое вкусное оленьё мясо – это просто отваренное в котелке, слегка присолённое. Особенный вкус ему придаёт снеговая вода. У оленя нет невкусных частей туши, съедобно всё. Мотлюм кушал отварные кусочки этого мяса, обмакивая их в растопленный у огня лосинный жир. Вкусно. Об этом говори-

ло его лицо и душа. И Укони склонила голову над своей порцией, кусочек по кусочку вкушая дары природы. Мясо. Бульон. Лесные ягоды. Чуть отдыха. Чай из багульника – и пожалуй всё. Обоз готов идти на север. Мотлюм оторвавшись от своих мыслей, сказал Укони:

– Хома! Мороз хорошо! Лучше, чем метель и ветер.

– Конечно, – согласилась Укони, – ветер плохо. Сейчас бы тут не посидели так хорошо, насквозь бы продувало. Дорогу б перемело, плохо ехать потом наугад.

– Много ночей в метели ехали бы, дорогу искали бы, – продолжал Мотлюм.

Помолчав, Укони несмело сказала:

– Люди бы плохие по дороге не попались. Совсем много плохих в тундре много стало. Выла Паны, год назад убили ненцы с Ямала, оленей и женщин с собой увезли.

Мотлюм прослушал Укони, и ничего не сказал, заканчивая свою трапезу. В костре догорал костёр, его мерцающие угольки как бы говорили: всё, в путь, дорогие. Мотлюм крепче завязал у коленьев кистями тесёмки кисы, сверху на себя одел малицу, и взяв в руки подвешенный под верхнюю перекладину шалаша пояс, вышел на улицу.

Тяжкий труд – на морозе запрягать беспокойных оленей, подумает кто-то... Промёрзшие постромки, ляжки, костяные пуговицы, которые надо застёгивать, скованными морозом пальцами рук, но для ненца это совсем не обременительно, потому что когда твой обоз идёт по заданному тобой курсу, то это песня. Мотлюм запряг оленей в передовую нарту и вывел её в предстоящую дорогу, передового оленя привязал к копылу нарты. Обоз Мотлюма был готов выдвигаться. Укони металась от шалаша к нартам. Походный скарб уложила в

грузовую нарту, ещё один раз – и с люлькой вышла насовсем из временного жилища. Старательно закрепила её на своей нарте, привязала к нарте. Мотлюм, тем временем, видя что обоз готов выйти в путь, задумался, держа в руках вожжину своего передового быка и глядя в чёрные макушки деревьев реки Пим. Мысли его прервала подошедшая Укони, сказав:

– Девочке соску надо сделать, у нас же есть оленья нога замороженная и сушеная оленья оленья! – Укони из жилища сделала аккуратный продолговатый кусок и подвязала к детской люльке.

– Сделаем, – ответил Мотлюм, – до ночёвки доедем сегодня и сделаем!

После первой отдышки оленей по пути стали попадаться лоси, то и дело встающие из снега, и по одиночке, и стадами.

«У нас столько много их нет», – убеждался каждый раз Мотлюм, разглядывая лесных четвероногих великанов. «Вот, – рассуждал он. – Лось крупный, самый крупный зверь в лесу. А волка не терпит, медведя не терпит. Некоторых и росомаха ловит, залезет на дерево и ждёт его у тропы на стволе. Годовалый лось, только подойдёт близко, как росомаха на его шее, а то и сползёт с неё, да вырвет в паху лосином шкуру с кишкой, вот лосю и конец. Не каждый сильный, кто крупный. – Делал вывод про себя Мотлюм. – Вот человек не такой крупный, а добыть любого может, кто вокруг есть. Равного никого нет ему, только Бог выше его».

Глядя на стоящих в густых тальниках лосей, Мотлюм восхищался их размером и грацией: «Вот лось, питается мелкими тальниками, макушками веточек мелкого березняка, корой осины, как

становится таким мощным и крепким? Кости у него как металл, рога как камень, шерсть, да всё в нём могуче, и это от съеденных веточек...?» Ответа не было, были лишь мысли, полные изумления. Табун лосей остался позади, а обоз шёл дальше и дальше на север.

Нарты – творение рук и мысли человеческой – покорно несли на себе поклажу. Нарта – изящное, крепкое, без единого гвоздя созданное, сооружение для перевозки людей и грузов круглый год. В основном, нарты изготавливаются из лиственницы, берёзы и ели. Они представляют собой сани, двух метров длиной, и метр ширины. Особенность нарт в том, что они прочны и устойчивы даже на больших скоростях. Есть даже детская загадка про нарты:

«Олень от них убегает,
А они всё следом бегут,
А они от него не отстают!»

Как правило, заготовки нарт делаются загодя. А дети приучаются к их изготовлению практически с пятилетнего возраста. Тундровые дети вообще взрослеют быстро. Десятилетние мальчишки умеют ездить на нарте, запрягать оленей, ставить в сосновых борах слопцы на глухарей и проверять запоры на рыбу.

Мотлюм вспомнил, что у него лет с трёх был собственный нож для работы с деревом. Помню, мы с отцом вместе смастерили гимгумордушку. Под его чутким руководством он настрогал жёрдочки для гимги. Так постепенно он от отца научился тонкостям мастерового дела. А девочки умеют шить одежду, варить мясо и рыбу, держать чум в надлежащем виде. В свои десять лет все дети трудятся наряду со взрослыми.

ми. Собирают в лесу ягоды, ловят рыбу, проверяют лопушки на зверей. Жизнь и условия жизни заставляют это делать сызмала.

Хоть Мотлюм был и вдали от дома, но и эта Пимская тайга была для него нечужой. Он читал звериные следы на снегу и продумывал варианты охоты на того или иного зверя или птицу, которые оставили свои следы на таёжном снегу. Вон – касачинные лунки в снегу, птицы зарылись в сугроб, набив свои зобы почками от берёзы и спят, пока не придёт метель, а с ней и оттепель. С хореем можно их наловить. Хорей – это длинный шест для управления упряжками оленей. Как-то возвращался на оленьей нарте Мотлюм с соснового бора, за белками охотился, день пустой прошёл, одну белку добыл, а исходил на лыжах десятки километров. Голодный. И в чуме кроме ершей не было ни кусочка. А так бы хотелось горячего, ароматного мяса с бульоном... И вот, проезжая болотину, Мотлюм увидел касачинные лунки, да много – табун целый улёгся спать под слой снега. Мотлюм остановил бег быков, привязал передового к копылу нарты, взял в руки хорей, и, не создавая шума, пошагал к этим лункам. Первый косач выскочил прямо из-под ног. Его Мотлюм коленкой прижал в снег, отвернул ему шею и подняв хорей как струну над снегом, замер в ожидании. Дальше пошёл азарт. Кто – кого? Птица охотника обведёт вокруг пальца, или охотник – птицу? Поводя вокруг себя глазами, убедившись, что табун спящих птиц под снегом и не ведает, что над ними нависла опасность, приступил к охоте. Шаг вперёд и кончиком хорей как бы «крадуче» капнул самую ближнюю к себе тетеревиную лунку, шуметь нельзя, проснётся весь табун и улетит. Встрево-

женная самка, взрыхлив снег вышла из снега, оглядываясь вокруг, но хорей, не дав ей опомниться, зажал её в снег. «Хома, – мысленно тогда обрадовался Мотлюм, – свежий суп на вечер уже есть!» Сзади него встревоженные человеком взлетели ещё две птицы, но на них охотник не глядел, впереди было много тетеревиных лунок. Охотником руководил только азарт, никого он не хотел видеть и слышать в этот момент, кроме как птиц, ничего не ведающих о нём. Наверное, и в жизни мы часто не видим источник опасности, доверяясь расположению, окружению, теплу и уюту. Вот так, на цыпочках, точными действиями, поймал Мотлюм с десяток птиц. А это – три дня хорошего питания со свежим мясом. Птица – диетическое мясо, поев его, долго в трудах не продержишься. Его обычно кушают, когда работа неподалеку от чума. Зато вкусовые качества у дичи – отменные. В бульон подсыпается горстка муки, чуть соли, и царское варево готово. Вкушай и наслаждайся дарами природы.

Обоз Мотлюма, как корабль, плыл по тайге реки Пим. Укони за ним летела на своей нарте и напевала:

– Муж мой Мотлюм – хороший мастер, им сделанная нарта с четырьмя копылами, полозья нарты, словно птицы, летят по священной земле реки Пим. Обоз я веду умело и красиво. Мои Мотлюмом обученные олени быстры и красивы. Хэя-хэя! Я – ненецкая женщина из древнего оленного рода. Мой обоз едет красиво, словно умелым мастером сплетённый аркан...

Мотлюм слушал и гордился. Их обоз двигался по лесотундре. Пейзажи, как картины, меняли панорамы и виды. Смотри и мечтай – фантазируй, глядя на такую красоту. Вот болотина, изрытая следами лосиного табуна, а вот

мыс кедровый языком вдаётся в болото, а там виднеется остров, посреди этой громадной болотины. Эх ветра каслания, виды, мечты, есть что-то в передвижении, путешествии с места на место, что-то необъяснимое, что заставляет по-новому мыслить, оценивать, сравнивать...

Неожиданно Мотлюм увидел впереди что-то похожее на след оленьих нарты, перебежавших дорогу его обоза. Когда передовой олень поравнялся с этим местом, то действительно, оказалось, что несколько оленьих нарты только что прошли здесь. Мотлюм остановил своего передового, завязал повод за копылу нарты и подошёл к чужому следу, вглядываясь в него, стараясь определить количество нарты. Рукой на крепость взял один след чужого оленя, и он рассыпался в руке. Не оборачиваясь к Укони, произнёс:

– Вот – недавно прошли нарты десять. Если б давно, то олений след бы застыл и остался бы в руке комком.

Со своей нарты, Укони угрюмо произнесла:

– Наверное, это плохие люди, надо ехать быстрее.

Было понятно, что Мотлюм со своим обозом был подарком для любого, кто посильнее. Это значило, что действительно надо было ехать быстрее, тем более, что следы с ними расходились под девяносто градусов крестом. Они ехали на запад, а Мотлюм – на север. Если день езды каждого, то между ними будет шестьдесят километров. И Мотлюм отвязав своего передового оленя от копыла, погнав вперёд, уже погоняя своих оленей быстрее, чем прежде. Было понятно, что если захотят – то догонят, не захотят – то и разошлись с Богом. День форы – это по северным понятиям много. Олени почувствовали новую тревожную энергетику своего хозяина, и широким

шагом понесли свои нарты вперёд, подальше от опасного для них места пересечения с чужим оленьим обозом. Началась этакая гонка. Крепко держа вожжину в руках, Мотлюм мысленно разговаривал с Богом Ямал, прося его: «О, великий Бог Ямал! Прошу я тебя! Что б увёл меня ты от этой опасности. Что б не погнались они за мной. Что б оставили живыми меня, мою Укони и девочку лусса! Уведи их нарты в землю ханты, пусть там они ищут своё счастье и богатства, а меня приведи в моё Йенто-Яй, в вершину реки Казым.

Шелестели копытами сзади и олени в нарте Укони, обоз летел вперёд на север, не оставляя шанса мнимым преследователям догнать его. Обоз прошёл большое болото, переехал речку, и снова болото. Можно теперь дать одышку оленям, из поля видимости обоз ушёл. Олени с жадностью поедали выбитый копытами из-под снега ягель, скрипя зубами. Мотлюм же повернувшись к Укони, рассуждал:

– Около десяти лёгких нарт прошло, это не обоз. Это ненцы, ищут, чем поживиться. Не зря мы молились небу Богу, на речке. Он нас с ними не свёл, так бы всего лишились. И нарт, если б живыми оставили б нас, неизвестно.

– Конечно, – согласилась Укони. – Что могут делать десять мужчин на лёгких нартах, только б найти кого-то, у кого можно что-то забрать, – а чуть помолчав, добавила, – И убить.

Дыхание оленей успокоилось после пробега, они мордами разгребали снег и не спеша доставали из-под него ягель. Сорокаградусный мороз не ощущался никем. Со стороны севера на горизонт, начали наваливаться тёмные тучи. Мотлюм, оставив свою нарту, пошёл вдоль обоза, внимательно разглядывая всё

– от крепления груза до оленьих лямок. Всё было сделано собственными руками. Оленьи постромки, часть которых Мотлюм сделал из лосиных шкур, а часть из оленьих. Пуговицы на постромках – из костей мамонта, и рисунки на них, мотивы которых говорят о Мотлюме и его предках. А когда убедился, что проблем никаких нет, ещё раз взглянув в чёрные северные тучи, сказал:

– Надо каслаться, сегодня день хороший – проедем много.

Олени уже отдышались, хапнули ягеля, некоторые уже легли отдыхать на снег. Передовой как бы и ждал, и только поднялся в небо хорей, как морда оленя и ноги устремились вперёд, к озеру Нумто. Что даёт, что будоражит душу человека? Погоня? Азарт? Гонка? Ответа нет на этот вопрос. Мотлюм любил и охоту, и рыбалку, в азарте которых сердце порой вылетало наружу, но потом всё это отступало, сердце успокаивалось и его вновь тянуло в свой чум, к Укони, которая встретит своим ласковым голосом, переоденет в сухое и чистое. И подаст незабываемый кулинарный набор блюд, а когда вдоволь наешься, то расскажет самую интересную историю про жизнь тундровых людей. Не раз она спасала его – отогревая от обморожений и истощения в его блужданиях по тундре. Всё, что у Мотлюма было связано с Укони – это тепло, вкусная еда, тёплая одежда.

«Откуда всё знает она и умеет?» – всегда восхищённо задавал Мотлюм себе вопрос, придерживая вожжиной ход передового быка. У ненцев жизненный уклад – неторопливый. По поверью торопиться – это идти к смерти. Всё надо продумать, отмерить, рассчитать, сохранить силы.

Укони ехала на своей на-

рте, в радостных мыслях: «Ненцы в других чумах бьют своих жён за всё. Убивают некоторые даже. А Мотлюм хорошо меня держит. Охотник умелый – белку добудет, лося. Шкурки добывает в речках, всё у него есть. Нарты делает, на оленей их меняет. Запоры на реке строит, рыбы много у него всегда, тундровые приезжают, берут у него её, взамен – мясо оленя дают. Когда я ему пошью кисы или малицу, он хвалит меня, оленя даже один раз подарил мне белого с большими рогами».

Чем больше становилось у Мотлюма за спиной речек, болот, и перелесков, тем дальше его обоз был от того проклятого пересечения с опасностью. «Две отдышки оленей уже от них, – отмечал про себя Мотлюм, – уже не догонят».

Олени бежали неспешной, но уверенной рысью, с каждым шагом приближаясь к родной Нумтовской тундре. Казалось бы, два дня пути, но как поменялась природа! На смену плотной тайге стали появляться большие болота. И макушки деревьев уже не такие высокие. «Как хоть они живут в такой тайге? – думал Мотлюм. – Если среди неё и неба не увидишь. Нумтовские сосновые бора просторные, ягельные. В них любит и птица жить, и олень на ягеле жировать. На сосновых шишках вольготно живёт белка, а белка – это лёгкая добыча и свежее мясо, а значит спасение ненцу в зимние короткие дни».

И вот ещё одна оленья одышка позади, можно и покормить оленей, дать им отдышаться. С болотца взлетел чёрный глухарь, чуть отлетев, сел на макушку высокой лиственницы, как бы приглашая: «Давайте отдохнём вместе». Олени свернули с дороги, уткнулись мордами в снег, глубоко дыша впалыми боками, Мотлюм опустив хорей, смотрел на них и прислу-

шивался к таёжным звукам Крайнего севера. Короткое зимнее солнце уже стояло в зените, и глянув в его сторону, Мотлюм сказал, обернувшись к Укони:

– Ещё две одышки, и будем искать место ночёвки. Владыка подземного мира Нга пропускает нас обратно. Не замечает нашу дорогу, не покрывает речки водой, не рвёт у оленей лямки, не пускает вслед за нами волков. Подарок надо делать ему!

Тем временем, олени бока успокоились, олени накопили ягеля, и олени морды, лениво пережёвывая его, косо посматривали на своего хозяина. Мотлюм чувствовал состояние и возможности оленей, поэтому знал момент, когда оленей можно снова погнать вперёд. По-другому нельзя. Ты и олень в пути – это одно целое. Пропадёшь ты – пропадёт олень. И наоборот. Таковы законы тундры.

Любимое число у Мотлюма – семь. В идеале семь одышек в мартовский день оленья упряжка терпит. Сегодня нет – мороз и короткий, четыре часа, день. Ещё раз хорей поднялся в небо над головой передового быка, а нарты вновь взяли курс на север.

Знал хитрый Мэйко про пунктуальность своего друга детства Мотлюма всё. Знал, что Мотлюм – аккуратный исполнительный товарищ, поручи ему любое дело он и выручит. Когда Мэйко собирал свой первый табун оленей, Мотлюм был самым надёжным пастухом и подсказчиком в том, как правильно вести его дело. Мотлюм подсказал Мэйко что осенью стадо оленей надо загнать в сосновый бор, что б ели грибы и быстро набрали вес. Зима будет плохая. Мэйко послушал Мотлюма и собрал своё тогда ещё небольшое стадо в сосновом бору, год был грибной. Олени быстро набрали вес и

стали упитанными. А потом осень, ноябрь и оттепель, на толстый покров снега выпал дождь. Образовался наст. У других оленеводов олени мёрли, лишь только потому, что копытами не могли пробить образовавшийся наст. А олени Мэйко выжили, им хватило накопленного жира, что б пережить этот неблагоприятный период. Мэйко в тот год подарил Мотлюму семь оленей в подарок.

Оленеводство требует всецелую самоотдачу. Оленеводы не ловят рыбы. Проще обменять оленя на добытую другим рыбаком рыбу. Мэйко всецело посвятил тогда себя оленеводству. Вокруг себя он собрал молодых и крепких ненцев, которые могли всё. Мэйко касался с ними на Ямал, и отбирал у Ямальских ненцев оленей и пригонял их в Нумтовскую тундру. Так собралось у него многотысячное стадо. Наладил контакт с лусса-купцами. Всё было у него: и ружья, и копыя, всё что надо для жизни, всё было у Мэйко. Жёсткая дисциплина. За хищение у него оленей он убивал, не разговаривая. А убитого подвешивал за подбородок в тундре на одинокой сосне, что б другим было не повадно. Незаметно Мэйко стал не только самым богатым, но и самым влиятельным ненцем в Нумтовской тундре.

Отношения их с Мотлюмом хуже не стали. Мотлюм в любое время приезжал к Мэйко в гости и был всегда достойно принят. В честь его приезда Мэйко всегда забивал самого крупного, самого упитанного оленя. И неслучайно просьбу своего «друга» забрать девочку за дорогие припасы у Андриана, Мэйко поручил самому надёжному другу – Мотлюму. Любой мог с этими нартами и припасами уехать далеко и жить в достатке. Но Мотлюм – не такой, честный. Мэйко знал это твёрдо.

Обоз Мотлюма двигался дальше на север, к дому. Олени несли свою ношу, и даже не надо было их погонять, только шелест копыт и скрип нарты нарушал тишину. В морозы зверь не спит, он весь на ногах. Волчьи следы и по следу нарт, и поперёк дороги виделись по всему маршруту. Иногда волчьи следы на снегу было тяжело отличить от лосиных, ибо волки буровили снег, по самую грудь. Попадались росомашьи следы, они шли поверх снега, как и лисьи.

Дорога пошла наверх, на высокую сопку, постромки натянулись, олени стали работать «внатяг», краем глаза Мотлюм посматривал на натянутые лямки и довольно отмечал: «Выдержат». Педантично и аккуратно летом и

осенью Мотлюм резал лосинную шкуру на полосы, после их размачивал, отчего с них спадала шерсть, после чего он их сушил, а после – мял их через скобу или дерево.

Ну вот, обоз и на сопке, на которой расположен просторный сосновый бор. Казалось бы – красота, вверху, просторно, ягеля много, нет лучше места для ночёвки, но Мотлюм знал: холодно спать в бору зимой, в мороз выбирают место к болотине или к реке. Если в бору земля мёрзлая, то в болотине – талая, поэтому и холодить так не будет от земли, как в бору. Медведь – не дурак, именно в таких болотистых, речных низинах делает он свою зимнюю берлогу. Следы соболя будоражили воображение Мотлюма. Такого зверька он добывал только раз в жизни. Соболю попался в глухаринный слопец, в тундре он не жилец, а тут в этих краях, следов его много. Говорят, лусса любят всех больше соболиные шкурки.

Закончился подъём, потом бор, и вот уже нарты напирая на оленей неслись вниз, где-то внизу снова должна начаться речка. И Укони на нарте как одно целое шли вслед за передовой нартой, голос её покрикивающий на оленей, то усиливался, то вновь утихал. Мотлюму нравилось слушать его, ибо он передавал все эмоции Укони, и в моменты опасности, когда нарта шла в поворот, и в радости, особенно, когда из снега, вылетал громадный чёрный глухарь. Укони с оленями разговаривала, как с малыми детьми. То сердито покрикивала на них, то хвалила, то просила их.

Нарты слетели с сосновой сопки вниз, началось густо заросшее молодняком болото, с которого по одному, по два слетали разбуженные обозом тетерева. Взгляд Мотлюма искал место, где можно устроить ночлег и вот – лесина,

упавшая от ветра, с застрявшей макушкой в другом дереве – изготовленное природой место для хорошего шалаша. Потянул на себя вожжину, остановил передового оленя, и не оборачиваясь сказал:

– Можно ещё одну отдышку пройти, но лучше тут ночуем, место получше сделаем, что б теплее было!

– Конечно... – даже не раздумывая, ответила Укони, холоднее становится, кажется!

И дело пошло. Мотлюм распрёг быков в своей нарте, и привязал их к отдельному деревцу – на свежий ягель, не торопливо из нарты достал топор, и пошёл к месту ночёвки. И снова работа, работа, лишь только для того, что бы выжить, иначе никак.

Уже совсем скоро из нового жилища комками вываливался дым, и, как обычно, не поднимался ввысь, а тут же стелился к земле, обволакивая собой макушки багульника, торчащего из-под снега, ветви светлых сосен и тёмных елей.

Глядя на Укони за её женской работой не чувствовалось никакой тяжести выживания, она как бы с озорством делала всё, чтобы жить наперекор этим сильным морозам. Вот в котле забулькало оленьё мясо, аромат пошёл... Укони хотелось сделать так, чтобы Мотлюму понравилось то, чем она его кормит. Чтоб он довольно поел, потом откинулся взад, на оленьи шкуры и сказал: «Хома!»

Укони подумывала и хотела угостить его любимым блюдом – каньгой, и хотела, чтобы побыстрее случился этот момент. Каньгу Укони умеет делать вкусно. Для её приготовления нужен только что забитый олень. Из его верхнего желудка берётся непереваренный ягель, который Укони смешивает с голубикой, шикшой, брусникой – блюдо готово. Когда Мотлюм ест каньгу, то всегда хвалит её,

говоря, что только она умеет её так вкусно делать. Пока это мечты, а сейчас Укони к кипящему в котле мясу положила возле костра оттаивать чернику, она очень хорошо она идёт к варённому оленьему мясу.

Вместе клубами морозного пара в шалаш, откинув у входа оленью шкуру, втиснулся Мотлюм. Старательно, сухой палочкой отбил с подошв своих кисов снег, оглядел всё вокруг и лишь после этого воскликнул:

– Как тут у вас тепло!

А Укони, приветливо кивнув, продолжала делать своё дело во благо, всех, кто находится под её женской опекой. Гусь Мотлюм аккуратно положил на своё место, где будет есть и спать, после чего аккуратно сел туда и осмотревшись кругом, спросил:

– Как наша девочка, живая?

– Живая-живая, – с улыбкой ответила Укони, – соску сосать ей делаю, из оленьего мяса.

И Укони мелодичным голосом стала рассказывать древнюю легенду, которую когда-то слышала от своих родителей:

– Эта легенда родилась давным-давно и передавалась из уст в уста. Жил на небе самодийский верховный бог Нум со своими тремя сыновьями. Бог Нум был высоким, статным мужчиной с божественной белизны светлыми волосами и небесно-белой бородой. Глаза его были небесно-голубого цвета. Вся одежда на нем была бело-золотистого цвета. И его три сына были очень похожи на него. Он каждый день объезжал свои небесные владения на золотой нарте, запряженными пятью белоснежными оленями. Дети его подрастали. Сыновья всегда старались спрашивать отца о дальних поездках, о людях. И очень просились на землю. Отец

понимал, что придёт время, и каждый из сыновей будет определен на своё сакральное место, исполняя божественный долг перед людьми. Бог Нум взял одного из сыновей, которого он очень любил, в дорогу. Во время поездки сын Нум (названный в честь него) упал с нарты на землю и стал озером. Он раскинулся на земле, словно человек. Бог Нум очень долго оплакивал сына, ходя вокруг него. Слезы его образовали болото вокруг озера Нумто, это и есть слезы бога Нума, потом превратились они в реку Надым и попали в Обскую губу и дальше. Велико было горе бога Нума. Второго сына отправил на самодийское озеро Пяку-то. А третьего увез на остров Вайгач. Невидимая нить божественной силы Бога Нума связывает трёх сыновей и сестру. Те, кто побывал на этих священных местах хорошо чувствует духовную связь. Сестра бога Нума Касум пувща присматривает со священных мест верховьев реки Казым за сыновьями бога Нума.

Касум Пувща – ненецкое божество женского рода. Она покровительница семьи, она оберегает всех людей, живущих на нумтовско-казымской земле. Ханты говорят о ней Вут ими.

Прослушав сказку, Мотлюм облегчённо поделился с Укони своей думкой:

– Завтра ещё полдня пойдём – вершина Пим будет, а там тундра. И уже вершины наших рек будут.

И вновь его глаза унеслись, уже в родной чум, с его запорами на рыбу, ловушками на зверей, к Тойчу, который с нетерпением ждёт их возвращения. Мысли его прервали волки, вой одного хищника раздался где-то неподалеку от них. Мотлюм вслушался в вой волка, и произнёс:

– Где олени, там и волки. Тут, наверное, лосей много,

поэтому хвостатые звери ходят.

Но оптимизму волчья песня никому не добавила. Волки редко нападают на жилище, где есть человек, но в тундре случаев разных было много. С другой стороны раздался другой голос волка, это стая после прошедшего дня перекликается таким образом, что бы в ночь выйти на свою волчью охоту.

Укони подала Мотлюму ночные кисы, с чижами, те в которых он был днём, нужно очистить от снега, вывернуть и повесить сушиться. Мотлюм передел обувь, вышел на улицу, накинув на себя малицу, и послушав волчьей песни закричал, простучав дровяной палкой по дереву:

– Уйди хвостатый зверь! Мои это олени, не твои! Нож возьму и стрелы с острым жалом, если полезешь ко мне, – и сколько было в лёгких воздуха – закричал. Лишь только звёзды в ответ играли в небе, да мороз окутывал сначала плечи, по ним спускался в поясицу, а когда уже от холода стало невтерпёж, Мотлюм взял нарубленные из сухостоя поленья и занёс их в шалаш. Сев на своё место, продолжая смотреть наполненными злостью глазами, добавил:

– Дам им воли и нас съедят вместе с оленями!

– Повоют, повоют и замолкнут, – ответила Укони, не отрываясь от своего женского дела. Кому-кому, а ей за свою жизнь в тундре, довелось послушаться волчьих песен. Практически не бывает, что ненцу, живущему в тундре или тайге, кто-нибудь бы не угрожал.

Укони положила перед Мотлюмом кусочек мороженого оленьего мяса, придвинула берестяную чашечку с оттаявшей у огня черникой. Поход есть поход. Мороженная оленина – это просто привычная еда, она привычная, вкус-

ная, в ней есть оттенки разных вкусов и поэтому она кушается всегда. О парной оленине пока мечтать не приходится. Свежезабитый олень, с горячей ещё кровью, тёплым мясом имеет совсем другие вкусы, чем мороженный или охлаждённый, у него другой аромат.

Мотлюм аккуратно отрезал от кусочка мяса пластинки, стараясь так, чтобы на мясе после среза равномерно оставался белый жирок, и неторопливо ел, стараясь поймать вкус самого любимого для ненца оленьего мяса. А Укони из котла выловила и положила на дрова кусок отварного мяса с толстой жиллой, глянув смешно на Мотлюма, пояснила:

– Вот соску будем делать для девочки!

И отрезала нужный кусочек с жиллой, от куска, который тут же уложила обратно в котёл, для варки.

Укони подвинула к себе люльку, заглянула туда, и ласково заговорив с девочкой, предложила ей:

– Ну-ка, покушай мясо?

Девочка, натерпевшаяся за день мороза, тряски, не понимая происходящего, как за палочку спасения ухватила своими крохотными губками за таёжную детскую соску. А когда взяла её в рот и попробовала, почувствовав вкус оленьего мяса, увлеклась её рассасыванием.

– Кушает! – Радостно сообщила Укони.

А девочка увлеклась новым занятием, рассасывая оленью соску, забыв обо всех холодах и трясках. Волки прекратили свою перекличку, остались только звуки горящих поленьев в костре и житейская суэта. Мотлюм справился наконец со своим оленьим куском и откинулся взад на малицу, поглядывая за своей Укони, а когда надоело молчать, подбодрил её, сказав:

– Жги дрова, жги, место тут хорошее, много их тут, за зиму не сожжёшь!

Укони улыбнулась и ответила:

– Мотлюм умный, знает где ночь выбирать! И дрова есть тут, и корм оленю есть, и шалаш знает, как правильно поставить, чтоб тепло было и не боится никого. Ты, Мотлюм, наверно, такой и родился?

Мотлюм подумав чуть, ответил:

– Нет, трусливым был, когда маленький рос. Отец меня попросил покараулить весной забор на рыбу, мог засориться плывущим прошлогодним листом и его течением бы снесло. Сказал: «Как сору много появится, то беги в чум, буди меня». И оставил меня весной у запора, чум был тогда на реке Ину Чини. До чума немного было, помню. Ушёл отец, я посидел у запора – страшно стало. Вдруг медведь придёт, или волк – поймают меня... Страшно стало, я взял и пришёл в чум, зашёл, смотрю на отца и заплакал! В душе проклиная себя, за то что нарушил отцовский наказ и ушёл. Отец посмотрел на меня, потом на маму, потом снова на меня, и сказал: «У тебя есть возможность исправиться! Иди сын снова на речку и дежурь у запора, а утром я тебя съем». Я радостно кивнул ему в ответ, отвязал собаку и бегом обратно – ночь пролетела как один час. С тех пор я и перестал бояться находиться один в тундре, и мало того, стал в ней самостоятельно работать.

Укони слушала его, не отрываясь от девочки, стараясь кусочек по кусочку, накормить её вкусным. Потом доложила:

– Всё кушает!

И снова увлеклась кормлением девочки. Мотлюм приняв информацию, довольно подметил:

– Значит, жить будет, ста-

нет крепкой!

А Укони щебетала, разговаривая с ней:

– Мотлюм у нас сильный, умный! Всегда в тундре свежего мяса добудет, рыбу поймает, живи с ним да живи!

И глянув на девочку, с гордостью произнесла:

– Никуда мы с тобой от Мотлюма не уйдём, никому не нужны!

Как метеориты мчатся по небу, как солнце быстро идёт по небосклону, так же быстро и пролетел вечер, казалось бы, недавно начавшийся. Путники хорошо поели, нагрелись от костра, ещё чуть посуетившись, укутались, зарылись в меховые одежды и крепко уснули.

Первой, как обычно, проснулась Укони, каким-то особым чутьём она чувствовала утро. Фигура её, гибким силуэтом сгибалась к костру, руки находили тлеющий уголёк, замерзающие губы раздували его, робкий огонёк начинал играть, соединялся с другим прутиком, и через какие-то минуты, в шалаше играл своими согревающими бликами костёр – начинался новый трудовой день.

Неохотно возвращалось тепло в жилище. Но огонь делал своё дело, сначала извещил всех своим ярким светом и пощёлкиванием горящих полешек, а потом и струйками своего тепла стал проникать даже под тёплые одежды.

Огонь для ненца в тундре – это самое важное и на виду находящееся божество. Огонь греет, готовит, сушит и даёт жизнь и силу жизни. Мотлюм часто разговаривал с огнём.

«Пора вставать», – решил Мотлюм, сквозь одежды поглядывающий на пляшущие в костре огоньки пламени. Увидев, что Мотлюм проснулся, Укони не оглядываясь, сказала:

– Багульника на, чай сварила тебе!

– Хома, – буркнул он и встал со своего спального места.

Огонь. Огонь – это первое, что даёт человеку жизнь в тундре и лесу. Мотлюм искренне верил, что огонь – это живое существо, особенно, когда смотрел на него. Мотлюм вглядывался в языки пламени и видел разные рожицы. Огонь мог согреть, огонь мог обжечь и не согреть, огонь мог дать жар и тепло, а мог поиграть и уйти. Огонь может гореть, а не захочет – и не будет, шипеть будет, дымить, не усидишь возле него, а когда потухнет, то на душе плохо будет, а то и горе случится. Или в лучшем случае – неудача. Никогда где попало Мотлюм не разводил его, а если и разводил, то только тогда, когда он необходим, – в чуме, приготовить поесть, на святых местах. В это утро огонь горел ярким пламенем, озарял всех своим ярким пробуждающим светом, а прозрачный дым улетал вверх, в светящееся в чувале шалаша небо. Укони уже подложила Мотлюму дневные кисы с чижками, впереди сложный и длинный день.

Вот так, в суете сует, в тягестях и отдыхах, в морозах и метелях, обоз Мотлюма прошёл основной путь, нарты переехали уже его реку Казым, до чума оставалась одна одышка. Мотлюм остановил передового быка, привязал его к копылу. После чего подошёл к одной из обозных нарт, покопался там, и достал настоящий православный колокольчик, и привязал его к своему передовому быку, к лямке на шее. Он должен извести Тойчу о триумфальном приезде. Невольно лицо расплывалось у Мотлюма от радости перед предстоящей встречей. Всё радовало взор

Мотлюма, а как же, каждое дерево, каждое озеро было не только знакомо ему, но и было родным, ибо здесь проходило его детство и взрослые годы, скажи ему сейчас после такого дальнего и тяжёлого странствия: «Час твой настал – умри» – и Мотлюм бы покорно умер.

Но судьба ему давала ещё много лет жизни и большую миссию, которую он должен был выполнить. Улыбалась и Укони – рой мыслей и радостей, кружили её воображение перед встречей с родным чумом и очагом. Мысли её копались уже в заветных и ведомых только ей уголках и местах, в которых хранились предметы, нужные лишь только ей одной.

Мотлюм поднял хорей и нарты полетели вперёд, к тому месту, в которое тянула их с чужбины душа. Дрожала душа у Мотлюма: вон через тундрочку виднеется шапочка леса. Там и есть чум!

Неистово на шее передового звенел колокольчик, слушая его Мотлюм улыбался про себя и думал: «Тойча скоро услышит его и пойдёт навстречу, наверное, тоже обрадуется, надоело одному там нас ждать».

Лесок приближался всё ближе и ближе. «Странно, – подумал Мотлюм, – а почему не лают собаки?» Еще пара сотен метров ближе к чуму и ещё, и вот он сам – заиндевелый...

«Никого нет! А где Тойча? А где собаки?» – мелькали в голове Мотлюма беспокойные мысли. У чума Мотлюм остановил нарты, осторожно поглядывая вокруг, привязал передового быка и стал оглядывать своё лесное подворье. Кому, как не ему, знающему таёжную азбуку как свои пять пальцев, без труда удалось понять и установить ситуацию. Мотлюм посмотрел на Укони и сказал:

– Дней пять, как ушёл. И собак взял! Куда вот только,

кому он нужен, где?

Эйфория радости проходила, на смену ей приходила госпожа тревога. Оставалось более основательно осмотреть всё вокруг чума.

– Разводи огонь в чуме, – распорядился он Укони.

Мотлюм снял с себя гусь из оленьей шкуры, положил его на нарты, и пошёл по привязям собак. Собакам Мотлюм делал домики из жердей, которые обкладывал дёрном из мха. Домики не продувались ветром, и в них собаке было теплее. Место вокруг чума, было исхожено лисами, россомахами, были следы волка.

– Как по дому ходили! – Громко выругался Мотлюм.

Чум Мотлюма располагался в просторном сосновом бору, чум, кораль для оленей возле него, с южной стороны в сотне метров – речка, впадающая в Йенто-Яй, на которой стоял запор на рыбу, лабаз для хранения необходимого, того, что мешало в чуме и ряд оленьих нарт для разного назначения.

У собачьего чума верёвка была съедена, не отвязана. У второго собачьего дома также и... кровь. Понятно. Тут орудовали волки, а лисы и птички подчистили их место преступления. «Вот только где Тойча», – задумывался Мотлюм, обследуя окрестности своего жилища.

Ноги повели по тропинке к рыбьему запору. Осторожно Мотлюм ступал, ничто не уходило незамеченным от его взгляда. Вот – кустик карликовой берёзки, а на нём – кусочек рубахи, которую носил Тойча. От такой находки у Мотлюма забилось сердце, предчувствуя недоброе. Ещё три шага, и тесёмки его кисов. Мотлюм потянул за ней и из снега вышла голень ненецких кисов с кровью. Тут уже стало понятно – волки. Не было вокруг следов чужих нарт, только следы волков, лис и россомах.

Ноги Мотлюма быстрее и быстрее повели к запору, в же-

лании быстрой разгадки причины события, которое разыгралось в их отсутствии. Вот и запор – деревянная изгородь поперёк реки, кругом всё усеяно следами зверей и морда, не опущенная в воду.

«А-пэй», – тихо сказал Мотлюм.

Бедняга Тойча проверял морду, и, как только он вытащил её из воды, его окружили волки. Бой был недолгим, звери-убийцы в лёгкую справились с незащищённым ничем человеком, а время и ночи, птички и грызуны, после волков, быстро довершили дело. А когда покончили с человеком, ринулись к чуму и съели собак. Осунувшийся, в печали, Мотлюм возвращался к своему чуму.

Из чума уже курился дымок, не заходя в него, стараясь хоть как-то унять печаль, Мотлюм принялся за свои вечные труды. Надо распрячь и привязать оленей – завтра ехать к Мэйко. Независимо от души руки работали. Как в тумане отогнал нарты в бор, привязал оленей, вернулся в чум, и опять по этой кровавой тропке вернулся к речке, продолжил майну в запоре и поставил на место деревянную морду. Без рыбы в тундре жить плохо.

Сумерки наваливались на землю ещё больше, но Мотлюма они не волновали, он думал: «Что делать? С чего начинать?»

Бесшумно шагая к чуму, он не знал выхода, смахивая со щёк слёзы. Рука привычно откинула шкуру у входа в чум, Мотлюм шагнул туда, и увидев Укони с девочкой в руках, тяжело выдохнув, сказал:

– Ну что, будем жить дальше!

Укони крепко и нежно в руках держа девочку сказала:

– Это моя девочка «Мань нингашки».

пос. БЕРЕЗОВО,
Ханты-Мансийский
автономный округ - ЮГРА

Виктор КОШЕЛЕВ

Колотил бочки на сельдяной путине

Виктора Кошелева считали надеждой советской графики. Почти вся его творческая судьба была связана с Севером. Несколько работ мастера в своё время приобрёл Русский музей. Как вспоминают магаданцы, Кошелев был очень неординарной личностью. Его необычность проявлялась во всём. Даже в анкетах. Летом 1970 года он, вступая в Союз художников, написал нестандартную автобиографию. В Магаданском обкоме КПСС, когда её прочитали, пришли в ужас. Но он переписывать её в угоду партчиновникам отказался. Сейчас этот документ хранится в архиве вдовы мастера — Нины Кошелевой.

Магадан 23.6.70

7 мая 1933 года во Владивостоке я родился. Отец военный, мама эпизодически работала, разъезжая с ним по Приморью, и нас, детей, было трое, а к войне пятеро.

В сорок первом эвакуировались в «хлебный» Ташкент; и через два года двух сестёр не стало. После войны родители встретились, чтоб расстаться, и я после «дележа» оказался с отцом в Китае; он себе служил, а я «скакал» через классы, так как необходимых мне, последующих, не оказалось в экспромтом созданной послевоенной Порт-Артурской советской школе. Даже помещения не было – в кумирне под партами бились самурайскими мечами.

Много лет спустя, когда я уехал работать в Заполярье, на Чукотку, я часто вспоминал, да и сейчас не забываю, нашего прекрасного педагога, директора школы Николая Ивановича Максимова. Николай Иванович ещё до войны долго работал в Уэлене, в Анадыре, преподавал, был жур-

налистом в газете «Советская Чукотка», куда и я через тридцать лет после него попал...

Затем он, уже у нас работая в сороковых годах в Порт-Артурской школе, написал известную теперь книгу «В поисках счастья», и для нас он был одновременно простым и добрым, а иногда и достаточно суровым товарищем, и человеком иного мира – полярником! Писателем!

Так вот, много лет спустя в моём решении ехать на Север был повинен Николай Иванович, но это было позже...

Школу я закончил в сорок девятом, и, вернувшись в «Союз», как мы говорили, решил жить самостоятельно, пошёл работать. Был лодочником, чертёжником, колотил бочки на сельдяной путине. До службы в Армии побывал и на Кавказе, и в центральной России. Работал в Ростове-на-Дону, в Таганроге. Побывал в длительных командировках в Орджоникидзе, восстанавливал Керченский металлургический завод. Затем Армия. Служба как служба, в пятьдесят шестом демобилизованным старшим сержантом вернулся к отцу, он после отставки уже жил в Киеве. Попал на завод, шлифовщиком стал, сдал в институт, но в новой отцовской семье не ужилась, и через два года мне повезло: помогли знакомые товарищи, журналисты киевские (я уже нештатно работал – писал и рисовал – в тамошних газетах и журналах, на телевиде-

нии), порекомендовали меня, и вскоре, в мае пятьдесят девятого, получив подъёмные и проездные, отправился в месячное путешествие к месту работы по договору – в далёкий заполярный Анюйск на Чукотке. Районная однополоска, затем Анадырь, окружная «Советская Чукотка», Магадан – областная молодёжка. Литсотрудник, художник, ответственный секретарь, фотокорреспондент: все газетные специальности перепробовал за почти десятилетнюю свою деятельность в журналистике.

В 1962 году женился и был принят в члены Союза журналистов СССР. По этому поводу через год родилась дочь, полгода провыбирали ей имя, а когда я чуть не утонул, нырнув под лёд на машине в реку Яну, у меня появился и довод и повод (ещё один) – дочка стала Яной.

Начиная где-то с 60-го или 61-го года, не пропустил, по-моему, ни одной областной выставки, но на большее пороку не хватало – заедала газетная текучка. В конце 1968 года наконец-то ушёл в Фонд. В результате, через год, три гравюры попали в экспозицию зональной выставки «Советский Дальний Восток» и республиканской, юбилейной, посвящённой столетию В.И. Ленина – одна работа.

Хочу надеяться, что очень много дали мне два месяца потока в доме творчества «Челюскинская»; вкусив офорта, теперь испытываю жжение под ложечкой и не дождусь установки офортного станка в ближайшем времени...

